
A 202/17

2007099090

ОЧЕРКИ

МОЕЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСАНДРА II^{го}.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Г. Д. Щербачева.

МОСКВА.

1891.

ОЧЕРКИ

МОЕЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСАНДРА II[го].

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Г. Д. Щербачева.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бул.
1891.

П О П Р А В К А:

На стр. 29, строка 15 вмѣсто „дороже другаго члена" слѣдуетъ *дороже не-члена.*

Дозволено цензурою. Москва, января 9 дня, 1891 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРИГОРІЯ ДМИТРІЕВИЧА ЩЕРБАЧЕВА *)

I.

По пріѣздѣ моемъ изъ Севастополя въ Москву въ началѣ Января 1855 года, радость свиданія съ близкими родными такъ цѣлебно подѣйствовала на мое здоровье, что головныя боли, которыми я страдалъ, совершенно прошли, и зрѣніе, пострадавшее отъ контузіи въ голову, вполнѣ возстановилось. Но не такъ легко я избавился отъ нервнаго разстройства, возбужденнаго во мнѣ картинами смерти и страданій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ осажденномъ городѣ. Въ Москвѣ случалось со мною, иногда ночью, что я вскакивалъ съ постели, какъ будто слыша выстрѣлы, и затѣмъ не могъ заснуть до утра; я отвѣчалъ невпопадъ на предлагаемые мнѣ вопросы, воображая себя на Николаевской батареѣ, говорящимъ съ Карповымъ или съ Маіевскимъ. Помню, что когда, по приказанію коменданта, я поѣхалъ въ Успенскій Соборъ присягать, по случаю восшествія на престолъ Императора Александра II и когда, во время самой присяги, упалъ съ Ивана Великаго колоколъ, пробившій всѣ этажи колокольни и раздавившій людей, тамъ жившихъ, я не могъ, выходя изъ церкви, удержаться отъ смѣха: мнѣ казалось почему-то очень комичнымъ положеніе лицъ, которыхъ колоколъ накрылъ и увлекъ внизъ. Смѣхъ мой былъ, конечно, послѣдствіемъ нервнаго разстройства. Причиною паденія колокола, какъ говорили, было халатное отношеніе къ своимъ обязанностямъ лицъ завѣдывавшихъ церковными постройками; пять лѣтъ передъ тѣмъ замѣчено было, что балки, на которыхъ держался колоколъ, подгнили. По этому поводу возбуждена была переписка, но колоколъ не дождался ея окончанія, упалъ и раздавилъ немало людей. Въ паденіи колокола нѣкоторые видѣли дурное предзнаменованіе для царствованія новаго Императора.

Проживъ въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ, я уѣхалъ въ Петербургъ ранѣе срока отпуска, даннаго мнѣ княземъ Меншиковымъ. Въ

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1890 года, кн. 1-я.

то время Великій Князь Михаилъ Николаевичъ не вступалъ еще въ должность генералъ-фельдцейхмейстера; артилеріей управлялъ инспекторъ всей артиллеріи баронъ Николай Ивановичъ Корфъ, который предложилъ мнѣ быть при немъ личнымъ адьютантомъ. Я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, такъ какъ, съ одной стороны, баронъ Николай Ивановичъ былъ отличный человѣкъ, съ которымъ пріятно было служить, а съ другой стороны новое мое назначеніе избавляло меня отъ обязанности вернуться въ Севастополь. Я желалъ остаться на службѣ въ Петербургѣ, потому что, полюбивъ въ Москвѣ одну молодую дѣвушку, я долженъ былъ въ скоромъ времени жениться. Свадьба моя была въ Москвѣ.

Когда мы переѣхали въ Петербургъ, баронъ Николай Ивановичъ, его жена и дочь (вышедшая вскорѣ замужъ за Моренгейма, въ настоящее время нашего посла въ Парижѣ) отнеслись съ такимъ вниманіемъ и такой любезностью ко мнѣ и моей женѣ, что я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю время, когда я былъ у барона Корфа адьютантомъ. Благородное сердце и искренность чувствъ составляли главныя черты его характера.

Начальникомъ штаба у него былъ генералъ-адьютантъ Безакъ, человѣкъ недюжиннаго ума, но довольно сухой, непривѣтливый и, за исключеніемъ своихъ родныхъ, рѣдко исполнявшій просьбы, обращенныя къ нему его подчиненными. Мнѣ не разъ приходилось совѣтовать офицерамъ, получившимъ отъ него отказъ въ ихъ просьбахъ, обратиться къ Николаю Ивановичу, который, не отмѣняя рѣшеній Безака, умѣлъ удовлетворить ихъ желанія другимъ путемъ. Былъ напримѣръ такой случай. Одинъ артилерійскій офицеръ, служившій въ бригадѣ, которая стояла въ Харьковской губерніи, женился на дѣвушкѣ, у которой имѣніе было въ Тверской губерніи. Чтобы поближе быть къ имѣнію своей жены, онъ просилъ Безака перевести его въ бригаду, стоявшую въ Тверской губерніи; Безакъ отказалъ по неимѣнію вакансіи. Офицеръ просилъ меня передать его просьбу барону Корфу. Я исполнилъ желаніе офицера и при этомъ придумалъ такую комбинацію. Зная, что, одинъ изъ офицеровъ, служащихъ въ Тверской губерніи, долженъ быть въ скоромъ времени прикомандированъ къ гвардейской артилеріи и что ему было совершенно безразлично въ какой бы бригадѣ не считаться по спискамъ, до прикомандированія его къ гвардіи, я предложилъ ему помѣняться мѣстомъ своей службы съ офицеромъ, желавшимъ служить въ Тверской губерніи. Онъ согласился; я доло-

жилъ объ этомъ барону, и офицеры были перемѣщены, согласно ихъ желанію.

Въ параллель къ этому случаю, я могу впрочемъ привести другой, когда Николай Ивановичъ не исполнилъ просьбы офицера. Было это такимъ образомъ. Пріѣхалъ ко мнѣ какой-то конно-артилерійскій подполковникъ, котораго я не зналъ (фамилія его была, сколько помню, Штосъ) и умолялъ меня попросить барона Корфа принять его наединѣ, такъ какъ онъ имѣлъ передать его высокопревосходительству весьма важное дѣло о какихъ то несправедливостяхъ начальника артиллеріи въ одномъ изъ корпусовъ. Зная доброту Николая Ивановича, я сказалъ Штосу, чтобы онъ заѣхалъ къ Корфу на другой день послѣ общаго пріема и тогда я, какъ дежурный въ этотъ день адьютантъ, доложу о немъ и надѣюсь, что онъ будетъ тотчасъ принятъ. Штосъ пріѣхалъ. Оставивъ его въ пріемной комнатѣ, я пошелъ къ Николаю Ивановичу въ кабинетъ и объяснилъ ему желаніе Штоса; но едва я произнесъ эту фамилію, какъ Николай Ивановичъ вскочилъ съ мѣста и рѣзко мнѣ сказалъ: «Чтó вы дѣлаете! Знаете ли вы, кто этотъ Штосъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю его. «Штосъ - сумашедшій, у котораго вынуждены были отнять батарею, и онъ, считая себя жертвою несправедливости, ѣздитъ ко всѣмъ отыскивать правосудія. Это—второй Богдановъ. Велите ему удалиться; я его не приму». Послѣ этихъ словъ, я, конечно, посовѣтовалъ Штосу не пріѣзжать болѣе къ Николаю Ивановичу, а предложилъ написать письмо или докладную записку, которую я, если онъ желаетъ, могу передать его высокопревосходительству. Штосъ обѣщалъ написать, но почему-то не написалъ. Я не знаю, былъ ли Штосъ дѣйствительно сумашедшій, но помню одну изъ его выходокъ, которая показалась мнѣ весьма странной: сидя у меня въ кабинетѣ и разсказывая исторію его столкновенія съ какимъ-то начальникомъ, онъ пришелъ въ такой азартъ, что началъ бранить этого начальника, употребляя выраженія, которыя можно слышать только въ кабакахъ, и при этомъ такъ возвысилъ голосъ, что еслибы моя жена была дóма, то непремѣнно услышала бы его, сидя за двѣ комнаты отъ моего кабинета. Послѣ этой выходки я не велѣлъ его принимать къ себѣ. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что онъ дѣйствительно былъ не въ своемъ умѣ, но сошелъ съ ума не до отнятія у него батареи, а послѣ.

Я сказалъ выше, что Корфъ, отказавшись принять Штоса, выразился про него, что это второй Богдановъ. Считаю небезъинтереснымъ разсказать исторію этого Богданова, съ которымъ я случайно познакомился на пароходѣ, ѣхавъ семь или восемь лѣтъ передъ тѣмъ изъ

Петербурга въ Шлиссельбургъ. Богдановъ въ то время былъ отставной полковникъ Корпуса путей сообщенія. Сидя рядомъ со мной на палубѣ, онъ началъ разговоръ съ того, что предложилъ мнѣ за 1 р. 50 к., которые онъ заплатилъ за мѣсто на пароходѣ, купить у него 3000 десятинъ земли. Такое предложеніе меня чрезвычайно удивило; чтобы уяснить его, онъ мнѣ разсказалъ нѣкоторые эпизоды изъ его служебной дѣятельности, а позже я узналъ всѣ подробности его жизни отъ другихъ лицъ. Послѣднее мѣсто служенія Богданова была должность начальника дистанціи по дорогѣ отъ Петербурга въ Новую Ладогу. Въ то время чины Министерства Путей Сообщенія, во главѣ котораго стоялъ графъ Клейнмихель, извѣстны были своимъ умѣніемъ собирать незаконные доходы. Мѣсто начальника дистанціи, которое занималъ Богдановъ, было одно изъ самыхъ доходныхъ мѣстъ; но какъ честный человѣкъ, онъ не только уничтожилъ всѣ поборы, которые дѣлались съ судовъ, проходящихъ по Невѣ и по каналамъ въ Петербургъ, но и педантично слѣдилъ за своими подчиненными, чтобы они не брали взятокъ. Такая честность, какъ несогласная съ порядками, существовавшими въ Министерствѣ Путей Сообщенія, не могла, конечно, не возбудить къ нему ненависти не только его подчиненныхъ, но и лицъ окружавшихъ графа Клейнмихеля. Начались жалобы, наговоры, доносы. Богдановъ не обращалъ на нихъ вниманія, продолжалъ работать и преслѣдовать взятки; наконецъ, онъ напечаталъ какую-то брошюру, которая заслужила вниманіе ученаго міра. Тогда графъ Клейнмихель рѣшился его наградить и далъ ему въ полное и потомственное владѣніе 3000 десятинъ земли въ тундрахъ Архангельской губерніи. Эту-то землю онъ и предлагалъ мнѣ купить за 1 р. 50 к. Получивъ такую награду, которую Богдановъ счелъ за насмѣшку, онъ сошелъ съ ума, и первымъ проявленіемъ его сумашествія была слѣдующая выходка. Надѣвъ полную парадную форму, онъ отправился на гауптвахту и потребовалъ именемъ Государя двухъ часовыхъ. Въ караулѣ стоялъ молодой офицеръ, который, видя передъ собою полковника грозно приказывающаго Высочайшимъ именемъ, не рѣшился ему отказать и далъ требуемыхъ часовыхъ съ ефрейторомъ. Онъ повелъ ихъ къ дому, гдѣ жилъ графъ Клейнмихель, поставилъ у дверей и велѣлъ никого не впускать и никого не выпускать изъ квартиры его сіятельства. Затѣмъ онъ поѣхалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому, велѣлъ доложить, что желаетъ видѣть министра по весьма важному дѣлу, и когда графъ Перовскій принялъ его у себя въ кабинетѣ, онъ объяснилъ, что вся Россія благодарна его сіятельству за то, что онъ энергически преслѣдуетъ воровъ и мошенниковъ и что, сочувствуя его благимъ стремленіямъ, онъ пріѣхалъ къ нему указать на самаго глав-

наго вора, къ задержанію котораго онъ принялъ уже мѣры. На вопросъ графа Перовскаго, кто этотъ воръ, Богдановъ отвѣчалъ: графъ Клейнмихель и, вынувъ изъ кармана пистолетъ, прибавилъ, что этотъ воръ отъ него не уйдетъ. Графъ Перовскій, понявъ, что онъ имѣетъ дѣло съ сумашедшимъ, сказалъ, что для этого вора у него есть другое оружіе и, указавъ на нагайку, висѣвшую на стѣнѣ въ числѣ принадлежностей охоты, взялъ у Богданова пистолетъ. Затѣмъ его арестовали и отправили въ сумашедшій домъ, гдѣ онъ просидѣлъ два года. По выздоровленіи ему дали небольшой пенсіонъ, дочерей опредѣлили въ одинъ изъ институтовъ, и онъ поселился съ семействомъ гдѣ-то на Выборгской сторонѣ. Когда я съ нимъ познакомился на пароходѣ, онъ былъ вполнѣ въ здравомъ умѣ, бранилъ только графа Клейнмихеля и разсказалъ мнѣ, какой онъ придумалъ способъ для преслѣдованія своего бывшаго начальника. Встрѣтившись съ графомъ гдѣ-то случайно, онъ замѣтилъ, что встрѣча эта произвела на графа весьма непріятное впечатлѣніе; вслѣдствіе этого онъ рѣшился каждый день приходить на Дворцовую набережную, гдѣ обыкновенно гулялъ графъ Клейнмихель и, увидавъ его, онъ становился за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ и шелъ не отставая, куда бы графъ ни повернулъ. Хоть этимъ способомъ, прибавилъ онъ, буду мстить ему за все зло, которое онъ мнѣ сдѣлалъ.

Вскорѣ по назначеніи меня адъютантомъ къ барону Корфу, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, достигнувъ совершеннолѣтняго возраста, вступилъ въ исправленіе должности генералъ-фельдцейхмейстера, а баронъ Корфъ назначенъ былъ товарищемъ генералъ-фельдцейхмейстера, причемъ государю угодно было, по просьбѣ барона Корфа, оставить при немъ двухъ его адъютантовъ: меня и Рота (бывшаго впослѣдствіи директоромъ Артилерійской Академіи и Артилерійскаго Училища). Въ день пріема артилеріи отъ барона Корфа, Его Высочество съ своимъ адъютантомъ, а баронъ Корфъ со мной объѣхали разныя артилерійскія учрежденія, причемъ изъ словъ, сказанныхъ Великимъ Княземъ представлявшимся ему чинамъ Артилерійскаго Департамента, уяснилось, что въ личномъ составѣ артилеріи предстоятъ большія перемѣны. И дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени, начальникомъ штаба генералъ-фельдцехмейстера былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Баранцевъ, директоромъ Артилерійскаго Департамента — генералъ-адъютантъ Лутковскій, а Безакъ получилъ 4-й пѣхотный корпусъ. При перемѣнѣ высшихъ артилерійскихъ начальниковъ, штабъ генералъ-фельдцейхмейстера остался въ томъ же составѣ; но изъ Ар-

тилерійскаго Департамента нѣкоторые низшіе чины должны были уйти. Къ реформѣ этой въ артилеріи отнеслись весьма сочувственно.

Вскорѣ послѣ паденія Севастополя заключено было перемиріе, и хотя всѣ ожидали, что за перемиріемъ послѣдуетъ миръ, но военныя приготовленія шли своимъ чередомъ. Для обороны Кронштата сухопутное артилерійское вѣдомство заказало Александровскому чугунно-литейному заводу въ Петрозаводскѣ около ста 60-ти фунтовыхъ пушекъ и поставило условіемъ изготовить ихъ непремѣнно къ 1-му Марта 1856 года. Для ускоренія отливки пушекъ и доставки ихъ въ Петербургъ Его Высочеству генералъ-фельдцейхмейстеру угодно было командировать меня на заводъ. Это было въ Январѣ 1856 года.

По пріѣздѣ въ Петрозаводскъ, я объяснилъ цѣль моей командировки начальнику завода; но, оказалось, что не только не отлито, но и не можетъ быть отлито къ условленному сроку ни одного орудія, такъ какъ заводъ, находясь въ вѣдѣніи Морскаго Министерства, считалъ себя обязаннымъ исполнить, прежде всего, заказъ этого министерства и въ то время занятъ былъ изготовленіемъ орудій для Балтійскаго флота. Такимъ образомъ нашъ Балтійскій флотъ, запертый въ Кронштадтѣ, получилъ бы къ открытію навигаціи орудія, изъ которыхъ ему не пришлось бы стрѣлять; а наши Кронштатскія укрѣпленія, имѣвшія цѣлью защищать Кронштатъ и флотъ отъ непріятельскихъ судовъ, остались бы безъ дальнобойныхъ орудій! Когда я донесъ объ этомъ штабу генералъ-фельдцейхмейстера, мнѣ предписано было войти въ соглашеніе съ заводомъ объ ускореніи изготовленія морскихъ орудій посредствомъ отмѣны фризъ и обточки орудій, а затѣмъ, по пріѣздѣ капитана 1-го ранга Посьета (занимавшаго въ недавнее время постъ министра путей сообщенія), командированнаго генералъ-адмираломъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ для надзора за отливкою орудій, передать все дѣло ему, опредѣливъ въ точности, сколько орудій можетъ быть изготовлено къ 1-му Марта для сухопутной артилеріи.

Въ Петрозаводскѣ прожилъ я болѣе мѣсяца и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. Губернаторомъ былъ Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ *), который, какъ оказалось, нѣсколько зналъ меня по наслышкѣ отъ брата своего Николая Николаевича, бывшаго въ то время Амурскимъ генералъ-губернаторомъ (Николай Николаевичъ, уѣзжая въ Сибирь въ началѣ 1850 года, предлагалъ мнѣ перейти къ нему на

---

*) Отецъ нынѣшняго прокурора Московской Судебной Палаты.

службу чиновникомъ по особымъ порученіямъ; но я не рѣшился разстаться съ Петербургской жизнію; онъ взялъ съ собой молодого офицера Семеновскаго полка, своего родственника и моего хорошаго знакомаго Михаила Семеновича Корсакова, который послѣ смерти Муравьева сдѣланъ былъ на его мѣсто генералъ-губернаторомъ). Валерьянъ Николаевичъ былъ такъ внимателенъ и любезенъ, что далъ мнѣ помѣщеніе въ губернаторскомъ домѣ и предложилъ ежедневно у него обѣдать. Будучи вдовцомъ, онъ любилъ говорить о своей покойной женѣ и съ такой душевной теплотой вспоминалъ о своей прошлой семейной жизни, что не могъ не вызвать во мнѣ искренней къ нему симпатіи и душевнаго уваженія. Только что женившись и не испытавъ еще всѣхъ треволненій семейной жизни, я съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ его, когда онъ говорилъ, что единственное прочное счастіе на землѣ, это—счастье семейное.

На другой день моего пріѣзда въ Петрозаводскъ со мной былъ такой случай. Пріѣхавъ вечеромъ, я занялъ квартиру, въ которой печи не были топлены; я приказалъ ихъ затопить, провелъ всю ночь не раздѣваясь и только къ утру, когда комнаты нѣсколько согрѣлись, легъ спать; но не прошло и двухъ часовъ, какъ я уснулъ, лакей меня разбудилъ и объявилъ, что меня желаетъ видѣть жандармскій полковникъ князь Мышецкій. Я хотѣлъ одѣться, но полковникъ просилъ меня убѣдительно тотчасъ же его принять по весьма важному дѣлу. Будучи въ то время въ чинѣ капитана, я немало былъ удивленъ, увидавъ передъ собой полковника въ полной парадной формѣ, но удивился еще болѣе, когда онъ мнѣ сказалъ, что счелъ долгомъ ко мнѣ явиться, чтобы, прежде чѣмъ я увижу губернатора, разсказать мнѣ подробно дѣло о плѣнномъ Англичанинѣ, о которомъ губернаторъ можетъ сообщить мнѣ невѣрныя свѣдѣнія. Выслушавъ эту тираду, я невольно подумалъ, что передо мной стоитъ сумашедшій и ожидалъ, что онъ, или какъ Штосъ станетъ браниться, или, какъ Богдановъ, предложитъ мнѣ арестовать губернатора. Я просилъ его сѣсть, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Одинъ, взятый въ плѣнъ въ Финляндіи, морской Англійскій офицеръ былъ присланъ на жительство въ Петрозаводскъ; по распоряженію губернатора ему дано было помѣщеніе на чугунно-литейномъ заводѣ у помощника начальника завода полковника Фелькнера, который, будучи самъ Англійскаго происхожденія, не только дозволялъ Англичанину осматривать заводъ, но и самъ сообщалъ ему подробныя свѣдѣнія о нашемъ пушечномъ производствѣ. Такія измѣнническія дѣйствія Фелькнера вынудили князя Мышецкаго сдѣлать о нихъ доносъ 3-му отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи и увѣдомить губер-

натора. При этомъ князь Мышецкій разсказалъ, что въ Англичанина влюбилась какая-то барыня, которая, по его наущенію, собирала различныя свѣдѣнія о нашихъ военныхъ силахъ, что Англичанинъ успѣлъ уже составить записку о всемъ имъ узнанномъ и вѣроятно, съ помощью Фелькнера, отправилъ ее въ Англію. Выслушавъ князя Мышецкаго, я спросилъ его: съ какою цѣлью онъ мнѣ передалъ собранныя о плѣнномъ Англичанинѣ свѣдѣнія? На это онъ отвѣчалъ, что изъ моей подорожной, которую онъ видѣлъ въ полиціи, ему извѣстно, что я—адъютантъ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера и что я пріѣхалъ на заводъ для разслѣдованія дѣйствій Фелькнера, а потому онъ счелъ долгомъ уяснить мнѣ измѣнническое направленіе этого лица, зная, что отъ губернатора, находящагося съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, я правды не узнаю. Понявъ ошибку князя Мышецкаго, я его поблагодарилъ за все имъ разсказанное и прибавилъ, что я не смѣю сомнѣваться въ истинѣ собранныхъ имъ свѣдѣній о плѣнномъ Англичанинѣ, но что свѣдѣнія, которыя онъ имѣетъ обо мнѣ и о причинѣ моего пріѣзда совершенно невѣрны: я не имѣю чести быть адъютантомъ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера и пріѣхалъ на заводъ вовсе не для разслѣдованія дѣйствій Фелькнера. При этомъ я подалъ ему подорожную, которую мнѣ только что принесли изъ полиціи, и просилъ повнимательнѣе ее прочесть. Князь Мышецкій очень сконфузился, извинился и уѣхалъ. Я надѣлъ полную парадную форму и отдалъ ему визитъ. Проживъ нѣкоторое время въ Петрозаводскѣ, я узналъ, что князь Мышецкій былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ губернаторомъ и постоянно дѣлалъ на него доносы. Чѣмъ окончилось дѣло по доносу о плѣнномъ Англичанинѣ, я не знаю. Надобно сказать, что въ то время отношенія между губернаторомъ и жандармскими штабъ-офицерами въ губерніяхъ были престранныя: будучи независимы другъ отъ друга, они должны были доносить о всемъ, что̀ дѣлается въ губерніи, каждый своему начальству. Отъ этого нерѣдко бывали между ними столкновенія, но такое двоевластіе имѣло для населенія ту хорошую сторону, что, сдерживая порывы начальническаго произвола, оно заставляло обѣ власти осмотрительнѣе и добросовѣстнѣе относиться къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, служба моя при баронѣ Корфѣ состояла только въ томъ, что я ѣздилъ съ нимъ на разводы и смотры. На одномъ изъ разводовъ былъ такой случай. Когда всѣ адъютанты собрались вокругъ коменданта для полученія пароля, комендантъ назначилъ г. Изюмъ и передалъ его на ухо рядомъ съ

нимъ стоящему адъютанту; этотъ передалъ другому, другой третьему и, наконецъ, когда пароль дошелъ до послѣдняго адъютанта, то этотъ сказалъ коменданту не Изюмъ, а Черносливъ. Комендантъ страшно разсердился; но въ виду того, что при отдачѣ пароля соблюдается полная тишина и всѣ держатъ руку подъ козырекъ, онъ долженъ былъ сдержать свой гнѣвъ и передалъ пароль Изюмъ въ другой разъ; на этотъ разъ пароль дошелъ вѣрно. Говорили, что адъютанта, который сошкольничалъ, нашли и посадили подъ арестъ. Это былъ одинъ изъ полковыхъ адъютантовъ гвардейской пѣхоты.

Наконецъ перемиріе окончилось, и 18-го Марта 1856 года заключенъ былъ миръ, окончившій кровопролитную и славную, но неуспѣшную для насъ войну. Россіи, привыкшей къ побѣдамъ, тяжело было потерять Черноморскій флотъ и часть владѣній; но всѣ понимали, что миръ былъ необходимъ и съ благодарностью отнеслись къ императору Александру II, даровавшему его.

По заключеніи мира баронъ Корфъ предположилъ лѣто 1856 года провести за границей и вернуться къ коронаціи, которая была назначена на 26 Августа. Я просилъ также заграничнаго отпуска для пользованія моей жены минеральными водами. Въ то время не было еще желѣзныхъ дорогъ, кромѣ Николаевской, а потому мы съ женой должны были отправиться моремъ въ Штетинъ. Путешествіе наше на пароходѣ *Владиміръ*, вслѣдствіе сильныхъ вѣтровъ, продолжалось около пяти дней. Всѣ ѣхавшіе на пароходѣ страдали отъ морской болѣзни, кромѣ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, который съ особеннымъ вниманіемъ ухаживалъ за больными дамами, лежавшими на палубѣ и въ палубной каютѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались слабые женскіе голоса, обращенные къ принцу: «Monseigneur, donnez moi mon châle... Monseigneur, faites moi apporter un verre d'eau и т. п., и Его Высочество ни одной просьбы не оставлялъ безъ вниманія. Я хотя также чувствовалъ непріятныя ощущенія отъ качки, но крѣпился и помогалъ, сколько могъ, принцу исполнять желанія дамъ. На пароходѣ ѣхалъ Бельгіецъ Капельмансъ, которому наше правительство поручило редакцію Брюссельскаго журнала «Le Nord», долженствовавшаго служить нашимъ печатнымъ органомъ за границей. Капельмансъ мнѣ не понравился вслѣдствіе своихъ рѣзкихъ и подчасъ несправедливыхъ сужденій о Россіи. Онъ выражалъ даже сомнѣніе въ доблести нашего солдата, говоря, что тамъ, гдѣ царствуетъ кнутъ и палка, люди невольно обращаются въ животныхъ, а у животныхъ не можетъ быть ни самолюбія, ни чести и чувства долга; храбрость нашего солдата

онъ объяснялъ равнодушіемъ его къ жизни, полной страданій, которымъ подвергаютъ его военныя власти. О молодомъ нашемъ императорѣ онъ говорилъ съ особеннымъ восторгомъ, предвѣщая ему славное царствованіе и пророча Россіи блестящую страницу въ ея исторіи. Возмущаясь парадоксальными сужденіями Капельманса о нашемъ солдатѣ и о всемъ Русскомъ, я не понималъ, какимъ образомъ могли поручить лицу съ такимъ направленіемъ быть нашимъ адвокатомъ передъ Европой.

Изъ Штетина мы поѣхали съ женой по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Одинъ изъ Нѣмцевъ, сидѣвшихъ съ нами въ вагонѣ, узнавъ, что мы Русскіе путешественники, совѣтовалъ намъ остановиться въ Берлинѣ въ новооткрытой гостиницѣ «Черниговъ» (Tchernigof's Hôtel), восхваляя ее до небесъ. Мы послушались этого совѣта и горько раскаялись. Докторъ Ромбергъ, приглашенный женой для совѣта, очень удивился, найдя насъ въ гостиницѣ, хуже которой, какъ онъ говорилъ, нѣтъ во всемъ Берлинѣ. Мы тотчасъ же переѣхали въ гостиницу «Римъ», считавшуюся въ то время лучшею. Ромбергъ, извѣстный спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ, предписалъ моей женѣ лѣченіе ваннами въ Шлангенбадѣ, куда мы и отправились. Берлинъ произвелъ на меня не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе; онъ имѣлъ мрачный видъ вслѣдствіе окраски домовъ въ темный цвѣтъ.

Шлангенбадъ (въ буквальномъ переводѣ: Змѣиная Баня) получилъ свое названіе отъ большаго количества змѣй, которыя тамъ водятся. Онъ состоялъ въ то время изъ 20—25 домовъ, построенныхъ въ ущеліи, между небольшими горами, у источника воды, которую всѣ пили какъ простую (такъ она была безвредна) и изъ которой дѣлались ванны для нервно-больныхъ. Шлангенбадъ получилъ нѣкоторую извѣстность послѣ того, какъ въ немъ провела лѣтній сезонъ императрица Александра Ѳеодоровна. Докторъ Бертранъ, единственный въ Шлангенбадѣ, носилъ всегда въ петличкѣ на сюртукѣ орденъ св. Станислава 3-ей степени, который ему пожаловалъ императоръ Николай I за лѣченіе императрицы. При источникѣ воды былъ кургаузъ съ помѣщеніями для ваннъ и небольшой паркъ, гдѣ иногда играла довольно плохая музыка; другихъ развлеченій не было; не было даже библіотеки. Пріѣзжихъ въ этомъ году было много. Изъ Русскихъ мы познакомились съ семействомъ Серно-Соловьевичъ, состоявшимъ изъ матери и двухъ сыновей, только что окончившихъ курсъ въ Петербургѣ въ Александровскомъ Лицеѣ. Эти молодые люди, о которыхъ я буду еще говорить, получили впослѣдствіи весьма печальную извѣстность; но въ то время они по-

литикой не занимались и своимъ умомъ и образованіемъ умѣли внести оживленіе въ тихую и однообразную жизнь Шлангенбада. Мы познакомились еще съ однимъ Французскимъ семействомъ, состоявшимъ изъ мужа и жены; оба были молоды и красивы. M-me Daguin была хорошенькая брюнетка, любившая пококетничать, а мужъ ея, помѣщикъ изъ Нормандіи, думалъ, кажется, о своемъ хозяйствѣ болѣе, чѣмъ о своей женѣ. По вечерамъ мы ходили гулять въ паркъ, или ѣздили на ослахъ въ горы. Помню, что, проходя одинъ разъ по площадкѣ, на которой стояли ослы, одна наша Петербургская знакомая К. М. Туманская спросила у одного изъ погонщиковъ, много ли тутъ ословъ; онъ ей съ большой наивностью отвѣчалъ: столько, сколько пріѣзжихъ иностранцевъ. Всѣ разсмѣялись этой остротѣ, хотя по добродушному виду погонщика, надобно было думать, что она была неумышленная.

Моя жена и m-me Daguin брали ванны иногда въ одинъ часъ; я же и m-r Daguin, въ ожиданіи нашихъ женъ, садились и бесѣдовали о политикѣ. Говоря одинъ разъ о вышедшей въ то время брошюрѣ: «Napoléon le Petit par Victor Hugo» я спросилъ моего собесѣдника, какъ смотрятъ на Наполеона III во Франціи? Онъ мнѣ отвѣчалъ такой фразой: «Oh! c'est un homme d'esprit; nous l'aurons encore, certes, pour dix ans» (О, это человѣкъ умный; намъ его хватитъ, вѣрно, еще на десять лѣтъ). О Крымской кампаніи онъ говорилъ, что Французамъ было, конечно, пріятно получать бюллетени о побѣдахъ надъ Русскими, но съ неменьшимъ удовольствіемъ читались во Франціи извѣстія объ успѣхахъ Русскихъ надъ Англичанами, хотя эти послѣдніе были ихъ союзники. Про *Тьера* Дагенъ выразился такъ: «C'est un homme d'état manqué» (это неудавшійся государственный человѣкъ), а про Виктора Гюго: «C'est un poëte, qui cherche ses inspirations dans les bas fonds» (это поэтъ, который ищетъ свое вдохновеніе въ низменностяхъ). Вообще Дагенъ былъ человѣкъ ничѣмъ недовольный и подвергалъ все и всѣхъ критикѣ. Про свое хозяйство онъ говорилъ, что оно идетъ хорошо, но шло бы еще лучше, если бы на престолѣ Франціи былъ не искатель приключеній (aventurier), а законный Французскій король изъ дома Бурбоновъ. Если Дагенъ былъ, какъ видно, легитимистъ, то нельзя сказать, чтобы его партія имѣла въ немъ виднаго представителя. Тьера онъ не любилъ въ особенности за то, что Тьеръ принадлежалъ въ то время къ Орлеанской партіи.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Шлангенбадъ, сидя у окна, я увидѣлъ огромную фуру, подъѣхавшую къ нашему дому. Когда фуру начали выгружать, меня удивило, что въ числѣ вещей были огромные утюги

той формы, какая употребляется въ Россіи; но я еще болѣе удивился, когда услыхалъ, что люди, пріѣхавшіе съ фурой, говорили по-русски. На вопросъ мой у горничной, намъ служившей, кто были эти Русскіе, она мнѣ отвѣчала, что привезенныя вещи принадлежали Русской графинѣ, а пріѣхавшіе люди были служащіе при ней. Вскорѣ подъѣхала коляска, и изъ нея вышла дама среднихъ лѣтъ въ элегантномъ костюмѣ. Увидавъ ее, я тотчасъ же узналъ Мину Ивановну, извѣстную въ то время всему Петербургу силу, дававшую мѣста, ордена и устроительницу служебной карьеры для лицъ, къ ней обращающихся. Но къ чести ея надобно сказать, что она это дѣлала по душевной добротѣ, а не изъ-за денегъ, какъ многія ей подобныя женщины. Красота Мины Ивановны уже поблекла, ей было около 40 лѣтъ; покровитель ея выдалъ ее замужъ за одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника, который не имѣлъ графскаго титула, а потому она могла называться генеральшей, но не графиней. Отчего она носила этотъ титулъ и даже на всемъ своемъ бѣльѣ поставила мѣтки съ графскимъ вензелемъ, я не знаю. Помѣщеніе, ею занятое, было роскошное. Она ежедневно приходила гулять въ паркъ; но Русскіе, бывшіе въ Шлангебадѣ, съ ней не знакомились, и кружокъ ея составился изъ нѣсколькихъ Нѣмцевъ и Нѣмокъ.

На Французской границѣ насъ заставили открыть чемоданы; но когда увидали, что на верху моихъ вещей лежала военная фуражка, то просили тотчасъ же закрыть, не подвергая осмотру. Поѣздъ нашъ пришелъ въ Парижъ около 12 часовъ ночи. Когда я хотѣлъ получить вещи изъ багажа, мнѣ ихъ не дали, говоря, что онѣ должны быть осмотрѣны городской таможней; оказалось, что въ Парижѣ существуетъ octroi, то есть акцизъ на привозимые въ городъ колбасы и свиные продукты, вслѣдствіе чего всѣ вещи пасажировъ подвергаются осмотру: это на подобіе нашихъ бывшихъ винныхъ откуповъ, когда у каждой заставы находились откупные досмотрщики, которые останавливали всѣхъ проѣзжающихъ и совали свои желѣзные щупы въ ихъ сундуки, чтобы убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ водки. Моего чемодана я никакъ не могъ открыть: ключъ испортился. Тогда я объяснилъ досмотрщику, что колбасы у меня нѣтъ, такъ какъ я не колбасный торговецъ, а Русскій офицеръ и при этомъ показалъ ему мой паспортъ *), въ которомъ было сказано, что я уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни, происшедшей отъ контузіи въ голову. Досмотрщикъ, какъ оказалось,

---

*) Прежніе заграничные паспорты писались по-русски и по-нѣмецки. Досмотрщикъ былъ Эльзасецъ, а потому зналъ Нѣмецкій языкъ.

былъ солдатомъ въ Севастополѣ и, выйдя въ отставку послѣ войны, поступилъ на службу въ octroi. Онъ схватилъ у меня руку, пожалъ ее и съ удареніемъ сказалъ: Oh! Je connais les Russes; vous êtes un brave monsieur. Prenez vos colis et filez (О, я знаю Русскихъ; вы храбрый офицеръ, берите ваши сундуки и проходите). Добродушное, хотя грубовато выраженное сочувствіе къ Русскимъ бывшаго солдата меня разсмѣшило; я понялъ, что контузія моя мнѣ пригодилась на что нибудь: безъ нея пришлось бы, или ломать замокъ въ чемоданѣ, или ночевать въ воксалѣ желѣзной дороги.

Передъ отъѣздомъ за границу, баронесса Корфъ, жившая долгое время въ Парижѣ, рекомендовала намъ остановиться въ меблированныхъ комнатахъ «rue de Provence». Взявъ свои вещи, мы поѣхали туда въ огромномъ омнибусѣ въ часъ ночи. Намъ дали очень хорошее помѣщеніе въ двѣ комнаты по 10 франковъ въ день; содержательница этихъ комнатъ была очень милая особа, употреблявшая всѣ усилія чтобы намъ угодить. Разскажу два случая, бывшіе со мной, которые могутъ служить иллюстраціей вѣжливости Французовъ второй имперіи. Проходя мимо какой-то лавочки, я замѣтилъ выставленную у окна коробочку въ родѣ пепельницы. Коробочка мнѣ понравилась, и я спросилъ у лавочника, стоявшаго съ сигарой во рту у открытой на улицу двери, сколько она стоитъ; онъ мнѣ отвѣчалъ—два франка; тогда я пожелалъ знать изъ бронзы она, или нѣтъ. При этомъ вопросѣ лавочникъ покраснѣлъ до ушей и, возвысивъ голосъ, сказалъ мнѣ, что я не имѣю права предлагать ему вопросъ, который можетъ означать, что я подозрѣваю торговца въ воровствѣ, такъ какъ только одинъ воръ можетъ продавать такія бронзовыя вещи по два франка, что если у меня есть глаза, то я могу видѣть, что коробка сдѣлана изъ папье-маше. Выходка этого лавочника, къ которому я отнесся вполнѣ вѣжливо, меня удивила. Другой случай былъ слѣдующій. Я поѣхалъ въ «Jardin des Plantes» и, выходя изъ экипажа, сказалъ извощику, чтобы онъ меня дожидался; но извощикъ грозно мнѣ крикнулъ, чтобы я вернулся и его расчелъ, иначе онъ обѣщалъ позвать полицейскаго комиссара. Отчего извощикъ разгнѣвался на меня, я рѣшительно не понимаю. Эти два случая нѣсколько охладили мою симпатію къ Французамъ; но вину такихъ нахальныхъ выходокъ Французскихъ bourgeois того времени я приписываю правленію Наполеона III-го, который, желая упрочить свой престолъ и пріобрѣсти популярность, поощрялъ развитіе въ народѣ тщеславія и другихъ дурныхъ чувствъ, вслѣдствіе чего люди малообразованные прониклись самодовольствомъ и самохвальствомъ; считая себя выше всѣхъ, они думали поддерживать свое верховенство

грубостью и нахальствомъ. Къ развитію въ нихъ высокаго о себѣ мнѣнія не мало содѣйствовала и слава, пріобрѣтенная Наполеономъ послѣ Крымской кампаніи. Невѣжливость Французскаго средняго сословія проявлялась даже въ мелочахъ. Такъ, войдя въ одинъ изъ лучшихъ магазиновъ, я увидѣлъ прикащиковъ, безъ сюртуковъ вслѣдствіе бывшей жары и въ однихъ жилетахъ, говорившихъ съ приходившими дамами; въ другой разъ жена моя хотѣла купить альбомъ въ одномъ изъ магазиновъ въ Палерояле (Palais Royal) и, не замѣтивъ выставленную въ магазинѣ этикетку: «prix fixe» предложила за выбранный ею альбомъ болѣе дешевую цѣну, чѣмъ ей объявила продавщица. Эта послѣдняя чрезвычайно разсердилась и грубо замѣтила, что въ магазинѣ, который продаетъ безъ запроса, не слѣдуетъ торговаться, а между тѣмъ, когда жена хотѣла уйти, она уступила альбомъ за предложенную цѣну. Послѣ 1856 года я былъ въ Парижѣ два раза, когда имперіи уже не было, и ничего подобнаго я не видалъ, что и даетъ мнѣ право думать, что нахальныя выходки Французскихъ bourgeois обязаны были своимъ происхожденіемъ развращающей системѣ правленія Наполеона III. Въ настоящее время никто не сомнѣвается, конечно, что въ Наполеонѣ III не было ни геніальности Наполеона I, ни особеннаго государственнаго ума; но въ то время, о которомъ я говорю, стоя на верху своей славы, онъ считался великимъ человѣкомъ: вся Франція ему кланялась и рукоплескала. Однакожъ и въ то время попадали въ печать весьма нелестныя о немъ сужденія. Я помню, что въ Брюсселѣ я прочелъ въ какой-то книгѣ описаніе разговора о немъ двухъ «bourgeois», когда избраніе его было подвергнуто всеобщему голосованію. Est-ce que vous l'auriez pris pour votre garçon de caisse? спросилъ одинъ другаго.—Jamais, il me volerait; mais comme Empereur, il sera bien: je voterai pour lui *), отвѣчалъ другой.

Домой возвращались мы черезъ Варшаву, гдѣ купили дормезъ, и на почтовыхъ пріѣхали въ Москву недѣлю послѣ коронаціи. Изъ коронаціонныхъ празднествъ мы застали только фейерверкъ, который былъ спущенъ въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ и на которомъ присутствовали вся императорская фамилія и всѣ иностранные гости. Отъ фейерверка ожидали чудесъ; его приготовлялъ генералъ-маіоръ Константиновъ. Въ день фейерверка десятки тысячъ народа собрались на полѣ передъ Кадетскимъ Корпусомъ, всѣ окна корпуса были заняты зрителями; но пошелъ дождь, и фейерверкъ потерпѣлъ полное фіаско. Импе-

*) Взяли бы вы его къ себѣ въ кассиры?—Никогда, онъ обокралъ бы меня; но какъ императоръ, онъ будетъ хорошъ, и я подамъ голосъ за него.

ратрица Марія Александровна зажгла птицу, которая, двигаясь по проволокѣ, должна была воспламенить всѣ фейерверочныя чудеса; но птица не послушалась императрицы. Тогда начали зажигать руками разныя колеса, щиты, ракеты; все это шипѣло, трещало, бросало огненные языки и наконецъ тухло. Вину неудачи фейерверка свалили на дождь.

Изъ Москвы мы пріѣхали въ Петербургъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, и я снова вступилъ въ исправленіе моей должности адъютанта при баронѣ Корфѣ.

II.

Человѣколюбивое направленіе, просвѣщенный умъ и освободительныя стремленія императора Александра II-го извѣстны были всѣмъ. По восшествіи его на престолъ, Россія предвидѣла начало новой эры въ своей государственной жизни, а Европа привѣтствовала новаго монарха выраженіемъ самыхъ горячихъ къ нему симпатій. Но въ то время, когда императоръ Александръ II-й принялъ бразды правленія, Россія, неустроенная внутри и обезсиленная внѣшней войной, была въ самомъ печальномъ положеніи. Императоръ Николай I-й въ теченіи 30-ти лѣтняго своего царствованія заботился почти исключительно о поддержаніи военнаго могущества Россіи; посвящая значительную часть своего времени занятіямъ объ устройствѣ арміи, онъ придалъ ей блестящій наружный видъ, назначая же на высшія государственныя должности военныхъ генераловъ, привлекъ на службу въ ея рядахъ лучшія силы нашего дворянства. Но усилія его не имѣли успѣха. Съ паденіемъ Севастополя пало военное обаяніе Россіи, ослабла ея внѣшняя сила, прикрывавшая внутреннюю слабость; обнажились такія язвы на всемъ ея организмѣ, которыя требовали немедленнаго лѣченія, немедленныхъ реформъ. Императоръ Александръ II-й сознавалъ это; но прежде чѣмъ приступить къ внутреннимъ реформамъ, необходимо было окончить внѣшнюю войну; война же, давшая перевѣсъ надъ нами нашимъ врагамъ, не могла быть окончена безъ пожертвованій. Вопросъ заключался только въ томъ, какъ велики могутъ быть пожертвованія. По заключеніи перемирія, Австрія предложила свое посредничество для веденія мирныхъ переговоровъ; оказалось, что жертвы, потребованныя отъ Россіи, не были такъ велики. Императоръ Александръ II-й могъ легко на нихъ согласиться, такъ какъ онъ не былъ нравственно отвѣтственъ ни за начало войны, ни за ея безуспѣшность. Наконецъ, къ общей радости всѣхъ друзей человѣчества, миръ былъ заключенъ въ Парижѣ 18-го Марта 1856 года.

Окончивъ, такимъ образомъ, войну, императоръ рѣшился приступить къ реформамъ и прежде всего къ уничтоженію крѣпостнаго права, которое и въ нравственномъ отношеніи и въ экономическомъ служило тормазомъ къ развитію всѣхъ силъ Россіи. Хотя всѣмъ извѣстно было, что молодой монархъ былъ сторонникомъ идеи освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости; но, въ первый годъ его царствованія, война поглощала общее вниманіе, и лица, несочувствовавшія идеѣ государя, успокоились, полагая, что отъ идеи до приведенія ея въ исполненіе очень далеко, тѣмъ болѣе, что въ манифестѣ о восшествіи на престолъ не было сдѣлано ни малѣйшаго намека на намѣреніе императора приступить къ крестьянской реформѣ. Императоръ Александръ I-й, говорили эти лица, выражалъ также желаніе освободить крестьянъ, но не рѣшился сдѣлать эту реформу въ Россіи, ограничившись только уничтоженіемъ крѣпостнаго права въ Остзейскихъ губерніяхъ. Императоръ Николай I-й, въ свою очередь, пытался улучшить положеніе крѣпостныхъ, но освободить ихъ совершенно отъ власти помѣщиковъ онъ находилъ невозможнымъ. При этомъ разсказывали случай, бывшій въ въ Москвѣ, во время коронованія императора Николая I *). На Ходынскомъ полѣ устроенъ былъ народный праздникъ, на который собрались массы народа. Для лицъ, желавшихъ видѣть этотъ праздникъ, устроена была двухъярусная галлерея, которая вся наполнилась зрителями. По пріѣздѣ государя столы были открыты, и Его Величество крикнулъ народу, что все тутъ находящееся онъ даетъ ему. Въ одно мгновеніе всѣ бросились къ бочкамъ съ водкой и къ столамъ и по уничтоженіи всего стоявшаго кинулись ломать галерею, говоря, что государь имъ отдалъ все, слѣдовательно и галерею. Сидѣвшіе на ней, въ страшномъ испугѣ, стали выходить; но нѣкоторые не успѣли спуститься по лѣстницѣ и попадали внизъ съ подрубленными столбами. Разсказывавшіе объ этомъ случаѣ прибавляли, что императоръ Николай I-й и всѣ иностранные гости, видѣвшіе эти буйства, убѣдились, что народъ Русскій отличается отъ другихъ народовъ такими звѣрскими инстинктами, которые дѣлаютъ освобожденіе его изъ крѣпостной зависимости столько же опаснымъ, сколько опасно освобожденіе львовъ и тигровъ изъ клѣтокъ въ зоологическихъ садахъ. Многіе съ увѣренностію говорили, что императоръ Александръ II-й не рѣшится уничтожить крѣпостное право и потому еще, что этимъ нарушено было бы право собственности дворянъ, которые всегда были и должны быть опорой престола и государства.

---

*) О случаѣ этомъ я слышалъ въ моемъ дѣтствѣ отъ отца.

Итакъ первый годъ новаго царствованія прошелъ спокойно для помѣщиковъ, но на второмъ году обнародованный манифестъ по случаю заключенія мира и слова государя Московскимъ дворянамъ о томъ, что лучше начать сверху, нежели ожидать, чтобы движеніе началось снизу, внесли сильную тревогу въ помѣщичій лагерь и убѣдили всѣхъ въ твердомъ намѣреніи государя приступить къ освобожденію крестьянъ. Съ этого времени всѣ слои нашего общества какъ бы пробудились отъ сна; крестьянскій вопросъ наэлектризовалъ умы всѣхъ; не было дома въ Петербургѣ, въ которомъ не говорили бы о крестьянскомъ вопросѣ; не было кружка лицъ, гдѣ не обсуждали бы его со всѣхъ сторонъ. Люди сердца и мысли, интеллигентная молодежь и печать восторженно привѣтствовали намѣреніе государя уничтожить рабство; наши же крѣпостные, съ твердымъ упованіемъ на царя, нетерпѣливо ожидали счастливаго дня ихъ освобожденія и вѣрили каждому нелѣпому слуху, къ нимъ проникавшему. Для примѣра могу разсказать такой случай. Мы жили въ Петербургѣ въ своемъ домѣ; приходитъ ко мнѣ дворникъ и проситъ позволенія сходить въ Сенатскую типографію купить указъ о волѣ. Не понимая, какой могъ быть этотъ указъ, я поѣхалъ самъ въ типографію и увидалъ множество народа, стоявшаго на Исакіевской площади и сдерживаемаго полиціей; у входа же въ типографію стояли городовые и пропускали въ дверь по одному и по два человѣка. Протиснувшись черезъ толпу, я пріобрѣлъ этотъ указъ и, прочитавъ его, съ трудомъ понялъ, въ чемъ заключалось дѣло: до того его редакція была мало понятна. Указъ былъ такъ озаглавленъ: «По вопросу о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ». Текстъ его былъ слѣдующій: «Гражданскія палаты, немедленно по полученіи указовъ Правительствующаго Сената объ увольнительныхъ договорахъ помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные, водворенные на собственныхъ земляхъ, вносятъ сіи договоры въ крѣпостныя свои книги, и затѣмъ, оставляя подлинный договоръ для храненія въ палатѣ, выдаютъ участвующимъ сторонамъ списки съ тѣхъ договоровъ за подписью присутствующихъ и скрѣпою секретаря палаты, съ учиненіемъ надлежащей о совершеніи договора публикаціи». Безграмотный людъ, конечно, ничего не понялъ въ указѣ, но слыша слова: помѣщикъ, увольненіе, приписка, принялъ его за указъ о волѣ.

Общее воодушевленіе, охватившее наше общество и восторгъ, съ которымъ были приняты слова государя, сказанныя въ Москвѣ, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Служа въ Петербургѣ, я никогда не размышлялъ о горькомъ положеніи, въ которомъ находятся наши

крѣпостные; но тѣмъ не менѣе я вполнѣ сознавалъ, что крѣпостное право было пятномъ, лежавшимъ на Россіи и унижавшимъ ее передъ образованнымъ міромъ. Мысль, что это пятно будетъ скоро снято и что 20-ти милліонное Русское населеніе получитъ человѣческія права, возбудила во мнѣ какое-то особенное чувство умиленія и благодарности къ императору Александру II. Я такъ заинтересовался вопросомъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, что сталъ читать все, что о немъ писалось, и съ наслажденіемъ слушалъ, что о немъ говорилось. У меня мало-по-малу составился мой собственный взглядъ на рѣшеніе крестьянскаго вопроса, вслѣдствіе чего я слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми сторонами его развитія.

Въ началѣ 1857 года, встрѣтивъ случайно на Невскомъ проспектѣ старшаго брата Николая Серно-Соловьевича, котораго я не видалъ послѣ нашего отъѣзда изъ Шлангенбада, я съ нимъ разговорился и узналъ отъ него, что, для обсужденія мѣръ по устройству быта крестьянъ, учрежденъ былъ секретный комитетъ подъ предсѣдательствомъ императора. Въ составъ комитета были назначены членами: князь Орловъ предсѣдатель государственнаго совѣта, съ правомъ предсѣдательствовать въ комитетѣ въ отсутствіе государя; министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, Блудовъ, Чевкинъ, Брокъ, князь Долгорукій, князь П. П. Гагаринъ, графъ В. Ѳ. Адлербергъ, баронъ М. А. Корфъ, М. Н. Муравьевъ и Я. И. Ростовцевъ. Производителемъ дѣлъ комитета назначенъ былъ Бутковъ, который, будучи родственникомъ Серно-Соловьевича, взялъ его къ себѣ въ видѣ секретаря, для занятій по письменной части. Серно-Соловьевичъ отзывался о всѣхъ членахъ комитета, за исключеніемъ Ланскаго и Ростовцева, какъ о лицахъ не сочувствовавшихъ дѣлу, къ рѣшенію котораго они призваны, и полагалъ, что всѣ работы комитета окончатся какими-либо пустыми мѣропріятіями для облегченія крѣпостной зависимости крестьянъ, или что дѣло освобожденія будетъ отложено въ долгій ящикъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ указывалъ на первое постановленіе комитета, признавшее, что *освобожденіе крестьянъ должно быть постепенное, безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ.* Слово *постепенное* и слова *безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ* давали самое неопредѣленное понятіе о времени и способахъ приведенія въ исполненіе воли государя. Но, прибавилъ онъ, все будетъ зависѣть отъ настойчивости, съ которой государь поведетъ дѣло. Россія велика; въ ней найдутся люди, которые съумѣютъ обнаружить передъ нимъ несочувствіе его сановниковъ къ освобожденію крестьянъ и окажутъ безкорыстное содѣйствіе къ исполненію его священной воли. Въ послѣднихъ словахъ Серно-Соловьевича я видѣлъ только фразу,

но впослѣдствіи смыслъ ея мнѣ уяснился. Работая у Буткова, какъ секретарь, онъ, конечно, зналъ подробно весь ходъ дѣлъ въ комитетѣ и убѣжденія всѣхъ его членовъ. Главными противниками уничтоженія крѣпостнаго права были князь Орловъ и М. Н. Муравьевъ; Бутковъ, будучи съ ними одних мыслей, старался имъ помогать, затягивая дѣлопроизводство. Серно-Соловьевичъ, возмущаясь противодѣйствіемъ комитета волѣ государя, составилъ подробную записку, въ которой изложилъ взгляды Комитета на крестьянскій вопросъ и употребилъ всю силу логики, чтобы доказать невѣрность этихъ взглядовъ. Составивъ эту записку, которая, какъ мнѣ говорили (я самъ не читалъ), была очень умно и дѣльно написана, онъ рѣшился представить ее государю и поѣхалъ въ Царское Село, гдѣ въ то время жила вся императорская фамилія. Занявъ случайно мѣсто въ одномъ вагонѣ съ шефомъ жандармовъ княземъ Долгорукимъ, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: какимъ образомъ и гдѣ онъ можетъ представиться государю, чтобы лично ему передать записку, имъ составленную, о крестьянскомъ вопросѣ. Князь Долгорукій, удивленный этимъ вопросомъ, сказалъ, что государь его не приметъ, а записку онъ можетъ представить не иначе, какъ чрезъ него, шефа жандармовъ. Серно-Соловьевичъ записки ему не далъ, а по пріѣздѣ въ Царское Село успѣлъ пробраться рано утромъ въ паркъ, въ которомъ государь гулялъ обыкновенно въ 8 часовъ утра. Хотя постороннихъ въ паркъ не пускали, но Серно-Соловьевичъ нашелъ какое-то средство обойти запрещеніе и въ то время, когда государь шелъ по одной изъ аллей, онъ смѣло пошелъ къ нему на встрѣчу, держа въ рукахъ записку. Увидавъ его, государь остановился и, нахмуривъ брови, спросилъ: кто онъ и что́ ему нужно? Серно-Соловьевичъ назвалъ свою фамилію и, подавъ записку, умолялъ государя прочесть ее лично самому, а не передавать ее другому лицу; къ этому онъ прибавилъ, что въ этой запискѣ изложены мысли по крестьянскому вопросу. Государь взялъ записку, положилъ въ карманъ и сказалъ: «хорошо, ступай». Серно-Соловьевичъ не безъ страха ожидалъ результата своего смѣлаго поступка. На другой день пріѣхалъ къ его матери братъ ея (кажется Кирилинъ), занимавшій довольно высокій постъ и бывшій съ Бутковымъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и объявилъ ей, что сынъ ея Николай сошелъ съ ума, что, по словамъ Буткова, онъ будетъ вѣроятно посаженъ въ сумашедшій домъ за дерзость, съ которой онъ ворвался въ паркъ при Царскосельскомъ дворцѣ и подалъ государю какую-то глупую записку. Мать съ отчаянія занемогла. Прошло нѣсколько дней въ томительномъ ожиданіи; наконецъ, получилось предписаніе Николаю Серно-Соловьевичу явиться къ князю Орлову въ извѣстный день и часъ. Онъ поѣхалъ. Князь Орловъ

вышелъ къ нему и громко сказалъ: «Мальчишка, знаешь ли что̀ сдѣлалъ бы съ тобой покойный государь Николай Павловичъ, если бы ты осмѣлился подать ему записку? Онъ упряталъ бы тебя туда, гдѣ не нашли бы и костей твоихъ»... Затѣмъ, помолчавъ, онъ прибавилъ: «А государь Александръ Николаевичъ такъ добръ, что приказалъ тебя поцѣловать. Цѣлуй меня»!...

Этотъ случай съ Серно-Соловьевичемъ извѣстенъ былъ многимъ, мною же слышанъ онъ отъ его матери, съ которой я изрѣдка видался. Что́ стало послѣ этого съ Серно-Соловьевичемъ, остался ли онъ на службѣ у Буткова или нѣтъ, я не знаю; но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и я прочиталъ въ газетахъ объявленіе, что по какому-то экономическому вопросу назначается публичный диспутъ въ пассажѣ графа Стенбока; представителями двухъ различныхъ мнѣній явятся Полетика и Серно-Соловьевичъ, а суперарбитромъ, то есть рѣшителемъ спора, приглашенъ Ламанскій. Публика допускается по билетамъ. Я поѣхалъ и вынесъ весьма грустное впечатлѣніе изъ этого диспута. Скандалъ былъ полный. Вмѣсто хладнокровнаго обсужденія вопроса, Серно-Соловьевичъ позволялъ себѣ самыя рѣзкія выходки и остроты о противной сторонѣ; Полетика отвѣчалъ ему тѣмъ же; началась брань; никто не хотѣлъ слушаться суперарбитра, который долженъ былъ руководить преніями; наконецъ, этотъ послѣдній, выведенный изъ терпѣнія крикомъ и гамомъ, воцарившимся въ залѣ, произнесъ надѣлавшую въ то время много шуму фразу: «Мы еще не дозрѣли» и оставилъ свое мѣсто. Многія газеты, подвергая обсужденію происшедшее на диспутѣ, напали на Ламанскаго за произнесенную имъ фразу, считая ее оскорбительною для Русскаго самолюбія; другія же приняли его сторону. Во всякомъ случаѣ диспутъ кончился ничѣмъ; онъ былъ первымъ и послѣднимъ. Слушая Серно-Соловьевича на диспутѣ, я былъ удивленъ перемѣнѣ, которая въ немъ произошла: изъ скромнаго вѣжливаго до утонченности и вполнѣ приличнаго молодого человѣка, какимъ я зналъ его въ Шлангенбадѣ, онъ обратился въ самоувѣреннаго, дерзкаго и даже нахальнаго оратора, забывшаго всѣ приличія и уваженіе къ публикѣ. Послѣдующія обстоятельства его жизни извѣстны. Увлекшись псевдо-либеральными идеями, онъ сталъ проповѣдывать революціонные принципы и былъ сосланъ, сколько помнится, на каторжныя работы. Въ чемъ заключались обвиненія противъ него, въ точности никто не зналъ; говорили, что онъ завелъ книжный магазинъ, въ которомъ можно было читать всевозможныя запрещенныя книги; указывали на его участіе въ изданіи, въ Петербургѣ, подпольнаго журнала «Великоруссъ»; но вѣрныхъ свѣдѣній о совершенныхъ имъ преступле-

ніяхъ въ печать не проникло. Младшій его братъ Александръ избѣгъ ссылки только потому, что успѣлъ заблаговременно уѣхать за границу.

До учрежденія комитета по крестьянскому вопросу, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской говорилъ съ предводителями дворянства, во время коронаціи, о желаніи государя отмѣнить крѣпостное право; но предводители сочувствія къ этой реформѣ не выказали. Сговорчивѣе другихъ оказались предводители трехъ Западныхъ губерній (Виленской, Ковенской и Гродненской), которые, подъ давленіемъ на нихъ генералъ-губернатора Назимова, переговорили съ дворянами и рѣшились оказать содѣйствіе правительству къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Назимовъ донесъ объ этомъ государю черезъ министра внутреннихъ дѣлъ; государь отвѣчалъ ему рескриптомъ отъ 20-го Ноября 1857 года, въ которомъ, одобряя намѣреніе дворянъ составить проектъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, повелѣлъ учредить въ каждой изъ трехъ губерній Комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернскихъ предводителей дворянства. Въ число членовъ должны были вступить по одному отъ каждаго уѣзда по выбору дворянъ и два лица по назначенію генералъ-губернатора. Проекты положеній, составленные губернскими комитетами, должны были поступить на разсмотрѣніе и окончательное заключеніе особой Комиссіи, учрежденной въ Вильнѣ изъ членовъ по два отъ каждаго губернскаго комитета, одного отъ генералъ-губернатора и одного отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ рескриптѣ указаны были главныя основанія, которыми должны были руководствоваться комитеты; развитіе же этихъ основаній изложено было въ особой инструкціи, составленной министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это былъ первый шагъ, оффиціально сдѣланный правительствомъ къ осуществленію крестьянской реформы. Радость лицъ, ей сочувствовавшихъ, доходила до восторга. Всѣ были увѣрены, что примѣру дворянъ трехъ Западныхъ губерній послѣдуютъ дворяне другихъ губерній и что первая, которая откликнется на призывъ государя, будетъ Московская губернія; но оказалось, что первою была Петербургская, второю Нижегородская, а Московская была только третьею. На такой поздній отзывъ государь обратилъ вниманіе, и рѣчь, съ которой онъ обратился къ Московскимъ дворянамъ въ 1858 г., онъ началъ въ такомъ смыслѣ: «Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство; но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и, къ сожалѣнію, благодарить теперь васъ я не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣ-

нію крѣпостнаго права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что Московское дворянство первое отзовется; но отозвалось Нижегородское, а Московская губернія—не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что я родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ Наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю. Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ, всегда готовъ стоять за васъ; но вы, для вашей же пользы, должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ»... Рѣчь государь окончилъ такъ: «Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность». Москва опоздала откликнуться на призывъ государя, потому что въ Москвѣ въ то время генералъ-губернаторомъ былъ графъ Закревскій, извѣстный крѣпостникъ, который, будучи другомъ князя Орлова, увѣрялъ дворянъ, что затѣя освободить крестьянъ окончится ничѣмъ, что онъ имѣетъ объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія изъ Петербурга. Въ параллель съ холоднымъ отношеніемъ Московскихъ дворянъ къ крестьянской реформѣ, нельзя не указать на восторженность, съ которой она была принята въ Москвѣ людьми мысли и прогресса: 28-го Декабря 1857 года состоялся обѣдъ по подпискѣ, на который собралось до 180 лицъ разныхъ сословій, принадлежавшихъ къ Московской интеллигенціи. На обѣдѣ тосты за государя императора сопровождались восторженными рѣчами; воодушевленіе дошло до того, что многіе плакали отъ избытка чувствъ. Первую рѣчь сказалъ Катковъ. Объ этой рѣчи и о рѣчахъ Кокорева, Павлова и Кавелина много говорили въ Петербургѣ. Обѣдъ этотъ не могъ не возбудить неудовольствія графа Закревскаго: по его представленію обѣды подобные этому были запрещены, и Кокоревъ *) получилъ выговоръ.

---

*) Кокоревъ сказалъ довольно длинную рѣчь; онъ началъ ее такъ: „Свѣтъ и тьма въ вѣчной борьбѣ. Одолѣваетъ свѣтъ—настаютъ красные дни, выпрямляется человѣчество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ. Одолѣваетъ тьма—настаютъ горькіе дни, изсыхаетъ человѣчество, вянетъ дѣло, поетъ духъ, умаляется сила народная. Тьмы всегда и вездѣ болѣе, чѣмъ свѣта; но за то сила свѣта такова, что лучъ его сразу освѣщаетъ огромное пространство, и тьмы какъ будто не бывало. Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ теперь на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II-го Свѣтъ этотъ выразился въ желаніи Царя вывести нашихъ братьевъ-крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ и вмѣстѣ съ ними васъ почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена теперь и согрѣта вся Русская земля“...

Въ началѣ 1859 года, при крестьянскомъ комитетѣ образованы были двѣ Редакціонныя Комиссіи, слившіяся, въ скоромъ времени, въ одну. Предсѣдателемъ Комиссіи назначенъ былъ Я. И. Ростовцевъ. Цѣль Комиссіи заключалась въ разсмотрѣніи проектовъ губернскихъ комитетовъ, начертаніи Положенія объ освобожденіи крестьянъ и представленіи его на обсужденіе въ Крестьянскій Комитетъ. Членами Комиссіи должны были состоять по два депутата отъ губернскихъ комитетовъ каждой губерніи, нѣкоторые члены земскаго отдѣла Министерства внутреннихъ дѣлъ и лица по приглашенію Я. И. Ростовцева, которыхъ назвали членами-экспертами.

Не вдаваясь въ подробное объясненіе хода работъ въ Редакціонной Комиссіи, укажу на составъ нашего общества того времени и на отношеніе его къ работамъ Комиссіи, а также и на участіе, которое принимала печать въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса.

Общество наше раздѣлилось на двѣ партіи. Одна, не сочувствовавшая освобожденію крестьянъ, употребляла всѣ усилія, чтобы крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ исключительно съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ. Сначала она требовала выкупа за личную свободу крестьянъ, затѣмъ она предлагала освободить ихъ безъ земли; наконецъ, когда появились рескрипты губернаторамъ, въ которыхъ указаны были главныя основанія, на которыхъ должно состояться освобожденіе, партія эта обрадовалась, что помѣщикамъ предоставлялась полицейская власть надъ крестьянами и хотѣла такъ расширить эту власть, чтобы крѣпостное право оказалось отмѣненнымъ только на бумагѣ, а на дѣлѣ крестьяне остались бы въ той же зависимости отъ помѣщиковъ, какъ и прежде. Для достиженія своихъ цѣлей, она употребляла мѣры застращиванія: увѣряла, что бывшія волненія между крестьянами служили наилучшимъ доказательствомъ неподготовленности ихъ къ свободѣ, что уничтоженіе помѣщичьей власти можетъ отдать крестьянъ въ руки демагоговъ и повести Россію къ демократической революціи и т. п. Нѣкоторыми извѣстными лицами была составлена даже записка объ ужасной опасности, которая грозитъ спокойствію Россіи отъ уничтоженія крѣпостнаго права; записка эта была представлена государю черезъ шефа жандармовъ, но никакого вліянія на ходъ крестьянскаго вопроса она не оказала. Къ вышеуказанной партіи принадлежали большинство помѣщиковъ и большинство членовъ Крестьянскаго Комитета. Печатнымъ органомъ ей служилъ «Журналъ Землевладѣльцевъ» издаваемый въ Москвѣ Казанскимъ помѣщикомъ Желтухинымъ. Другая партія, стремившаяся, съ отмѣной крѣпостнаго права, уничтожить всякую возможность къ его проявленію въ какомъ

бы то ни было видѣ, желала поставить крестьянъ въ такое положеніе, чтобы они съ полнымъ сознаніемъ могли понять, что ихъ бытъ улучшенъ. Этимъ способомъ устранялся всякій поводъ къ какимъ бы то ни было волненіямъ. Для достиженія этой цѣли она предлагала освободить крестьянъ съ землей, допустить выкупъ, въ которомъ бы участвовали всѣ сословія, и устранить помѣщиковъ отъ вотчинной полиціи и отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла крестьянъ; она сознавала, что отъ такого устройства могутъ пострадать, на первое время, помѣщичьи интересы; но благо государства она ставила выше частныхъ выгодъ. Къ этой партіи принадлежали всѣ интеллигентные люди и довольно большое меньшинство помѣщиковъ; ей сочувствовали министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и большинство членовъ Редакціонной Коммиссіи. Печатными органами ея была вся Русская печать, за исключеніемъ «Журнала Землевладѣльцевъ»; лучшія въ то время періодическія изданія, какъ напримѣръ «Русскій Вѣстникъ» подъ редакціей Каткова и «Сельское Благоустройство» подъ редакціей Кошелева, постоянно наполнялись статьями, защищавшими и разработывавшими требованія нашей либеральной партіи. Между нашими литераторами было такое единодушіе, что крѣпостническая партія, желая основать свой органъ въ Петербургѣ, вынуждена была отказаться отъ этого намѣренія, потому что не могла найти редактора для своего журнала. Борьба партій велась и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Покровителямъ крѣпостниковъ мы были обязаны такими цензурными стѣсненіями, смыслъ которыхъ совершенно непонятенъ; такъ напримѣръ, въ началѣ возникновенія крестьянскаго вопроса, запрещено было употреблять слово *освобожденіе*, замѣнивъ его выраженіемъ *улучшеніе быта крестьянъ*; затѣмъ не дозволено было входить въ критическое обсужденіе главныхъ основаній, указанныхъ въ рескриптахъ къ губернаторамъ; наконецъ наложено было *veto* на разсмотрѣніе вопроса о выкупѣ, въ первое время, какъ онъ былъ возбужденъ губернскими комитетами Калужской и Тверской губерній. Ланской вынужденъ былъ вести постоянную борьбу съ врагами гласности. Сознавая, что главною причиною крестьянскихъ волненій было незнаніе крестьянами положенія, въ которомъ находится крестьянскій вопросъ и вслѣдствіе того явившіеся между ними кривотолки объ ожидаемой ими свободѣ, онъ приказалъ разсылать рескрипты губернаторамъ во всѣ волостныя правленія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣра не мало содѣйствовала къ успокоенію крестьянъ; но крѣпостники продолжали раздувать ничтожные безпорядки между крестьянами, придавая имъ значеніе грозныхъ возстаній. Ланской и въ этомъ случаѣ оказалъ услугу дѣлу освобожденія, доказавъ государю донесеніями губернаторовъ невѣрность свѣ-

дѣній, собираемыхъ крѣпостниками; въ подтвержденіе спокойнаго ожиданія крестьянами обѣщаннаго имъ освобожденія, онъ привелъ слѣдующій фактъ: до возбужденія крестьянскаго вопроса, среднее число помѣщиковъ убитыхъ ихъ крѣпостными въ годъ было—13; по возбужденіи же этого вопроса не было ни одного убитаго помѣщика *).

Какъ бы то ни было, но при твердой волѣ государя, вопросъ объ своободженіи крѣпостныхъ подвигался къ своему рѣшенію довольно быстро. Цензура мало по малу дѣлала уступки общественному мнѣнію, дозволяя журналамъ обсуждать много такихъ вопросовъ, на которыхъ прежде лежало *veto*. Редакціонная Коммиссія работала безъ устали и, не смотря на оппозицію депутатовъ губернскихъ комитетовъ, измѣнила, съ разрѣшенія государя, главныя основанія, указанныя въ рескриптахъ губернаторамъ. Въ такомъ положеніи 1860-й годъ засталъ крестьянскій вопросъ.

Вспоминая то время нельзя не удивляться той энергіи, съ которой государь велъ крестьянское дѣло. Въ Россіи, всякое желаніе царя находило всегда полную поддержку въ лицахъ его окружающихъ; въ крестьянскомъ же вопросѣ государь встрѣтилъ въ своихъ сановникахъ не поддержку, а противодѣйствіе, и мотивами къ этому противодѣйствію они выставляли не нарушеніе помѣщичьихъ интересовъ, а высокое чувство патріотизма, заставлявшее ихъ стремиться къ устраненію опасности, которая грозитъ Россіи. На этомъ инструментѣ играли всѣ крѣпостники, а Желтухинъ основалъ на немъ даже цѣлую систему освобожденія крѣпостныхъ, увѣряя, что для пользы государства слѣдуетъ, въ переходное время, надѣлить крестьянъ землей не болѣе одной десятины на душу, а по истеченіи этого времени обезземелить ихъ, сохранивъ барщинный трудъ. Одинъ историкъ, описавшій то время, говоритъ: «Въ исторіи крестьянской реформы повторилось хорошо извѣстное исторіи народовъ явленіе. Ближайшіе совѣтники верховной власти, консерваторы всякихъ оттѣнковъ, противятся реформѣ ради охраненія порядка, предупрежденія смуты, не вѣдая того, что именно своимъ противодѣйствіемъ назрѣвшему въ соціальной жизни движенію они вызываютъ смуту. Громадная заслуга императора Александра II-го передъ Россіей и исторіей заключается въ томъ, что онъ понялъ требованіе времени, понялъ своихъ сановниковъ и въ пятилѣтній періодъ времени умѣлъ совершить такую громадную реформу какъ уничтоженіе трехъ-вѣковаго рабства. Не странно ли, послѣ этого

*) Фактъ этотъ могъ быть истолкованъ иначе: можетъ быть, въ ожиданіи скораго уничтоженія крѣпостнаго права, помѣщики сдерживали свой дикій произволъ и не давали крестьянамъ повода къ совершенію преступленій надъ ними.

видѣть, что нѣкоторыя наши коммиссіи, какъ напримѣръ, паспортная, работаютъ десятки лѣтъ и не могутъ окончить дѣла, имъ порученнаго»?

III.

Прослуживъ по одному году въ чинѣ штабсъ-капитана и капитана, я былъ произведенъ въ полковники въ 1856 году. Въ чинѣ полковника я не могъ оставаться адьютантомъ у барона Корфа и по моей просьбѣ былъ прикомандированъ къ образцовой конной батареѣ, какъ кандидатъ на полученіе батареи. Я не чувствовалъ никакого призванія къ строевой службѣ и вовсе не желалъ командовать батареей, но прикомандировался къ образцовой конной батареѣ единственно для того, чтобы остаться на службѣ въ Петербургѣ, полагая, что очередь для полученія батареи дойдетъ до меня нескоро. Къ сожалѣнію не прошло и полугода, какъ мнѣ предложили принять батарею гдѣ-то на Югѣ, я отказался; прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и я снова получилъ предложеніе вступить въ командованіе батареей, квартировавшей въ Твери. Мнѣ всѣ совѣтовали принять эту батарею, такъ какъ она считалась одной изъ лучшихъ въ полевой конной артиллеріи, и по строевому образованію, и въ хозяйственномъ отношеніи, и по мѣсту стоянки; но, сознавая себя мало способнымъ къ командованію батареей, я откровенно сказалъ Баранцеву (начальнику штаба генералъ фельдцейхмейстера), что я никакой батареей командовать не желаю и останусь въ прикомандированіи къ образцовой конной батареѣ весьма не долго, до пріисканія другаго рода службы, или до выхода въ отставку.

Въ это время крестьянскій вопросъ былъ въ полномъ разгарѣ; мой интересъ къ нему росъ не по днямъ, а по часамъ. На сколько служба батарейнымъ командиромъ казалась мнѣ мало привлекательной, хотя въ то время она давала хорошія средства къ жизни, на столько велико было мое желаніе принять какое либо участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Чтобы быть ближе къ источнику, изъ котораго исходили всѣ распоряженія по крестьянскому вопросу, я рѣшился поѣхать къ Ланскому, запасшись нѣкоторыми рекомендаціями, и просилъ его прикомандировать меня къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Ланской изъявилъ согласіе, и я былъ зачисленъ въ число состоящихъ при министерствѣ военныхъ чиновъ. Лица, состоящія при министерствѣ, не получали содержанія, но наиболѣе бѣдныя изъ нихъ выхлопатывали себѣ командировки, которыя вознаграждались довольно щедро и давали имъ нужныя средства къ жизни. Вступивъ въ министерство, я продол-

жалъ дорожить моей жизнію въ Петербургѣ, а потому не искалъ командировокъ во внутреннія губерніи, которыхъ такъ желали другіе состоящіе. Даваемыя министерствомъ командировки были большею частію самыя пустыя, а подчасъ онѣ создавались въ угоду лицъ, пользовавшихся покровительствомъ директора Департамента Общихъ Дѣлъ Гвоздева. Гвоздевъ пользовался полнымъ довѣріемъ Ланскаго и распоряжался въ министерствѣ, какъ полновластный хозяинъ; онъ назначалъ по своему усмотрѣнію губернаторовъ, перемѣщалъ ихъ и увольнялъ. Говорили, что во всѣхъ своихъ назначеніяхъ онъ преслѣдовалъ корыстныя цѣли; но правда-ли это? Я не знаю. Знаю только то, что онъ взялъ въ одной изъ внутреннихъ губерній винный откупъ подъ чужимъ именемъ и назначилъ туда губернаторомъ близкаго себѣ человѣка, который смотрѣлъ сквозь пальцы на дѣлаемыя откупными агентами злоупотребленія. Вскорѣ Гвоздевъ былъ удаленъ отъ должности и, ѣхавши по Николаевской желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, бросился съ площадки вагона, на которой онъ стоялъ, на рельсы. Этотъ родъ самоубійства былъ въ первый разъ примѣненъ въ Россіи Гвоздевымъ.

Состоя при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, я не имѣлъ никакихъ служебныхъ занятій. Просить, чтобы мнѣ ихъ дали, я не хотѣлъ, такъ какъ на подобныя просьбы смотрѣли какъ на желаніе пріобрѣсти деньги; кромѣ того, чтобы подобныя просьбы могли быть удовлетворены, нужно было умѣть пріобрѣсти благосклонность разныхъ начальственныхъ лицъ, а умѣніемъ этимъ я не обладалъ. Я предпочелъ заняться моими собственными дѣлами: купилъ известковый и плитный заводъ, завелъ типографію. Не вдаваясь въ подробное описаніе моихъ предпріятій, скажу только, что всѣ они, при моей неопытности и слишкомъ большой довѣрчивости, пробили немалую брешь въ моихъ финансовыхъ дѣлахъ. Затѣмъ, имѣя въ Петербургѣ свой домъ, я былъ избранъ гласнымъ въ Городскую Думу, и при постоянномъ посѣщеніи всѣхъ засѣданій, мнѣ неразъ приходилось принимать участіе въ разныхъ коммиссіяхъ. Одно мое заявленіе въ Думу (копія котораго у меня сохранилась) по вопросу о мѣрахъ, которыя должны быть приняты для улучшенія нашей прислуги, я позволю себѣ привести здѣсь, полагая, что оно можетъ имѣть нѣкоторый интересъ и въ настоящее время, такъ какъ прислуга наша нисколько не стала лучше, чѣмъ она была около 30 лѣтъ назадъ. Текстъ моего заявленія былъ слѣдующій: «Въ засѣданіи Общей Думы отъ 13 Ноября обсуживался проектъ положенія о наемной прислугѣ въ С.-Петербургѣ, представленный гласнымъ П. В. Жуковскимъ. Хотя проектъ этотъ и былъ принятъ въ общихъ основаніяхъ, но, находя въ немъ много недостатковъ, дѣлающихъ его совер-

шенно непрактичнымъ, я позволю себѣ предложить новую мысль о началахъ, которыми, по моему мнѣнію, слѣдуетъ руководствоваться для обезпеченія нанимателя отъ недобросовѣстности нанимаемаго. Регламентація, которую узаконяетъ проектъ гласнаго Жуковскаго, никогда не давала и не можетъ дать хорошихъ результатовъ; въ особенности она противна Русскому простолюдину. Подъ вліяніемъ ея и другихъ историческихъ причинъ, онъ научился неуваженію къ закону, и въ немъ развилось недовѣріе ко всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя хотятъ влить жизнь въ заранѣе придуманныя формы. Казалось бы, что́ можетъ быть удобнѣе и полезнѣе расчетныхъ книжекъ, заведенныхъ въ настоящее время при волостяхъ для сельскихъ рабочихъ? Между тѣмъ книжки эти остаются безъ всякаго требованія, и конечно, нанимателю, которому хотѣлось бы заставить работника запастись подобной книжкой, пришлось бы остаться безъ работника, или нанять дурнаго; хорошій же работникъ и самъ не беретъ книжки, да никто отъ него и не требуетъ ея. Очень вѣроятно, что таже участь постигнетъ и книжки предлагаемыя проектомъ *). Кромѣ того, отзываясь съ дурной стороны о наемной прислугѣ, мы не должны забывать, что многіе наниматели не лучше ея; книжки же, при безграмотности и неразвитости нашихъ служителей, могутъ дать поводъ этимъ нанимателямъ опредѣлять въ нихъ самыя тягостныя условія найма, которыя повели бы къ спорамъ, и мировому судьѣ ихъ разбирающему пришлось бы, при рѣшеніи дѣлъ, или руководствоваться нравственнымъ убѣжденіемъ и тѣмъ уронить значеніе книжныхъ условій, или придерживаться ихъ въ ущербъ интересовъ служителей и тѣмъ подорвать кредитъ служительскихъ обществъ.

Проектъ гласнаго Жуковскаго указываетъ еще на необходимость выдавать служителямъ денежныя пособія или пенсіоны и видитъ средства къ этому въ суммахъ, поступающихъ въ Думу отъ адреснаго сбора и въ ежегодныхъ вносахъ отъ служительскихъ обществъ.

Финансовыя средства города находятся въ настоящее время въ такомъ дурномъ положеніи, что извлечь изъ доходовъ на улучшеніе

---

*) Въ нѣкоторыхъ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ, въ концѣ царствованія императора Александра II, былъ возбужденъ вопросъ о тѣхъ убыткахъ, которые наноситъ нашимъ землевладѣльцамъ недобросовѣстность сельскихъ рабочихъ, которые, забравъ деньги впередъ, уходятъ въ рабочую пору отъ своихъ хозяевъ и нанимаются у другихъ за болѣе высокую плату. Иски, которые представляются къ этимъ рабочимъ мировому судьѣ, нисколько ихъ не страшатъ, такъ какъ, не имѣя никакаго имущества, они не въ состояніи заплатить даже самаго ничтожнаго штрафа, а потому ихъ недобросовѣстность остается безнаказанною. Объяснивъ вредъ отъ этого происходящій для нашего сельскаго хозяйства, собранія ходатайствовали передъ правительствомъ объ изданіи такихъ правилъ, которыя бы могли удержать рабочихъ отъ ихъ недобросовѣстныхъ дѣйствій. Въ числѣ этихъ правилъ Калужское губернское земское собраніе, по моему предложенію, указало на одно, которое, по моему мнѣнію, могло бы имѣть весьма важное значеніе, это — облагать штрафами не только рабочихъ, но и тѣхъ землевладѣльцевъ, которые ихъ наняли, зная, что они ушли отъ своихъ хозяевъ. Правительство вняло ходатайствамъ собраній, разработало и издало правила, регулирующія отношенія рабочихъ къ нанимателямъ; но въ этихъ правилахъ, какъ оказалось, стоитъ на первомъ планѣ таже разсчетная книжка, которая была введена около 30 лѣтъ назадъ. Я живу каждое лѣто въ деревнѣ въ Калужской и Харьковской губерніяхъ, имѣю много рабочихъ и годовыхъ, и лѣтнихъ, и мѣсячныхъ, но ни разу не видалъ введенной рабочей книжки.

прислуги адресный сборъ, составляющій болѣе 160 тысячъ рублей, едва ли возможно. Надобно только желать, чтобы фискальное его назначеніе, существующее de facto, было узаконено. Сборъ же съ служителей, хотя бы и по 1 рублю въ годъ, можетъ служить для нихъ немалымъ препятствіемъ къ поступленію членами въ общества. Польза отъ этого сбора такъ отдаленна и неясна для людей неразвитыхъ, привыкшихъ жить только настоящимъ, что едва ли найдется много желающихъ пожертвовать для нея какой бы то ни было частью своей заработанной платы. На указаніе гласнаго Жуковскаго, что побужденіемъ къ поступленію въ служительскія общества можетъ служить запросъ нанимателей на лица, записанныя въ нихъ членами,—я отвѣчу, что большинство нанимателей состоитъ изъ людей бѣдныхъ, которые всегда будутъ обращать болѣе вниманія на величину жалованья, требуемаго нанимающимся, чѣмъ на ярлыкъ или номеръ, который носитъ служитель и, если членъ общества запроситъ хотя бы 10 копѣекъ дороже другаго члена, то нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній будетъ предпочтенъ первому.

Вообще учрежденіе служительскихъ обществъ обусловливается, по моему мнѣнію, такой степенью нравственнаго и умственнаго развитія, котораго наша прислуга не имѣетъ въ настоящее время и, если найдется нѣсколько сотенъ лицъ, желающихъ поступить въ эти общества, то этимъ доставится нѣкоторое удобство нанимателямъ богатымъ; всѣмъ же другимъ служительскія общества едва ли принесутъ какую-либо пользу.

Переходя теперь къ разъясненію моей мысли о мѣрахъ, которыя нужно принять для улучшенія нашей прислуги, я считаю нужнымъ обратить вниманіе на причины, по которымъ наша прислуга находится въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи.

Причины эти, по моему мнѣнію, слѣдующія:

1. Историческія, которыя объяснены въ докладѣ состоящихъ при Общей Думѣ постоянныхъ коммиссій. Подъ вліяніемъ ихъ наша прислуга дошла до самой низкой степени нравственнаго упадка; но измѣнить нравственность настоящаго поколѣнія прислуги мы не имѣемъ никакой возможности; мы можемъ только дѣйствовать на развитіе будущаго поколѣнія, чему лучшимъ средствомъ представляется учрежденіе народныхъ школъ.

2. Безнаказанность прислуги за всѣ тѣ мелкіе проступки, которые составляютъ ея неотъемлемое свойство. Разбирать жалобы нанимателей и налагать взысканія за проступки входитъ въ кругъ дѣйствія правительственной власти, которая, нѣтъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе на этотъ важный вопросъ и при, введеніи новой судебной реформы, дастъ надлежащія инструкціи мировымъ судьямъ.

3. Беззаботность и равнодушіе къ своимъ пользамъ самихъ нанимателей. Адресный билетъ даетъ намъ въ нѣкоторой степени средство высказывать наше мнѣніе о находящихся у насъ въ услуженіи; но большинство нанимателей не только не пользуется этимъ средствомъ, но выдаетъ иногда письменные атестаты лицамъ, которыя вовсе ихъ не заслуживаютъ. Мнѣ не разъ случалось посылать за справкой о нанимаемомъ мной служителѣ въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ; отзывъ о немъ

давали обыкновенно хорошій, на повѣрку же выходило, что онъ вовсе его не стоилъ. Многіе изъ нанимателей дѣлаютъ это по какому-то худо понятому стремленію къ филантропіи; Богъ съ нимъ, говорятъ они, за что его лишать мѣста, позабывая, что вредъ, приносимый подобнымъ разсужденіемъ самому служителю, гораздо сильнѣе вреда, происходящаго отъ неполученія имъ мѣста.

4. Недостатокъ въ поощрительныхъ средствахъ и наградахъ за хорошее поведеніе служителей. Ежедневный опытъ насъ убѣждаетъ, что служители, получающіе большое жалованіе (я говорю относительно) ведутъ себя лучше тѣхъ, которые получаютъ малое; и это не потому чтобы нравственность первыхъ была лучше послѣднихъ, а потому что, при боязни потерять мѣсто, матеріальный интересъ заглушаетъ въ нихъ порочныя побужденія.

Кромѣ этихъ главныхъ причинъ есть много второстепенныхъ, но уничтожить ихъ можетъ только время и прогрессъ въ нравственномъ развитіи нашего общества.

На основаніи вышеизложеннаго, я полагаю, что если мы не можемъ перевоспитать настоящаго поколѣнія прислуги, то-есть внушить ей истинное пониманіе нравственныхъ началъ, то отъ насъ зависитъ поставить ее въ такое положеніе, чтобы матеріальный ея интересъ вполнѣ зависилъ отъ добросовѣстнаго исполненія возложенныхъ на нее обязанностей. Вотъ цѣль, къ которой, по моему мнѣнію, мы должны стремиться и для возможнаго достиженія которой я имѣю честь предложить слѣдующее:

1. Обязать нанимателей, при наймѣ служителей, дѣлать взносъ отъ 25 коп. до 2-хъ рублей, смотря по роду должности, къ которой предназначается служитель.

2. Капиталъ, составленный изъ этихъ взносовъ, опредѣлить на выдачу наградъ и пособій служителямъ, которые проживутъ не менѣе двухъ или трехъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ и получатъ отъ лица, у котораго жили, удостовѣреніе въ хорошемъ поведеніи.

3. Завести книжки для вписыванія въ нихъ наградъ, которыя получилъ служитель и атестацій нанимателей. Неимѣніе у служителя книжки должно служить доказательствомъ, что онъ не получалъ наградъ.

4. Выдача наградъ и пособій должна производиться на первое время въ наивозможно-большихъ размѣрахъ, чтобы внушить довѣріе къ нимъ служителей. При производствѣ выдачъ не слѣдуетъ требовать никакихъ формальностей, какъ напр. подаваніе прошеній, или представленіе свидѣтельствъ о личности; слѣдуетъ только, во избѣжаніе злоупотребленій, требовать, чтобы подпись руки нанимателя была засвидѣтельствована полиціей.

5. Храненіе денегъ, раздача наградъ и пособій, а также контроль надъ всѣми поступающими и расходуемыми суммами должны лежать на обязанности Общей Думы.

6 Съ этой цѣлью необходимо завести алфавитныя книги для вписыванія именъ всѣхъ служителей, которые получили награды. Кромѣ того, хорошо было бы завести и другія книги для записи тѣхъ изъ

нихъ, которые въ данное время находятся безъ мѣста. Какъ тѣ, такъ и другія книги должны быть открыты для всѣхъ желающихъ.

Эти главныя основанія моего предложенія требуютъ, конечно, тщательной разработки, но они достаточно поясняютъ мою мысль. Я не думаю, чтобы сборъ съ нанимателей могъ быть для нихъ обременителенъ, но во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ, чтобы за удобства жизни платили тѣ, которые хотятъ ими пользоваться Осуществленіе моего предложенія не должно служить помѣхою къ учрежденію служительскихъ обществъ, которыхъ пользы я не отрицаю, но сомнѣваюсь въ ихъ своевременности. Желаю впрочемъ, чтобы я въ этомъ ошибался.

Вскорѣ послѣ подачи этого заявленія, я долженъ былъ выйти изъ состава гласныхъ, такъ какъ мы продали нашъ Петербургскій домъ.

Полковникъ Лавровъ, извѣстный нашъ эмигрантъ, бывшій въ то время профессоромъ Артиллерійской Академіи, долженъ былъ прочесть въ Пассажѣ три публичныя лекціи о разныхъ философскихъ системахъ; я, конечно, какъ любитель философскихъ вопросовъ, былъ на всѣхъ трехъ лекціяхъ. Рядомъ со мной сидѣлъ какой-то господинъ, который по видимому былъ чиновникъ, такъ какъ у него не было ни усовъ, ни бороды, а между тѣмъ въ петлицѣ его жакетки висѣлъ Георгіевскій крестъ. Разговорившись съ нимъ, я нашелъ его весьма умнымъ и симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ. Затѣмъ я его встрѣтилъ у одного моего знакомаго; оказалось, что это былъ Александръ Александровичъ Оболонскій, служившій прежде на Кавказѣ при князѣ Воронцовѣ, а въ то время состоявшій на службѣ чиновникомъ въ 4-мъ отдѣленіи Канцеляріи Его Императорскаго Величества. Онъ былъ помѣщикъ Полтавской губерніи и такъ сочувствовалъ крестьянскому вопросу, что желалъ бы быть чемъ нибудь полезнымъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ нашего знакомства, онъ заѣхалъ какъ-то ко мнѣ и съ лицемъ, сіяющимъ отъ удовольствія, сказалъ, что онъ придумалъ средство сослужить службу Русскому простонародью и пріѣхалъ мнѣ предложить принять въ немъ участіе. На мой вопросъ какое это средство, онъ объяснилъ, что, съ паденіемъ крѣпостнаго права, образованіе и развитіе народа становятся первымъ и необходимымъ дѣломъ; что содѣйствовать этому развитію можно, давая народу такія книги, чтеніе которыхъ соединяло бы полезное съ пріятнымъ; что на этомъ основаніи онъ рѣшился издавать журналъ спеціальный для простолюдиновъ и, зная мое сочувствіе къ крестьянскому вопросу, пріѣхалъ предложить мнѣ принять участіе въ изданіи и редакціи его журнала. Предложеніе А. А. Оболонскаго меня чрезвычайно обрадовало. Я конечно согласился, и мы стали вдвоемъ составлять программу бу-

дущаго журнала и обдумывать средства къ скорѣйшему его осуществленію. Прежде всего мы рѣшили, что журналъ долженъ быть дешевъ, такъ какъ онъ назначается для чтенія лицамъ, имѣющимъ самыя ограниченныя средства; затѣмъ, чтобы онъ могъ достигнуть цѣли, къ которой мы стремились, мы нашли необходимымъ пригласить къ участію въ немъ всѣхъ нашихъ лучшихъ литераторовъ, въ особенности тѣхъ, которые близко знакомы съ бытомъ и характеромъ нашего народа; наконецъ, не заботясь о денежныхъ выгодахъ, а желая только сводить концы съ концами, мы считали нужнымъ приложить все стараніе, чтобы журналъ имѣлъ наибольшее распространеніе, такъ какъ этимъ способомъ мы могли значительно понизить подписную цѣну. По удешевленіе журнала немало зависѣло и отъ удешевленія почтовой пересылки, которая была въ то время 1 р. 50 к. въ годъ со всѣхъ періодическихъ изданій. Обдумавъ хорошенько, я рѣшился обратиться къ Великому Князю Михаилу Николаевичу съ просьбой оказать журналу свое высокое покровительство для уменьшенія платы за пересылку до 10 коп. за годовой экземпляръ. Его Императорское Высочество былъ такъ добръ, что, во имя благой цѣли журнала, поддержалъ мое ходатайство передъ министромъ народнаго просвѣщенія, и вскорѣ мы получили разрѣшеніе платить за пересылку въ годъ по 10 коп. вмѣсто 1 р. 50 к. [1])

Достигнувъ такимъ образомъ удешевленія пересылки, мы рѣшились начать изданіе журнала съ 1 Января 1859 года, назвавъ его «Народное Чтеніе». Онъ долженъ былъ выходить книжками по одной въ два мѣсяца съ платою въ годъ по 2 рубля съ пересылкой. Составляя расходный бюджетъ журнала, мы назначили плату за статьи по 100 рублей за листъ [2]).

Трудъ приглашенія сотрудниковъ мы раздѣлили съ Оболонскимъ пополамъ, причемъ на мою долю выпало поѣхать въ Москву, гдѣ я

---

[1]) Въ отзывѣ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера къ г. министру народнаго просвѣщенія отъ 15 Февраля 1858 года за N 155, которымъ поддержано мое ходатайство объ изданіи журнала *„Народное Чтеніе“*, между прочимъ сказано: „Находя предположенное изданіе полковника Щербачева несомнѣнно полезнымъ и принимая въ немъ особое участіе, имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство ускорить по возможности производствомъ этого дѣла, испросить у Государя Императора всемилостивѣйшее соизволеніе на прошеніе полковника Щербачева и о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ“.

[2]) Цифра эта въ дѣйствительности измѣнилась: мы платили по 100 рублей за листъ только Марку Вовчку, Кулишу, Бѣляеву, Киттарѣ, Разину и, кажется, П. Успенскому; другимъ же мы платили по 80 и даже по 60 рублей за листъ. Стихотворенія намъ стоили дороже, чѣмъ мы предполагали: такъ напримѣръ Мей получалъ по 3 руб. за строчку.

познакомился съ Погодинымъ, Тургеневымъ, Писемскимъ, Бѣляевымъ, Павловымъ и другими; всѣ они выразили полное сочувствіе къ нашему журналу и обѣщали доставлять статьи, но къ сожалѣнію не всѣ исполнили данное обѣщаніе.

Первый мой визитъ Михаилу Петровичу Погодину произвелъ на него не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Произошло слѣдующее. Надѣвъ полковничій мундиръ съ эполетами и аксельбантами, которые были присвоены всѣмъ окончившимъ курсъ въ Академіи, я пріѣхалъ къ нему довольно рано утромъ; онъ жилъ на Дѣвичьемъ полѣ, въ своемъ домѣ, при которомъ былъ довольно большой садъ. Лакей мнѣ сказалъ, что Михаилъ Петровичъ въ саду, и предложилъ мнѣ туда идти. Я пошелъ и увидалъ на лужайкѣ стоящаго ко мнѣ спиной какого то господина, читавшаго книгу. Это былъ Погодинъ. Подойдя къ нему, я ударилъ нечаянно саблей о шпору; онъ обернулся и, увидавъ меня, съ громкимъ восклицаніемъ, выражавшимъ испугъ, отъ меня отскочилъ. Я не понималъ, чѣмъ я могъ его испугать; но когда мы съ нимъ познакомились, и я объяснилъ ему причину моего пріѣзда, онъ мнѣ сказалъ, что, увидавъ передъ собой совершенно незнакомаго ему полковника съ аксельбантомъ, онъ вообразилъ, что я жандармскій штабъ-офицеръ, а къ жандармамъ, прибавилъ онъ, я чувствую инстинктивный страхъ.

Изъ Петербургскихъ литераторовъ, я познакомился, между прочими, съ Панаевымъ и Некрасовымъ, которые издавали «Современникъ» и жили на дачѣ близъ Стрѣльны.

Когда я пріѣхалъ къ нимъ около 10 часовъ утра, лакей мнѣ предложилъ, какъ у Погодина, войти въ садъ, гдѣ они пили чай. Подойдя къ бесѣдкѣ, я услыхалъ веселый женскій и два мужскіе голоса; это были Панаевъ, Некрасовъ и молодая красивая женщина, жена Панаева, какъ мнѣ сказалъ лакей. Всѣ встрѣтили меня очень любезно, выразили сочувствіе къ журналу назначенному для народа и обѣщали свою поддержку; «но, сказалъ мнѣ Панаевъ, вамъ предстоитъ ужасная борьба съ цензурою; приготовьтесь къ ней. Цензоры не только вычеркиваютъ изъ учебниковъ Исторіи имена великихъ людей, республиканцевъ древнихъ Рима и Греціи, но не дозволяютъ даже писать въ поваренныхъ книгахъ о тѣхъ кушаньяхъ, которыя слѣдуетъ приготовлять въ вольномъ духѣ». При этомъ было разсказано много другихъ цензурныхъ курьезовъ, о которыхъ я уже слышалъ прежде. Причиною ихъ была правительственная система, которая безпощадно карала цензоровъ за пропускъ какого нибудь пустаго слова, но не дѣлала имъ никакого замѣчанія, если строгость

цензуры переходила въ глупость. «Лучше слыть глупымъ, говорилъ одинъ изъ Московскихъ цензоровъ, да сохранить свое мѣсто, чѣмъ слыть умнымъ, да потерять его».

О наибольшемъ распространенiи журнала хлопоталъ Оболонскiй, у котораго было много знакомыхъ. Ему представился такой случай. Будучи хорошо знакомъ съ Шереметевымъ, женатымъ на дочери Михаила Николаевича Муравьева, бывшаго въ то время министромъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ, онъ познакомился съ этимъ послѣднимъ въ домѣ его дочери и разсказалъ ему о нашемъ намѣренiи издавать журналъ для народа. Муравьевъ заинтересовался журналомъ и сказалъ, что *онъ забросаетъ крестьянъ нашими книжками* *), если только редакцiя приметъ его условiя. Оболонскiй поѣхалъ къ нему; условiя имъ предложенныя заключались въ томъ, чтобы въ редакцiи участвовалъ чиновникъ имъ назначенный и чтобы ни одна статья не печаталась въ журналѣ безъ согласiя этого чиновника. На эти условiя Оболонскiй отвѣчалъ положительнымъ отказомъ; переговоры прекратились, но въ скоромъ времени они опять возобновились. Муравьевъ согласился предоставить намъ вполнѣ веденiе журнала согласно нашимъ убѣжденiямъ, но выразилъ желанiе, чтобы въ редакцiи правительственнаго отдѣла, въ которомъ предполагалось излагать мотивы къ явившимся правительственнымъ распоряженiямъ, участвовалъ его чиновникъ. Оболонскiй рѣшился сдѣлать уступку и согласился на это послѣднее предложенiе, но съ тѣмъ, чтобы чиновникъ былъ назначаемъ по нашему выбору. На этомъ окончились переговоры. Муравьевъ сдѣлалъ докладъ на Высочайшее имя, прося разрѣшенiе взять изъ какого-то капитала нужную сумму денегъ для выписки журнала «Народное Чтенiе». Государь изъявилъ согласiе, и Муравьевъ намъ объявилъ, что онъ возметъ до 100 тысячъ экземпляровъ, если журналъ ему понравится; но на первое время онъ предложилъ намъ печатать для Министерства Государственныхъ Имуществъ не болѣе 25 тысячъ экземпляровъ. Мы его поблагодарили и выразили желанiе, чтобы чиновникомъ для участiя въ редакцiи правительственнаго отдѣла былъ назначенъ П. А. Валуевъ, бывшiй въ то время директоромъ одного изъ департаментовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; съ Валуевымъ же мы предварительно переговорили и заручились его согласiемъ.

Переговоры съ Муравьевымъ велись во второй половинѣ 1858 г. Мы рѣшили начать изданiе съ 1 Января 1859 года и запасались ма-

*) Собственное выраженiе Михаила Николаевича Муравьева.

теріаломъ, который поступалъ въ редакцію въ большомъ количествѣ. Въ объявленіяхъ о журналѣ, напечатанныхъ во всѣхъ газетахъ, цѣна ему назначена была за шесть книгъ въ годъ 2 рубля съ пересылкой; но мы хотѣли, когда Муравьевъ возметъ у насъ 25,000 экземпляровъ, уменьшить ее до 1 р. въ годъ, съ тѣмъ чтобы тѣмъ подписчикамъ, которые уплатили два рубля, высылать журналъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, намѣреніямъ нашимъ не суждено было осуществиться.

Первая книжка журнала «Народное Чтеніе» вышла въ концѣ Декабря 1858 г. Содержаніе ея было слѣдующее: I. Правительственныя распоряженія. II. Разсказы изъ Русской Исторіи С. Максимова. III. Кто человѣкъ, тому сродно все человѣческое, П. Небольсина. IV. Надежа, Марки Вовчка. V. Отставной солдатъ, Маева. VI. Разсказъ за чаемъ, Н. Успенскаго. VII. Ѳедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ, Н. Михайлова. VIII. Радость и кручина, И. Никитина. Два стихотворенія Цыганова.

По выходѣ первой книжки, всѣ напечатанныя въ ней статьи показались Муравьеву слишкомъ либеральными; но главное вниманіе онъ обратилъ на заглавную виньетку, представлявшую внутренность крестьянской избы, въ которой за столомъ сидѣли крестьяне и крестьянки, а отставной солдатъ читалъ имъ книгу. Впереди избы виднѣлся мальчикъ съ топоромъ въ рукѣ, которымъ онъ хотѣлъ разрубить кнутъ; но старуха, увидавши это, грозила ему пальцемъ. Конечно, виньетка эта имѣла мысль, но далеко не ту, которую ей придали Муравьевъ и лица его окружавшія; одно то, что она прошла черезъ самую строгую цензуру и была ею разрѣшена, служитъ доказательствомъ ея невинности. Какъ бы то ни было, Муравьевъ страшно разсердился на нашъ журналъ и, заставивъ насъ напечатать первую книжку въ 25 тысячахъ экземпляровъ, не только ихъ не взялъ, но и запретилъ Палатамъ Государственныхъ Имуществъ подписываться на «Народное Чтеніе» для крестьянъ. Хотя отказъ Муравьева былъ непріятенъ, но мы рѣшились твердо держаться принятаго направленія и разослали первую книжку, какъ образецъ, губернаторамъ архіереямъ, начальникамъ военныхъ частей и въ редакціи всѣхъ журналовъ и газетъ; отсюда были получены сочувственные отзывы. Число подписчиковъ дошло до 6 тысячъ въ 1859 году, а въ 1860 году было нѣсколько болѣе; подписной суммы намъ не только доставало на расходы по изданію, но и былъ небольшой остатокъ въ видѣ чистаго дохода.

Вспоминая то время, я долженъ сказать, что если мы имѣли много хлопотъ съ цензурой, то съ сотрудниками было немало столкновеній. Цензура, имѣя въ виду назначеніе нашего журнала для низшихъ

сословій, не пропускала иногда такихъ статей, которыя легко находили себѣ мѣсто въ другихъ журналахъ. Историческія статьи Кулиша и въ особенности Бѣляева бывали такъ испещрены краснымъ карандашомъ цензора, что теряли значительно въ своемъ достоинствѣ. Мы вели постоянную борьбу съ цензурой; на цензора жаловались Цензурному Комитету, на Цензурный Комитетъ жаловались Главному Управленію цензуры, а на это послѣднее министру народнаго просвѣщенія; но ни разу наши жалобы не были удовлетворены. Одинъ разъ меня хотѣли даже отдать подъ судъ (Оболонскаго не было въ то время въ Петербургѣ) за то, что я напечаталъ извѣщеніе о смерти Я. И. Ростовцева въ черной рамкѣ. Текстъ этого извѣщенія былъ посланъ цензору и, хотя неохотно, но былъ имъ пропущенъ; черную же рамку я сдѣлалъ не испрашивая его разрѣшенія, полагая, что для рамокъ нѣтъ цензуры. Текстъ извѣщенія былъ слѣдующій: «Шестаго Февраля скончался предсѣдатель Редакціонной Коммиссіи по составленію положеній для освобожденія крестьянъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Онъ, послѣдніе три года своей жизни, посвятилъ всего себя великому дѣлу улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ».

«Ростовцевъ горячо дѣйствовалъ для освобожденія крестьянъ. Какія были его личныя цѣли, это не наше дѣло; этого доищется Богъ. Мы знаемъ, что предсѣдатель Редакціонной Коммиссіи Яковъ Ивановичъ окружилъ себя сотрудниками, которыхъ указалъ ему говоръ, похожій на общественное мнѣніе. Онъ сдѣлалъ выборъ не по чинамъ, не по долговременной службѣ, не по рекомендаціи. Это было нововведеніе многознаменательное и не безъ будущности. Ростовцевъ сошелъ въ могилу во время пламеннаго служенія лучшимъ надеждамъ его отечества, освобожденію крестьянъ. Мы находимъ справедливымъ, съ этой точки зрѣнія, причислять его смерть къ разряду общественныхъ бѣдствій. Хотя бы въ настоящее время милліоны голосовъ не были нашего мнѣнія, мы всетаки увѣрены, что впослѣдствіи явятся, тоже во множествѣ, иные судьи, болѣе отрѣшенные отъ вліянія текущихъ событій, болѣе независимые, и дай Богъ, чтобы потомство повторяло имя Ростовцева не въ укоризну другихъ».

«Графу В. Н. Панину высочайше повѣлено быть предсѣдателемъ Редакціонной Комиссіи по крестьянскому дѣлу».

Цензору не нравилось, что назначеніе графа Панина стояло вслѣдъ за выраженіемъ *не въ укоризну другимъ*; читателю, по его мнѣнію, могло показаться, что между ними есть связь.

Мы имѣли хлопоты и съ сотрудниками. Одни обѣщали и не присылали своихъ статей; другіе присылали такія статьи, которыя не

могли быть напечатаны, а деньги за статьи были уплачены; наконецъ, третьи обижались, отчего статьямъ другихъ авторовъ давалось предпочтеніе передъ ихъ статьями однороднаго съ первыми содержанія. Нужно было имѣть немало такта, терпѣнія и, прибавлю, денегъ, чтобы умѣть примирять нравственные и матеріальные интересы сотрудниковъ съ интересами журнала.

Мы имѣли нѣсколько кореспондентовъ изъ крестьянъ, письма которыхъ печатались иногда въ «Народномъ Чтеніи». Одинъ изъ наиболѣе сочувствовавшихъ нашему журналу былъ государственный крестьянинъ Курганскаго уѣзда *Ивановъ*, въ письмахъ котораго заключались большею частію сѣтованія на полицію и описаніе злоупотребленій, дѣлаемыхъ различными властями. Конечно, письма эти не пропускались въ печать цензурою; изъ нихъ печатались только самыя безцвѣтныя.

Послѣ двухлѣтняго существованія журнала, крестьянскій вопросъ близился къ своему рѣшенію. Оболонскій рѣшился выйти въ отставку и уѣхать въ свое имѣніе Полтавской губерніи, полагая, что онъ можетъ быть тамъ полезнѣе, чѣмъ живя въ Петербургѣ. Мнѣ же такъ надоѣли непріятныя хлопоты по редакціи, и, при моемъ впечатлительномъ характерѣ, я такъ волновался отъ неудачъ, постигавшихъ журналъ, что ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ продолжать изданіе безъ Оболонскаго, вслѣдствіе чего мы рѣшились продать журналъ. Въ то время одинъ молодой человѣкъ Лермонтовъ, только что окончившій курсъ на Училищѣ Правовѣдѣнія, открылъ книжный магазинъ въ Караванной улицѣ и, сочувствуя направленію нашего журнала, предложилъ намъ купить его за 18 тысячъ, съ уплатою денегъ по частямъ въ теченіи шести лѣтъ. Мы охотно согласились, но денегъ получили всего три тысячи, такъ какъ Лермонтовъ вскорѣ обанкрутился, и кредиторы его получили по 5 копѣекъ за рубль. Хотя послѣ банкротства Лермонтова право изданія «Народнаго Чтенія» снова вернулось къ намъ, но мы отказались отъ него, и журналъ нашъ прекратился на всегда.

IV.

У всѣхъ народовъ и во всѣ историческія эпохи, наболѣвшее зло производило такую реакцію въ государственномъ организмѣ, которая, оздоровляя организмъ, возбуждала въ немъ нѣкоторые временные болѣзненные припадки. Эти болѣзненные припадки, въ эпоху освобожденія крестьянъ, выразились въ Россіи образованіемъ кружка лицъ, которые думали достигнуть свободы не мирнымъ путемъ, указаннымъ императоромъ Александромъ II, а путемъ насилія, путемъ возбужденія

ненависти въ однихъ классахъ общества противъ другихъ. Громя проклятіями произволъ и деспотизмъ въ лагерѣ своихъ противниковъ, они проповѣдывали тотъ же произволъ и тотъ же деспотизмъ въ средѣ своихъ единомышленниковъ и служили такимъ образомъ не свободѣ, во имя которой они думали дѣйствовать, а врагамъ свободы, давая имъ наилучшее оружіе для противодѣйствія освободительнымъ стремленіямъ правительства. Такихъ людей было, конечно, немного; но нашъ консервативный лагерь, какъ называли себя крѣпостники, умышленно указывалъ на нихъ какъ на представителей либеральнаго направленія и тѣсно связывалъ съ ихъ появленіемъ близившееся освобожденіе крестьянъ. Какъ ни твердо было намѣреніе государя уничтожить крѣпостное право, но эти непрошенные радѣтели о благѣ народа служили все-таки нѣкоторымъ тормазомъ для его освобожденія. Ненормальныя явленія въ общественной жизни Петербурга, которыя приписывали этимъ лицамъ, заключались, въ то время, въ появленіи подпольнаго журнала «*Великоруссъ*» и разныхъ печатныхъ прокламацій, печатавшихъ такой сумбуръ, который изобличалъ въ авторахъ не только людей не знавшихъ Россіи и нашего народа, но какихъ-то малолѣтокъ, которые, нахватавшись верхушекъ прочитанныхъ ими революціонныхъ сочиненій, хотѣли щеголять болѣе остроуміемъ, чѣмъ логикой. Такъ напримѣръ, въ прокламаціи «*Къ молодому поколѣнію*», авторомъ которой считали *Михайлова* (сосланнаго впослѣдствіи въ каторжныя работы), была такая фраза: «*помните, что если разбить генеральскій носъ, то изъ него потечетъ такая же кровь, какъ и изъ мужицкаго носа*». Конечно, люди здравомыслящіе и либеральные въ истинномъ смыслѣ этого слова были очень опечалены этими выходками и отъ души жалѣли молодыхъ людей, которые ими увлекались, зная, что увлеченія эти не имѣли эгоистической подкладки, а происходили исключительно отъ недоразвитія и незнанія жизни. Въ государствахъ Западной Европы, которыя давно уже живутъ политической жизнью, подобныя увлеченія были бы менѣе возможны, чѣмъ въ Россіи. На Западѣ есть печать, которая разоблачаетъ политическія ухищренія и ратуетъ противъ нихъ. У насъ же печать не смѣла даже помянуть о журналѣ «Великоруссъ» и о прокламаціяхъ, которыя разсылались въ огромномъ числѣ экземпляровъ и читались всѣми. На Западѣ всѣ люди интеллигентные имѣютъ свои убѣжденія и не скрываютъ ихъ, такъ какъ знаютъ, что всѣ убѣжденія уважаются, и что законъ караетъ только за дѣйствія, а не за убѣжденія; высказывая же ихъ, они вызываютъ возраженія, которыя даютъ возможность каждому выводить заключенія, согласныя съ здравымъ смысломъ. У насъ даже въ интеллигентныхъ слояхъ общества царитъ безпринципность, которая, съ одной стороны, представляетъ самую

лучшую почву для увлеченій, а съ другой, готовитъ хамелеоновъ, принимающихъ окраску, требуемую ихъ эгоистическими стремленіями. Въ то время, о которомъ я говорю, былъ большой спросъ на либераловъ, и они явились: но большинство этихъ лицъ были либералами только по имени, изъ подражанія, ради моды, готовые сдѣлаться, при перемѣнѣ вѣяній, и консерваторами, и ретроградами, и чѣмъ угодно. Людей же съ твердыми либеральными убѣжденіями, любившихъ свое отечество безкорыстно и выше своихъ личныхъ выгодъ, было немного. Къ числу этихъ послѣднихъ должны быть причислены дорогія имена Русскому народу: Н. А. Милютина, Кавелина, Я. А. Соловьева, Ю. Ѳ. Самарина, князя В. А. Черкасскаго, В. В Тарновскаго, А. Н. Татаринова и многихъ другихъ членовъ Редакціонной Комиссіи.

Либералы-хамелеоны, какъ впослѣдствіи оказалось, были и въ печати; но читающая публика ихъ знаетъ, а потому говорить о нихъ не буду. Изъ общественной же среды мнѣ пришлось встрѣтиться съ тремя такими либералами. Два изъ нихъ были мировые посредники перваго призыва; одинъ считался краснѣйшимъ изъ красныхъ, а другой старался брать ему въ тонъ. Дѣйствія перваго съ помѣщиками доходили до нахальства: такъ, пріѣзжая въ помѣщичье имѣніе, онъ не входилъ въ домъ помѣщика, а требовалъ его къ себѣ и дозволялъ крестьянамъ на общественныхъ сходахъ говорить помѣщику всевозможныя дерзости. Другой же представлялъ изъ себя Молчалина и, чтобы не раздражать крестьянъ, молчалъ даже и въ то время, когда крестьяне, вслѣдствіе незнанія Положенія 19-го Февраля, говорили чушь. Третій изъ мной указанныхъ лицъ былъ и учителемъ, и фабрикантомъ, и помѣщикомъ. Мнѣ случилось лѣтъ 18 назадъ слышать его сужденія о соціализмѣ; начитавшись Прудона, Маркса, онъ выражалъ полное сочувствіе къ этому ученію и вѣроятно поэтому отданъ былъ подъ надзоръ полиціи. Чтóже сдѣлалось теперь съ этими корифеями либерализма, трудно себѣ представить: всѣ они въ палкахъ и розгахъ видятъ единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ и восхищаются мудростью «*Домостроя*»; одинъ изъ нихъ совѣтуетъ даже сѣчь дворянъ за ихъ политическія убѣжденія, если они не согласны съ правительственными указаніями.

Для характеристики одного изъ подобныхъ либераловъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, я разскажу слѣдующій случай. Одинъ мой знакомый, Николай Васильевичъ Михно, служившій чиновникомъ въ какомъ-то министерствѣ и бывшій редакторомъ театральнаго журнала «*Русская Сцена*», встрѣтилъ у кого-то на вечерѣ одного изъ

своихъ сослуживцевъ, который любилъ щеголять своими либеральными взглядами; по окончаніи вечера, Михно и этотъ господинъ поѣхали домой на одномъ извощикѣ; дорогой либеральный господинъ вступилъ въ разговоръ съ извощикомъ и, узнавъ, что онъ изъ крѣпостныхъ, спросилъ его, скоро ли ихъ освободятъ? Извощикъ отвѣчалъ конечно незнаніемъ; тогда онъ ему сказалъ: «Чтоже вы смотрите? развѣ вамъ даны топоры только для того, чтобы дрова рубить; взяли бы ихъ, да и маршъ къ Зимнему Дворцу». Извощикъ молчалъ. Былъ уже четвертый часъ ночи; фонари были потушены, но въ концѣ Знаменской улицы, по которой ѣхали, виднѣлся огонекъ. Либералъ спросилъ у извощика что̀ это за огонь? Извощикъ, не запинаясь, отвѣчалъ: «тамъ собираются наши, чтобы идти къ Зимнему Дворцу». Либералъ сконфузился: ему дѣйствительно показалось, что около огня ходятъ люди; подъѣхавъ поближе, онъ сказалъ извощику: «поверни-ка направо въ переулокъ». Извощикъ громко расхохотался. «Вишь баринъ, болтать ты умѣешь, сказалъ онъ, а враковъ мужика не умѣлъ разобрать, да еще и испугался». Оказалось, что фонарь горѣлъ около ямы, которая была вырыта для исправленія какой-то подземной трубы. Этотъ случай ясно указываетъ не только на глупыя выходки либераловъ того времени, но и на здравый смыслъ нашего мужика, котораго наши консерваторы считали чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и животнымъ.

1858 годъ ознаменовался въ Петербургѣ страшными пожарами, которые общественное мнѣніе приписывало поджогамъ. Съ какой цѣлью дѣлались поджоги, никто не зналъ; но случалось, что полиція получала анонимныя письма, извѣщавшія что̀ и гдѣ будетъ горѣть, и дѣйствительно пожаръ случался тамъ, гдѣ былъ указанъ. Позднѣе, о пожарѣ Апраксина двора знали изъ анонимныхъ писемъ, что онъ будетъ въ Духовъ день. Въ этотъ день бываетъ обыкновенно въ Лѣтнемъ саду гулянье, на которое являются массы купеческихъ дочекъ и купеческихъ сыновей для выбора невѣстъ. Къ тремъ часамъ дня всѣ лавки на Апраксиномъ дворѣ были закрыты, и въ виду обѣщаннаго пожара число сторожей было удвоено. Пожаръ считали невозможнымъ; но я помню, только что мы сѣли обѣдать въ этотъ день, на каланчѣ Литейной части, наискось отъ которой мы жили, взвился флагъ, и раздался колоколъ, призывавшій пожарную команду. Я послалъ узнать, гдѣ пожаръ; мнѣ сказали, что горитъ Апраксинъ дворъ. Едва успѣвъ пообѣдать, я поѣхалъ на пожаръ и за домомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ почти до Чернышева моста увидалъ море пламени: всѣ лавки горѣли; жара отъ огня была такая, что стекла лопались даже въ Театральной Школѣ,

а у дома Министерства Внутреннихъ Дѣлъ едва можно было стоять. Масса народа, окружавшая пожаръ, кричала, что поджигаютъ студенты и если бы не полиція, то одинъ изъ нихъ, явившійся на пожаръ, былъ бы непремѣнно брошенъ въ огонь. Волненіе народа было такъ сильно, что на помощь полиціи были присланы команды пѣхотныхъ солдатъ. Апраксинъ дворъ состоялъ въ то время изъ нѣсколькихъ сотенъ деревянныхъ ветхихъ лавокъ, скученно-построенныхъ между Садовой и Фонтанкой; всѣ онѣ были охвачены огнемъ, и ни одной нельзя было спасти. Я бывалъ на многихъ пожарахъ; но такого пожара, гдѣ бы одновременно горѣли постройки на протяженіи болѣе чѣмъ полуверсты, я не видалъ. Трудно себѣ представить, какой ужасный былъ жаръ отъ этого громаднаго костра.

Паническій страхъ отъ пожаровъ развилъ такую подозрительность въ Петербургскомъ населеніи, что полиція брала въ часть и мальчиковъ, торговавшихъ спичками, и маляровъ, несшихъ краски, и полотеровъ, шедшихъ съ мастикой: думали, что у нихъ есть такой составъ, которымъ стоитъ только помазать стѣну, чтобы она загорѣлась отъ дѣйствія на нее лучей солнца. Вслѣдствіе подозрительности былъ такой случай. Шла очень высокая ростомъ Нѣмка по Торговой улицѣ; плохо говоря по русски, она спросила у дворника, стоявшаго у воротъ дома (дворники или ихъ помощники должны были день и ночь находиться у воротъ домовъ), не живетъ ли тутъ ея знакомая и при этомъ назвала какую-то трудную фамилію. Дворникъ отвѣчалъ, что нѣтъ; она обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ дворнику сосѣдняго дома, этотъ далъ ей тоже отрицательный отвѣтъ; но когда она подошла къ дворнику третьяго дома, городовой, слышавшій ея вопросы, рѣшилъ въ своемъ умѣ, что это должна быть не женщина, а переодѣтый мущина и повелъ ее въ полицію для освидѣтельствованія; хотя она оказалась женщиной, но тѣмъ не менѣе просидѣла въ кутузкѣ до слѣдующаго дня. Нѣмка эта была гувернантка, которую зналъ одинъ мой знакомый, разсказавшій мнѣ о бывшемъ съ ней приключеніи. Въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ 1858 года, взято было полиціей по подозрѣнію въ поджигательствѣ около 2000 лицъ; слѣдствіе поручено было особо составленной Комиссіи. Одинъ изъ членовъ Комиссіи, котораго я зналъ, говорилъ мнѣ, что никто изъ взятыхъ полиціей не былъ уличенъ въ поджигательствѣ, а потому никто не былъ преданъ суду; многіе высланы были только изъ Петербурга административнымъ порядкомъ. Итакъ съ формальной стороны поджигателей не оказалось, а между тѣмъ Петербургъ горѣлъ ежедневно: не проходило дня, чтобы не было двухъ-трехъ пожаровъ. Всѣ были увѣрены, что существуетъ шайка

поджигателей, которую полиція не умѣетъ или не хочетъ открыть. Я, какъ домовладѣлецъ, получилъ также анонимное письмо съ предупрежденіемъ, что черезъ три дня будетъ горѣть Сергіевская улица, на которой былъ нашъ домъ; но я не дождался обѣщаннаго дня: застраховавъ всю движимость, мы уѣхали съ женой на другой день въ Гапсаль, гдѣ провели все лѣто. Впослѣдствіи оказалось, что на Сергіевской улицѣ не было ни одного пожара.

V.

Въ началѣ второй половины 1859 года всѣ губернскіе комитеты, обсуждавшіе мѣры къ рѣшенію крестьянскаго вопроса, окончили свои занятія, составили проекты положеній объ освобожденіи крестьянъ и выбрали депутатовъ для участія въ работахъ Редакціонной Коммиссіи. Проекты комитетовъ имѣли крѣпостническій характеръ; но наиболѣе имъ отличавшіеся были проекты Костромской, Петербургской, а затѣмъ Московской и Симбирской губерній. Члены меньшинства комитетовъ составили также свои проекты положеній, въ которыхъ выразилась забота не объ однихъ помѣщичьихъ интересахъ, но и о крестьянскихъ. За составленіе этихъ проектовъ, члены большинства комитетовъ такъ озлобились противъ членовъ меньшинства, что угрожали этимъ послѣднимъ побоями, вслѣдствіе чего Кошелевъ, членъ Рязанскаго комитета, долженъ былъ обратиться къ правительству съ просьбою о защитѣ его; Самаринъ, членъ Самарскаго комитета, запасся револьверомъ и окружилъ себя тѣлохранителями; а князь Черкасскій, членъ Тульскаго комитета, на дворянскихъ выборахъ, бывшихъ, по закрытіи комитета, съ трудомъ выбрался изъ залы Дворянскаго Собранія, гдѣ дворяне хотѣли нанести ему побои (Мат. для ист. упразд. крѣп. сост. т. I, глава V). Такое явное несочувствіе дворянъ къ справедливому освобожденію крестьянъ не могло внушить довѣріе членамъ Редакціонной Коммиссіи къ депутатамъ присланнымъ губернскими комитетами въ Петербургъ; съ другой стороны, и депутаты, зная, что Редакціонная Коммиссія взяла на себя защиту крестьянскихъ интересовъ и что членами-экспертами ея назначены многія лица изъ меньшинства комитетовъ, стали въ самое непріязненное къ ней отношеніе и рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы дискредитировать ее въ глазахъ государя. Но государь, зная, съ одной стороны, каждое слово, которое говорилось въ Коммиссіи и каждое ея постановленіе, а съ другой стороны, прочитавъ сводъ крѣпостническихъ рѣшеній губернскихъ комитетовъ, не могъ не стать на сторону первой и всѣ представляемыя ему записки и разные документы, имѣвшіе цѣлью подорвать его довѣріе къ

Коммиссіи, передавалъ на разсмотрѣніе Главнаго Комитета. Однимъ изъ первыхъ документовъ, разсмотрѣнныхъ Комитетомъ, была записка Безобразова, въ которой, уличая членовъ Коммиссіи въ замыслахъ погубить Россію, авторъ доказывалъ, что единственное спасеніе заключается въ обращеніи государя къ дворянству и въ порученіи ему крестьянскаго дѣла. За эту записку Безобразовъ уволенъ былъ отъ службы и высланъ изъ Петербурга. Въ это же время появилось письмо графа Орлова-Давыдова къ Ростовцеву, написанное въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ на Французскомъ языкѣ и разосланое разнымъ лицамъ. Читалась также всѣми записка графа Шувалова и князя Паскевича, написанная въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія на одно изъ постановленій Редакціонной Коммиссіи. Во всѣхъ этихъ документахъ проводилась одна и таже мысль, мысль о политической неблагонадежности членовъ Редакціонной Коммиссіи. На самомъ же дѣлѣ, суть заключалась въ томъ, что крѣпостническая партія хотѣла дать крестьянамъ какъ можно менѣе земли, а Редакціонная Коммиссія настаивала на сохраненіи существующаго крестьянскаго надѣла; крѣпостническая партія хотѣла поставить во главѣ вотчинной полиціи помѣщиковъ, а Редакціонная Коммиссія въ интересахъ крестьянъ находила это невозможнымъ. Кромѣ этихъ главныхъ спорныхъ вопросовъ, были и другіе, въ которыхъ Редакціонная Коммиссія не сходилась съ мнѣніями депутатовъ. Но политическихъ тенденцій никакихъ не было. Если же крѣпостники хотѣли придать этимъ спорамъ подкладку неблагонадежности, то потому, что склонить государя на свою сторону другимъ путемъ они считали невозможнымъ. Оказалось, что избранный ими путь былъ также неудаченъ.

Одновременно съ этими доносами на Редакціонную Коммиссію, очередныя дворянскія собранія губерній: Рязанской, Тверской, Ярославской и Владимирской, бывшія въ 1859 году, представили государю адресы, въ которыхъ, на основаніи статей закона, дозволявшихъ дворянамъ обращаться прямо къ государю съ объясненіемъ своихъ пользъ и нуждъ, просили о введеніи другихъ реформъ, тѣсно связанныхъ съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ напримѣръ о дарованіи суда присяжныхъ, объ учрежденіи хозяйственно-распорядительнаго управленія, основаннаго на выборномъ началѣ, объ ограниченіи произвола администраціи и т. п. За всѣ эти адресы, губернскіе предводители дворянства получили выговоры, а Тверской губерніи предводитель дворянства Унковскій былъ смѣщенъ съ должности и сосланъ административнымъ порядкомъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кажется въ Вятскую; въ одно время съ нимъ сосланы были и главные его единомышленники Головачевъ и Европеусъ.

Депутаты губернскихъ комитетовъ были раздѣлены на двѣ очереди или два призыва. Депутаты перваго призыва пріѣхали въ Петербургъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1859 г. и пробыли тамъ до Декабря; послѣ ихъ отъѣзда, пріѣхали депутаты втораго призыва. Не вдаваясь въ описаніе всѣхъ столкновеній, бывшихъ между Редакціонной Коммиссіей и депутатами, изложу въ короткихъ словахъ историческій ходъ дѣла. По пріѣздѣ депутатовъ перваго призыва, они представились министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому, Ростовцеву, князю Орлову и, наконецъ, государю. Затѣмъ они были приглашены въ засѣданіе Редакціонной Коммиссіи, которое началось тѣмъ, что Ростовцевъ прочелъ имъ инструкцію, для нихъ составленную и утвержденную государемъ, изъ которой видно было, что депутаты должны были отвѣчать только на тѣ вопросы, которые будутъ имъ предложены Редакціонной Коммиссіей и отъ нихъ потребуется выраженіе ихъ мнѣній только по примѣненію общихъ началъ къ мѣстнымъ условіямъ, но что участія въ обсужденіи Положенія объ освобожденіи крестьянъ они не будутъ принимать. Такое низведеніе ихъ изъ депутатовъ па степень экспертовъ, имъ конечно не понравилось и показалось обиднымъ. Чтобы уяснить свое положеніе, они написали письмо Ростовцеву, въ которомъ просили доложить государю, что они находятъ весьма полезнымъ для дѣла собираться и обсуживать вмѣстѣ всѣ вопросы, относящіеся до освобожденія крестьянъ, а потому просятъ разрѣшить имъ эти собранія. Государь приказалъ имъ объявить, что они могутъ собираться гдѣ и какъ хотятъ, но собранія эти должны быть частныя, и мнѣнія по вопросамъ Редакціонной Коммиссіи должны быть представляемы каждымъ депутатомъ отдѣльно, но не коллективно. Огорченные той ролью, которая была имъ указана, они приступили къ занятіямъ, и многіе изъ нихъ старались излить свою желчь въ рѣзкости отвѣтовъ, данныхъ ими на вопросы Редакціонной Коммиссіи. Къ 10 Ноября занятія ихъ были окончены, и они получили разрѣшеніе возвратиться къ себѣ. На мѣсто ихъ прибыли депутаты втораго призыва. Въ это время Ростовцевъ заболѣлъ и хотя онъ былъ здороваго организма, но, вслѣдствіе несвоевременнаго вскрытія карбункула, у него сдѣлался антоновъ огонь, и онъ умеръ 6 Февраля 1860 года. Государь постоянно его навѣщалъ во время болѣзни и даже присутствовалъ при его смерти. Говорятъ, что послѣднія слова Ростовцева, обращенныя къ государю, были: «не бойтесь, не бойтесь». Смерть Ростовцева очень обрадовала помѣщичью партію и депутатовъ втораго призыва: явилась надежда повернуть дѣло на сторону помѣщиковъ. Друзья же народа, огорченные потерей лица, преданнаго душой интересамъ крестьянъ, ждали съ нетерпѣніемъ назначенія новаго предсѣдателя Редак-

ціонной Коммиссіи, чтобы судить по этому назначенію о направленіи, которое приметъ крестьянское дѣло. Къ удовольствію помѣщиковъ и къ ужасу членовъ Редакціонной Коммиссіи, назначенъ былъ графъ Панинъ, извѣстный своими крѣпостническими тенденціями. Между нимъ и Ростовцевымъ не было ничего общаго; это были два противоположные полюса во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ чего государь, такъ любившій Ростовцева и даже плакавшій о немъ послѣ его смерти, назначилъ ему преемникомъ Панина,—никто не могъ понять; предполагали, что это была уступка, сдѣланная крѣпостнической партіи.

Изъ депутатовъ втораго призыва, въ Москвѣ, возлагали большія надежды на депутата Пензенской губерніи Горсткина, который, въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ, при всѣхъ, съ увѣренностью говорилъ, что при помощи графа Панина онъ похоронитъ всѣ труды Коммиссіи. На дѣлѣ вышло однакожъ не то. Графъ Панинъ, какъ ловкій царедворецъ и какъ человѣкъ понимавшій то, чего желаетъ Государь, хотя и высказывалъ свои крѣпостническія мнѣнія въ Редакціонной Коммиссіи; но если большинство рѣшало вопросъ несогласно съ его мнѣніемъ, онъ молчалъ и подписывался вмѣстѣ съ большинствомъ. Горсткинъ, въ свою очередь, познакомившись съ членами Редакціонной Коммиссіи, не только не явился ихъ грознымъ опонентомъ, но предлагалъ даже депутатамъ дать обѣдъ членамъ Коммиссіи. Обѣдъ этотъ не состоялся; но былъ данъ обѣдъ Херсонскимъ депутатомъ Касимовымъ, на который были приглашены нѣкоторые члены Коммиссіи, многіе депутаты и лица трудившіяся по крестьянскому вопросу. Обѣдъ этотъ ознаменовался небольшимъ скандаломъ, о которомъ много говорили въ то время въ Петербургѣ и о которомъ узналъ государь. Скандалъ заключался въ слѣдущемъ. На обѣдѣ, въ числѣ приглашенныхъ, былъ членъ Редакціонной Коммиссіи Булгаковъ; о Булгаковѣ знали только, что онъ былъ губернаторомъ въ Калугѣ и, кажется, Тамбовѣ, а за тѣмъ, по ходатайству военнаго министра Сухозанета, сдѣланъ былъ генералъ-провіантмейстеромъ. Каковы были его убѣжденія въ крестьянскомъ дѣлѣ, о томъ никто не говорилъ; но надобно думать, что они были согласны съ взглядами Ростовцева, такъ какъ онъ былъ не только членомъ Редакціонной Коммиссіи, но и въ отсутствіи Ростовцева замѣщалъ его на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Послѣ тостовъ за здоровье членовъ Редакціонной Коммиссіи и за здоровье депутатовъ, депутатъ Калужской губерніи князь А. В. Оболенскій предложилъ тостъ за здоровье всѣхъ трудившихся по крестьянскому вопросу и въ числѣ ихъ назвалъ Кавелина и Унковскаго. Булгаковъ, сидѣвшій недалеко отъ князя Оболенскаго, обратился къ своимъ сосѣдямъ и сказалъ въ пол-

голоса: «Ужъ если пить, то лучше бы начать сначала, съ перваго кто трудился за крестьянъ, съ Пугачева». Узнавъ объ этихъ словахъ Булгакова, государь чрезвычайно разсердился; но Булгаковъ объяснилъ, что, зная Кавелина и Унковскаго за людей неблагонадежныхъ, онъ сравнилъ ихъ съ Пугачевымъ, чтобы заклеймить тостъ, предложенный за ихъ здоровье. Такая ли была мысль Булгакова или иная—сказать трудно; но что фактъ былъ, это—несомнѣнно: мнѣ разсказывалъ о немъ товарищъ мой Хлюстинъ, о которомъ я говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ «*Двенадцать лѣтъ молодости*». Хлюстинъ вскорѣ послѣ Крымской кампаніи вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и, будучи присланъ депутатомъ отъ Орловской губерніи, былъ изъ числа присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ.

Редакціонная Коммиссія окончила свои занятія къ 10 Октября 1860 года. Старанія графа Панина измѣнить главныя основанія положеній, выработанныхъ при Ростовцевѣ, не имѣли успѣха; но онъ не терялъ надежды передѣлать Положеніе въ Главномъ Крестьянскомъ Комитетѣ и на вопросъ, ему предложенный однимъ депутатомъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга: какого можно ждать окончанія крестьянскаго дѣла? онъ отвѣчалъ: «во всякомъ случаѣ не въ томъ видѣ, въ какомъ предложено Редакціонной Коммиссіей». Наконецъ, 11 Октября все дѣло было передано въ Главный Комитетъ. Въ это время предсѣдатель Комитета князь Орловъ былъ разбитъ параличемъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Какъ только объ этомъ узнала великая княгиня Елена Павловна, принимавшая горячее участіе въ освобожденіи крестьянъ, она тотчасъ написала Милютину, пользовавшемуся ея расположеніемъ: Je suis chargée de vous annoncer une bonne nouvelle, secrète encore, c'est que le Grand-Duc Constantin est nommé président du Grand Comité et qu'à son retour, l'Empereur présidera lui-même. Avais-je raison, ce matin, de croire à une Providence spéciale pour la Russie et pour vous tous?» H. 8 Octobre 1860 года (Revue des Deux Mondes, 1888 *).

При разсмотрѣніи въ Главномъ Комитетѣ Положеній, составленныхъ Редакціонной Коммиссіей, за всѣ статьи Положеній стояли предсѣдатель и три члена: Блудовъ Ланской и Чевкинъ; противъ же Положеній, по 29 вопросамъ, мнѣнія членовъ такъ раздѣлились, что четыре голоса

---

*) Мнѣ поручено сообщить вамъ пріятную новость, но еще секретную: предсѣдателемъ Главнаго Комитета назначенъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, а по возвращеніи, Государь самъ будетъ предсѣдательствовать Не права ли я была, думая сегодня утромъ, что есть особое Провидѣніе, покровительствующее Россіи и вамъ всѣмъ? 8 Октября 1860 года.

защитниковъ Положеній являлись большею частію относительнымъ большинствомъ. Наконецъ, послѣ трехъ мѣсячнаго разсмотрѣнія въ Комитетѣ, Положенія поступили въ Государственный Совѣтъ. Въ первомъ засѣданіи предсѣдательствовалъ самъ государь. Въ рѣчи, съ которой его величество обратился къ Совѣту была выражена, между прочимъ, такая мысль: «Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостнаго права. Оно у насъ прежде не существовало; право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть можетъ уничтожить его, а на это есть моя прямая воля». Слѣдующія засѣданія Государственнаго Совѣта были подъ предсѣдательствомъ Блудова; разсмотрѣніе Положеній продолжалось $2^1/_2$ недѣли. Послѣ каждаго засѣданія государю представлялся журналъ, который его величество утверждалъ, большею частію, согласно съ мнѣніемъ меньшинства. Измѣненій въ Положеніяхъ, съ которыми государь согласился, было сдѣлано только два: 1) Уменьшены были въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ maximum и minimum надѣловъ и 2) введенъ былъ даровой надѣлъ.

17 Февраля 1861 года было послѣднее засѣданіе Государственнаго Совѣта, а 19 Февраля государь подписалъ Положенія.

Такимъ образомъ совершилась громадная реформа: пало трехъвѣковое позорное рабство. Слава императора Александра II прогрѣмѣла по всей вселенной; а въ Россіи не было уголка, гдѣ бы крѣпостной людъ не возсылалъ самыя теплыя молитвы ко Всевышнему за своего обожаемаго царя-освободителя.

По подписаніи Государемъ Положеній, нужно было время, чтобы ихъ напечатать; а потому объявленіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ отложено было до 5 Марта. Положенія печатались въ сотняхъ тысячахъ экземплярахъ въ типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи и въ двухъ частныхъ типографіяхъ, которымъ было объявлено, что если черезъ кого либо изъ служащихъ въ народъ проникнетъ слухъ о печатаемыхъ Положеніяхъ, то типографія будетъ закрыта и служащій подвергнется ссылкѣ. Не смотря на такую угрозу, слухъ проникъ въ народъ, въ чемъ я могъ убѣдиться изъ слѣдующаго обстоятельства. У насъ въ домѣ жилъ кавалергардскій офицеръ, который присылалъ мнѣ деньги за квартиру обыкновенно съ своимъ бывшимъ дядькой изъ крѣпостныхъ. Въ концѣ Февраля пришелъ ко мнѣ этотъ дядька съ деньгами и, зная, что я интересуюсь крестьянскимъ дѣломъ, объяснилъ, что Положенія уже печатаются, что у него есть родственникъ-наборщикъ, который далъ ему прочесть даже нѣсколько корректурныхъ листовъ. Я былъ немало удивленъ этимъ извѣ-

стіемъ, такъ какъ ни отъ кого не слыхалъ еще объ окончаніи крестьянскаго дѣла. Случилось и тутъ, какъ всегда бываетъ, что чѣмъ строже секретъ, тѣмъ скорѣе онъ проникаетъ въ ту среду, отъ которой хотятъ сохранить тайну. Двухъ дворниковъ, какъ я слышалъ, высѣкли даже въ полиціи за то, что они говорили въ трактирѣ о подписанной государемъ волѣ и, странное стеченіе обстоятельствъ, ихъ высѣкли въ тотъ самый день, когда манифестъ былъ объявленъ.

5 Марта, въ Воскресенье, послѣдній день масляницы, я пошелъ къ обѣднѣ въ Сергіевскій Соборъ, чтобы услышать чтеніе манифеста и посмотрѣть, какое онъ произведетъ впечатлѣніе. Манифестъ написалъ, какъ говорили, Московскій митрополитъ Филаретъ; слогъ его былъ тяжелъ и мало понятенъ для простаго народа; читалъ манифестъ протоіерей Духовской весьма невнятно. Когда окончилось чтеніе и всѣ стали выходить изъ церкви, я замѣтилъ на всѣхъ лицахъ какое-то недоумѣніе, въ родѣ вопросительнаго знака. Сначала шли молча, но выйдя на улицу въ разныхъ мѣстахъ составились кучки человѣкъ по 5 или 6, и начались оживленные разговоры........ Въ 2 часа я поѣхалъ на Царицынъ лугъ, гдѣ было народное гулянье; плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики ура! Государь ѣхалъ съ развода; по мѣрѣ того какъ онъ приближался, крики ура! становились громче и громче; наконецъ, когда государь подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое ура! отъ котораго, казалось, земля затряслась. Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего царя-свободителя. Я счастливъ, что мнѣ пришлось въ моей жизни видѣть этотъ народный энтузіазмъ, не поддающійся описанію!

VI.

По рѣшеніи крестьянскаго вопроса, служба моя въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ дѣлалась безцѣльною; карьера быть чиновникомъ, хотя бы и вицъ-губернаторомъ, меня нисколько не прельщала, я сталъ думать какъ бы снова вернуться на службу въ артилерію. Въ это время вмѣсто Ланскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Валуевъ. О происшедшей перемѣнѣ министровъ я узналъ изъ газетъ, живя съ семействомъ въ Гапсалѣ. Вскорѣ по назначеніи Валуева министромъ, я получилъ предписаніе явиться къ нему по дѣламъ службы. Не понимая, зачѣмъ я ему понадобился, я тотчасъ же пріѣхалъ изъ Гапсаля. Валуевъ принялъ меня очень любезно. «Я очень радъ», сказалъ онъ, «что вы состоите при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Я хочу дать вамъ командировку; но прежде всего я прошу васъ быть со мной откровеннымъ и сказать мнѣ, дозволяютъ ли вамъ ваши домашнія обстоятельства уѣхать на нѣкоторое время изъ Петербурга? Я вамъ предлагаю этотъ вопросъ, потому что твердо убѣжденъ, что дѣятельность подчиненнаго можетъ быть полезна только тогда, когда онъ вноситъ въ нее желаніе и добрую волю, а не дѣйствуетъ по принужденію.» Слова Валуева меня крайне удивили; я говорилъ уже, съ какимъ трудомъ давались командировки лицамъ, состоявшимъ при министерствѣ; мнѣ же предлагаетъ дать порученіе, о которомъ я не просилъ и не хлопоталъ, самъ министръ и не говоритъ, какое это порученіе. Конечно, я былъ бы очень доволенъ взять командировку, соотвѣтственно моей склонности и въ не отдаленной мѣстности отъ Петербурга, но ѣхать куда нибудь въ Сибирь для производства какого нибудь скандальнаго слѣдствія—я вовсе не желалъ; спросить же у министра куда и зачѣмъ онъ хочетъ меня послать, мнѣ казалось неловкимъ. А потому я рѣшился узнать прежде черезъ брата моей жены, состоявшаго

при немъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, какая командировка мнѣ предстоитъ и тогда уже дать ему отвѣтъ. «Если ваше высокопревосходительство дозволяете мнѣ быть откровеннымъ», сказалъ я, «то въ виду того, что моя жена лѣчится въ Гапсалѣ и должна на дняхъ вернуться въ Петербургъ, я желалъ бы прежде ее повидать и тогда дать отвѣтъ». «Хорошо», сказалъ онъ, «я согласенъ отсрочить вамъ отвѣтъ, но опредѣлите срокъ». «Черезъ недѣлю», отвѣчалъ я, и затѣмъ, прощаясь со мной, онъ прибавилъ: «и такъ, черезъ недѣлю пріѣзжайте ко мнѣ на дачу въ 7 часовъ вечера». Въ теченіе этой недѣли я узналъ слѣдующее. Въ то время начались уже волненія въ Царствѣ Польскомъ, которыя отразились и въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Литвы явились Польскіе революціонеры, пропагандировавшіе возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года и увлекавшіе Польскую шляхту къ возстанію. Губернаторы не знали, что̀ дѣлать: одни ограничивались только донесеніями, а другіе принимали мѣры, которыя Министерству Внутреннихъ Дѣлъ не нравились. Въ такомъ положеніи дѣлъ, Валуевъ рѣшилъ послать въ Западныя губерніи своихъ чиновниковъ, преимущественно военныхъ, съ тѣмъ, чтобы они, состоя при губернаторахъ, доносили ему о всемъ, что̀ дѣлается въ губерніяхъ и о всѣхъ распоряженіяхъ губернаторовъ, то есть, другими словами, чтобы они были въ родѣ министерскихъ шпіоновъ надъ дѣйствіями губернаторовъ. Такого рода командировку мнѣ хотѣли дать въ Гродненскую губернію. Я рѣшился отъ нея отказаться. Получивъ въ то время извѣстіе о безнадежной болѣзни моей матери, я поѣхалъ къ Валуеву и объяснилъ ему, что мнѣ необходимо ѣхать въ Москву къ умирающей матери, а потому просилъ отъ командировки меня освободить и дать мнѣ отпускъ на 28 дней. Валуевъ отпускъ мнѣ разрѣшилъ, но сказалъ, что время командировки терпитъ, что онъ подождетъ моего возвращенія и тогда онъ надѣется, что я отъ нея не откажусь. Уѣхавъ тотчасъ въ Москву, я узналъ передъ отъѣздомъ, что открывается вакансія на должность состоящаго по особымъ порученіямъ штабъ-офицера при Артилерійскомъ Департаментѣ. Желая занять эту должность, я просилъ директора департамента генералъ-адъютанта Лутковскаго зачислить меня на открывающуюся вакансію и получилъ его согласіе.

Умерла черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Москву мать моя. Послѣ нея я получилъ въ наслѣдство имѣніе ея, состоящее въ Мещовскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ которое рѣшился немедленно отправиться, чтобы вступить во владѣніе и, если срокъ отпуска дозволитъ, то составить съ крестьянами уставную грамоту. Это было

въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1861 года, то есть черезъ полгода по объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Въ Калугѣ губернаторомъ въ то время былъ Арцымовичъ. По пріѣздѣ въ Калугу, я заѣхалъ къ одной моей знакомой М. В. Толстой, которая наговорила мнѣ ужасы про дѣятельность Арцымовича и мировыхъ посредниковъ; по словамъ ея, помѣщики такъ угнетаются администраціей, что не только ихъ имущество, но даже и жизнь находятся не въ безопасности; крестьяне же дѣлаютъ, что хотятъ, будучи поддержаны въ своихъ антипомѣщичьихъ дѣйствіяхъ мировыми посредниками. Она думала, что я напрасно хочу вступить въ переговоры съ крестьянами, такъ какъ не добьюсь никакихъ результатовъ; между ними распространено мнѣніе, которое посредники не стараются опровергнуть, что вся земля ихъ и что они имѣютъ даже право выгнать помѣщиковъ изъ усадебъ. Не смотря на всѣ разсказанные ужасы, которые произвели на меня тяжелое впечатлѣніе, я нанялъ землемѣра и поѣхалъ съ нимъ въ имѣніе. Оказалось совершенно противное тому, чтò мнѣ пророчили: въ теченіе одной недѣли, я не только перевелъ крестьянъ съ барщины на оброкъ и сдѣлалъ разверстаніе угодій, но и составилъ по обоюдному съ крестьянами соглашенію двѣ уставныя грамоты въ селѣ Башутинѣ и въ сельцѣ Ширяевѣ: это были первыя уставныя грамоты въ Калужской губерніи. Могутъ предположить, что я сдѣлалъ много уступокъ крестьянамъ, но этого положительно не было; я уступилъ, сколько я помню, всего полдесятины луга крестьянамъ села Башутина, на которую они не имѣли права на основаніи Положеній 19-го Февраля. Вообще я убѣдился, что посредники дѣйствовали и законно, и энергично, и если помѣщики были противъ нихъ возстановлены, то единственно потому, что всѣ они твердо стояли на почвѣ Положеній 19 Февраля.

Съ однимъ изъ посредниковъ Лихвинскаго уѣзда, Николаемъ Павловичемъ Щепкинымъ, котораго въ особенности не любили помѣщики, я познакомился при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По окончаніи дѣла съ крестьянами села Башутина и сельца Ширяева, я поѣхалъ въ имѣніе моей сестры Лихвинскаго уѣзда, желая и тамъ вступить въ соглашеніе съ крестьянами и составить уставную грамоту; но имѣніе это было въ исключительныхъ условіяхъ: крестьяне владѣли землей въ количествѣ, значительно превышавшемъ высшій надѣлъ, и платили сравнительно-небольшой оброкъ; по Положенію 19-го Февраля, моя сестра имѣла право отрѣзать у нихъ $^1/_3$ находившейся въ ихъ пользованіи земли, причемъ оброкъ ихъ долженъ былъ уменьшиться на ничтожную цифру, вслѣдствіе чего положеніе ихъ, сравнительно съ прежнимъ, должно было ухудшиться, а не улучшиться. Ожидая встрѣтить съ ихъ сто-

роны сильную опозицію вслѣдствіе незнанія ими ихъ правъ на землю, мы рѣшились съ сестрой заѣхать къ посреднику Щепкину, очень уважаемому крестьянами, и просили его присутствовать при нашихъ переговорахъ съ крестьянами и объяснить имъ статьи Положенія 19-го Февраля, до нихъ относящіяся. Когда мы пріѣхали къ Щепкину, котораго ни я, ни сестра не только не знали, но никогда не видали, мы застали у него много гостей: были крестины его ребенка. Не смотря на свой семейный праздникъ, онъ тотчасъ съ нами поѣхалъ и два дня прожилъ въ имѣніи сестры, уговаривая крестьянъ согласиться на весьма выгодныя для нихъ условія, предложенныя сестрой. Видя его энергію и вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ исполненію своихъ обязанностей, я не могъ понять, какимъ образомъ онъ могъ вооружить противъ себя одного помѣщика до такой степени, что тотъ пріѣхалъ къ нему съ револьверомъ. Щепкинъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ заключалось это дѣло. На основаніи Положеній 19-го Февраля, дворовые люди должны были оставаться въ услуженіи своихъ господъ два года, считая со дня манифеста; крестьяне же, исполнявшіе домашнюю службу у помѣщиковъ, имѣли право тотчасъ же ихъ оставить, еслибы пожелали. У жены, или какой-то родственницы, помѣщика, пріѣхавшаго съ револьверомъ, былъ кучеръ изъ крестьянъ, просившій помѣщицу отпустить его; но помѣщица не согласилась, и тогда онъ обратился съ жалобой къ Щепкину, который, на основаніи Положеній не могъ его не уволить; это-то увольненіе и было причиной озлобленія помѣщика. Я познакомился также и съ другимъ посредникомъ Перемышльскаго уѣзда Рихтеромъ, одинаково нелюбимымъ помѣщиками, котораго я видѣлъ два раза у Тинькова, бывшаго директора Орловскаго кадетскаго корпуса. Изъ разговора съ Рихтеромъ я убѣдился, что нападки помѣщиковъ на посредниковъ имѣли туже подкладку, какъ нападки членовъ крестьянскаго комитета на членовъ Редакціонной Комиссіи. Наконецъ, борьба помѣщиковъ съ посредниками такъ обострилась, что Калужскій губернскій предводитель дворянства Щукинъ лично принесъ жалобу государю на Арцимовича и хотя, по произведенной ревизіи, ни одинъ изъ пунктовъ жалобы не оправдался, тѣмъ не менѣе Арцимовичъ получилъ другое назначеніе. Было ли это уступкой помѣщичьей партіи, или желаніемъ расширить кругъ дѣятельности Арцимовича, обладавшаго недюжинными административными способностями—я не знаю; вѣрно только то, что, при введеніи Положенія 19-го Февраля въ Калужской губерніи не было ни одного безпорядка между крестьянами, въ другихъ же губерніяхъ они были.

По возвращеніи моемъ изъ отпуска въ Петербургъ, приказъ о назначеніи меня по особымъ порученіямъ при Артилерійскомъ Депар-

таментѣ уже состоялся; я не поѣхалъ откланяться Валуеву, но слышалъ, что онъ обвинялъ меня въ неоткровенности съ нимъ.

Вступивъ въ мою новую должность, я имѣлъ много порученій; опишу одно изъ нихъ, чтобы охарактеризовать взяточническое направленіе того времени. Въ предписаніи ко мнѣ директора Артилерійскаго Департамента отъ 16-го Октября 1862 года за № 12953 сказано было слѣдующее: «По Высочайше утвержденному 2-го Сентября сего года положенію Военнаго Совѣта проданы купцу Фронштейну старыя ружья изъ разныхъ атилерійскихъ складовъ, въ томъ числѣ и изъ С.-Петербургскаго Арсенала, съ тѣмъ, чтобы эти ружья вывезены были изъ предѣловъ Россіи для продажи внѣ Европы за океаномъ. На этомъ основаніи Фронштейну отпущено за деньги изъ С.-Петербургскаго Арсенала до 57.680 экз. ружей, которыя нагружены имъ у Арсенала въ кронверкѣ на два судна для подвоза къ идущему въ море пароходу, который принимать будетъ грузъ на Василеостровской пристани противъ 10-й линіи, или въ Кронштатѣ, смотря по состоянію воды. Для удостовѣренія въ точномъ исполненіи условій контракта относительно вывоза ружей изъ предѣловъ Россіи, Артилерійскій Департаментъ, по приказанію военнаго министра, предлагаетъ вамъ наблюсти за погрузкою въ С.-Петербургѣ или Кронштатѣ на мореходное судно отправляемаго отсюда за границу Фронштейномъ оружія и представить вѣдомость количеству тюковъ съ показаніемъ: сколько въ каждомъ уложено ружей и числа ящиковъ съ принадлежностями». Для исполненія мнѣ предписаннаго, я долженъ былъ ѣхать въ Кронштатъ и находился все время при перегрузкѣ проданныхъ ружей на три мореходные парохода, которые при мнѣ вышли въ море. Перегрузкой распоряжался какой-то прикащикъ Фронштейна, который по отплытіи пароходовъ подошелъ ко мнѣ и, подавая мнѣ сторублевую бумажку, объяснилъ, что хозяинъ проситъ меня принять эту благодарность за мои хлопоты и въ возмѣщеніе моихъ расходовъ по поѣздкѣ въ Кронштатъ. Я нисколько не разсердился, бумажки не взялъ, но просилъ его сказать мнѣ откровенно, за что̀ онъ предлагаетъ мнѣ взятку? Моя обязанность заключалась только въ томъ, чтобы всѣ принятыя въ Арсеналѣ ружья были нагружены на мореходные пароходы и чтобы пароходы эти вышли въ море. Хозяинъ его исполнилъ эти условія въ точности; слѣдовательно, если бы я хотѣлъ даже, то не могъ бы ни въ чемъ его притѣснить. Какой же смыслъ имѣетъ предлагаемая имъ взятка? Видя мое равнодушіе и насмѣшливый тонъ, онъ очень сконфузился и заикаясь отвѣчалъ: «Какже-съ намъ не благодарить, отъ того мы и назначили мало, что въ точности исполнили контрактъ...» и затѣмъ мнѣ показалось, что онъ лѣзетъ въ карманъ, вѣроятно, за другой сторуб-

левкой. Тутъ я разсердился, крикнулъ на него и уѣхалъ *). Было и еще порученіе по исполненіи котораго мнѣ предлагали взятку, но не денежную, а въ видѣ завтрака съ Шампанскимъ. Я конечно отказался и уѣхалъ; но архитекторъ, которому было поручено вмѣстѣ со мной осмотрѣть строительные матеріалы, остался на завтракѣ. Сознаюсь откровенно, что служба при такихъ условіяхъ въ Артиллерійскомъ Департаментѣ, завѣдывавшемъ хозяйственной частью артиллеріи, мнѣ не нравилась. Чтобы нравственно отдохнуть, а также вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія моей жены, которой доктора совѣтовали Карлсбадскія и Франценбадскія минеральныя воды, я рѣшился поѣхать за границу. На тѣ же самыя воды и почти одновременно съ нами поѣхали помощникъ Баранцева генералъ-маіоръ Якимахъ, больной старикъ и отличный человѣкъ, и генералъ-адъютантъ Ефимовичъ, инспекторъ пороховыхъ заводовъ.

Съ Якимахомъ въ Карлсбадѣ и Франценбадѣ разыгрался престранный романъ. Одинъ изъ товарищей Якимаха генералъ-маіоръ К., управлявшій однимъ изъ пороховыхъ заводовъ, умеръ; вдова его, молодая, красивая и очень бойкая особа, должна была послѣ смерти мужа сдавать заводъ, что̀, въ то время, было дѣло не легкое, требовавшее значительной приплаты денегъ. Якимахъ, какъ товарищъ ея покойнаго мужа, принялъ въ ней участіе и какъ помощникъ Баранцева успѣлъ ей помочь сдать заводъ безъ приплаты. Она была такъ благодарна, что предложила Якимаху сопровождать его за границу и быть при немъ сестрой милосердія; но онъ на отрѣзъ ей отказалъ и, не зная иностранныхъ языковъ, взялъ съ собой Русскаго Нѣмца, который исполнялъ при немъ обязанности лакея и вмѣстѣ съ тѣмъ переводчика. Не смотря однакожъ на̀ отказъ Якимаха, г-жа К.... поѣхала въ Карлсбадъ, остановилась съ нимъ въ одной гостинницѣ и преслѣдовала его своимъ вниманіемъ и своей любезностью до того, что Якимахъ не имѣлъ

---

*) Въ комиссаріатскомъ и провіантскомъ вѣдомствахъ безъ взятки нельзя было шага сдѣлать; отъ этого, въ особенности, страдали лица, сдававшія въ эти вѣдомства какое либо воинское имущество. Казначей гвардейской конной артиллеріи князь В. Б. Волконскій разсказывалъ мнѣ, что, по расформированіи гвардейской запасной конной батареи, ему пришлось сдавать нѣкоторое ея имущество въ комиссаріатскую коммиссію. Зная, что безъ взятки оно не будетъ принято, онъ поторговался съ пріемщикомъ, условился въ цифрѣ взятки и, разорвавъ кредитные билеты пополамъ, далъ ему условленную сумму половинками разорванныхъ билетовъ, а другія половинки обѣщалъ отдать по полученіи квитанціи. Князь Волконскій находилъ этотъ способъ обезпеченія въ исполненіи договореннаго условія наилучшимъ, такъ какъ половинки кредитныхъ билетовъ, находясь въ рукахъ разныхъ лицъ, не имѣли никакой стоимости, онѣ получали значеніе денежныхъ знаковъ только по переходѣ въ руки одного лица; слѣдовательно ни сдававшему, ни принимавшему не было никакого интереса нарушать условіе.

ни одной минуты покоя отъ нея. Едва онъ выходилъ изъ гостинницы гулять, К... уже ждала его и шла съ нимъ, куда бы онъ ни пошелъ; возвращался ли онъ въ свой номеръ, она являлась къ нему и всячески за нимъ ухаживала. Нерѣдко она входила къ нему въ комнату, не постучавшись въ дверь и не спросивъ, можетъ ли онъ ее принять. Помню былъ такой случай: Якимахъ, вслѣдствіе сильной жары, хотѣлъ перемѣнить бѣлье и въ то время, когда онъ былъ въ костюмѣ Адама, къ нему вошла К.... Конечно она сконфузилась, но тѣмъ не менѣе продолжала его посѣщать по прежнему.

Встрѣчая Якимаха постоянно съ К., я невольно подумалъ, что старый холостякъ ухаживаетъ за хорошенькой вдовой и что безъ свадьбы не обойдется. Я также былъ съ ней знакомъ еще при жизни ея мужа и даже пользовался ея расположеніемъ. Въ одинъ прекрасный день, мнѣ приносятъ отъ нея раздушенную записку, въ которой она, напоминая наше старое знакомство, проситъ ей помочь въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастіе двухъ лицъ, а съ однимъ изъ этихъ лицъ я нахожусь въ дружескихъ отношеніяхъ. Для переговоровъ объ этомъ она приглашаетъ меня тотчасъ же къ ней придти. Я конечно пошелъ. «Я васъ просила къ себѣ», сказала она, «потому что знаю ваше доброе сердце и вашу готовность помочь каждому къ вамъ обращающемуся; я увѣрена, что вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ.» Послѣ этого предисловія, она мнѣ разсказала слѣдующее. Когда умеръ ея мужъ, она обратилась къ Якимаху, который оказалъ ей большія услуги; но она поняла, что дѣйствія Якимаха были не безкорыстны, что онъ заботился о ней потому, что любовь запала въ его сердце, и дѣйствительно, не прошло полугода, какъ онъ просилъ ея руки, но потеря мужа была еще такъ свѣжа въ ея памяти, что она не рѣшилась отвѣчать согласіемъ на его предложеніе. Послѣ этого прошелъ годъ, сердце ея успокоилось, она поняла, что она не можетъ быть несчастлива, имѣя мужемъ такого прекраснаго человѣка, какъ Якимахъ; въ ней зародилась къ нему симпатія, и она рѣшилась сама предложить ему свою руку; но Якимахъ, оскорбленный ея первымъ отказомъ, теперь отказывается отъ нея. «Я вижу», сказала она, «какъ онъ страдаетъ отъ этой борьбы любви съ самолюбіемъ, но сдѣлать ничего не могу; вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, постарайтесь его убѣдить, что я его люблю и съумѣю сдѣлать его счастливымъ; устройте нашу свадьбу, и я буду вѣкъ вамъ благодарна». Я обѣщалъ ей тотчасъ же отправиться къ Якимаху и заранѣе поздравилъ ее невѣстой, такъ какъ былъ увѣренъ, что чувство любви не можетъ не взять верхъ надъ самолюбіемъ. Но едва я передалъ Якимаху все мной слышанное

отъ К...., съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ нервнаго припадка. «Никогда я не думалъ дѣлать ей предложенія. Я слишкомъ старъ, чтобы жениться», сказалъ онъ въ волненіи; «она и въ Петербургѣ, и за границей до такой степени надоѣдаетъ мнѣ своею любовью, что лѣченіе идетъ не въ прокъ. Передайте ей», прибавилъ онъ, «что если она меня дѣйствительно любитъ, то пусть она уѣдетъ отсюда и дастъ мнѣ возможность лѣчиться; если же она не уѣдетъ, то я уѣду». Пораженный этимъ отвѣтомъ Якимаха, я передалъ его въ смягченной формѣ К....ой. «Вотъ видите», сказала она, «до чего этотъ человѣкъ самолюбивъ; онъ не хочетъ даже сознаться, что онъ дѣлалъ мнѣ предложеніе; но я его люблю и знаю мой долгъ; онъ можетъ говорить что̀ хочетъ, но я его не оставлю одного, на попеченіи лакея». Черезъ два дня послѣ этого, мы уѣхали съ Якимахомъ въ Франценбадъ; онъ былъ очень счастливъ, что избавился отъ К....; но не прошло трехъ дней, какъ К.... явилась въ Францепбадъ и наняла квартиру рядомъ съ домомъ, гдѣ онъ жилъ. Возобновивъ свои преслѣдованія, она довела старика до того, что онъ заболѣлъ разстройствомъ нервъ, пересталъ ходить въ паркъ, чтобы съ ней не встрѣчаться и не велѣлъ лакею пускать ее къ себѣ. Якимаха лѣчилъ докторъ Мейсль, который бывалъ и у К.... Разсказавъ доктору туже исторію, какъ и мнѣ, она просила его подѣйствовать на Якимаха своимъ докторскимъ вліяніемъ, увѣривъ его, что женитьба будетъ для него наилучшимъ лѣкарствомъ. При первыхъ словахъ доктора, Якимахъ такъ взволновался, что просилъ его прекратить разговоръ о К...., о которой онъ не хотѣлъ ничего слышать. Мейсль лѣчилъ также мою жену; разсказывая намъ о странной настойчивости К...., онъ удивлялся, какимъ образомъ она могла влюбиться въ больнаго старика. По моему же мнѣнію, въ ней не было ни малѣйшей привязанности къ Якимаху; она дѣйствовала по одному разсчету: зная, что Якимахъ имѣетъ хорошее состояніе и что онъ не долговѣченъ, она думала выходомъ за него замужъ поправить свои дѣла, которыя были совершенно разстроены. Неуспѣхъ доктора не остановилъ ея преслѣдованій; она отыскала какого-то ксендза, который согласился обвѣнчать ее съ Якимахомъ по католическому обряду, въ виду того, что въ Франценбадѣ не было православнаго священника. По просьбѣ ея ксендзъ отправился съ этимъ предложеніемъ къ Якимаху. Тутъ переполнилась чаша страданій бѣднаго старика: онъ уѣхалъ въ тотъ же день изъ Франценбада и чтобы скрыть отъ К.... направленіе, которое онъ принялъ, онъ поѣхалъ въ противоположную сторону. Впослѣдствіи мы встрѣтились съ нимъ въ Висбаденѣ въ Русской церкви; онъ говорилъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что наконецъ-то избавился отъ К....; но каково было наше удивленіе, когда, въ концѣ обѣдни, въ церковь вошла К..... Увидѣвъ

Якимаха, она подошла къ нему съ особенной развязностью и выражала удовольствіе, что наконецъ-то его нашла. Якимахъ вышелъ изъ церкви и когда я заѣхалъ къ нему послѣ обѣдни въ гостинницу, мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ на желѣзную дорогу. Послѣ этого мы не встрѣчались болѣе за границей, ни съ Якимахомъ, ни съ К....; но по возвращеніи въ Петербургъ, Якимахъ мнѣ разсказалъ конецъ его исторіи съ К.... Она вернулась въ Петербургъ ранѣе его возвращенія изъ за границы и, отправившись къ Баранцеву, объявила, что Якимахъ на ней женится и поручилъ ей устроить казенную квартиру, которую онъ занимаетъ, для ихъ будущей семейной жизни, а потому просила Баранцева приказать отдать ей ключи отъ квартиры. Баранцевъ конечно исполнилъ бы ея просьбу, если бы вернувшійся изъ за границы Ефимовичъ не разсказалъ ему о всѣхъ похожденіяхъ К.... Баранцевъ ей отвѣчалъ, что безъ письменнаго разрѣшенія Якимаха, она ключей получить не можетъ. Наконецъ возвратился и Якимахъ; первымъ его приказаніемъ денщику было не пускать къ нему К....; но она имѣла нахальство вступить въ драку съ деньщикомъ и ворвалась насильно къ Якимаху въ кабинетъ. Тутъ Якимахъ уже не поцеремонился, велѣлъ вѣстовымъ вывесть ее за дверь и объявилъ, что, если она еще разъ вернется, то онъ пошлетъ за полиціей и будетъ просить посадить ее въ сумашедшій домъ. Что̀ стало съ ней послѣ этого, я не знаю; былъ слухъ, что, имѣя хорошій голосъ, она ѣздила по губернскимъ городамъ и давала концерты *).

Въ эту поѣздку за границу мы выѣхали съ женой изъ Петербурга въ Іюнѣ мѣсяцѣ, когда Польское возстаніе было въ полномъ разгарѣ и когда появились банды въ нашихъ Литовскихъ губерніяхъ. Отъ Петербурга до Вильны мы доѣхали спокойно; но отъ Вильны со всѣми поѣздами отправляли караулы солдатъ съ заряженными ружьями въ отдѣльныхъ открытыхъ вагонахъ, а ночью по сторонамъ дороги горѣли костры, стояли часовые и ходили патрули; мѣры эти принимались для отраженія Польскихъ бандъ, которыя иногда нападали на поѣзда́. По пріѣздѣ нашемъ въ Вильну, разсказывали, что поѣздъ, шедшій изъ Варшавы, имѣлъ перестрѣлку съ повстанцами. Такое путешествіе имѣло для меня интересъ, но жена моя ужасно боялась и всю ночь не могла заснуть. На одной изъ станцій я видѣлъ небольшой отрядъ пѣхоты, который, преслѣдуя банду, разбилъ ее и только что вернулся изъ своей экспедиціи; у нѣкоторыхъ солдатъ въ рукахъ были

---

*) Живя это лѣто въ деревнѣ въ Харьковской губерніи, я случайно встрѣтилъ одного знакомаго К....ой, который мнѣ сказалъ, что она находится въ сумашедшемъ домѣ.

отбитыя ими косы, а на головѣ одного солдатика красовалась конфедератка, возбуждавшая общее любопытство и смѣхъ. Желая разсмотрѣть хорошенько косу (оружіе повстанцевъ, о которомъ немало писали иностранные журналы), я взялъ ее изъ рукъ одного солдата; она была довольно тяжела и вовсе не похожа на обыкновенную косу: это былъ толстый, продолговатый кусокъ желѣза, нѣсколько отточенный съ одной стороны и насаженый на деревянную рукоятку подъ очень тупымъ угломъ; при такой формѣ оружія было довольно трудно наносить имъ удары противнику.

Переѣхавъ границу въ Вержболовѣ, мы пересѣли на Прусскій поѣздъ въ Эйдкуненѣ; таможенный осмотръ продолжался не болѣе четверти часа: насъ просили открыть чемоданы, но вовсе ихъ не осматривали. Мы заняли отдѣленіе вагона, состоявшее изъ 8 мѣстъ; въ тоже отдѣленіе сѣли трое: какой-то учитель Французскаго языка изъ Петербурга, его жена и сынъ. Черезъ нѣсколько станцій къ намъ вошелъ ксендзъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ; сначала онъ занялъ мѣсто рядомъ съ женой Французскаго учителя; но, увидавъ мою военную шинель, которую я надѣлъ на штатское платье (такъ какъ было довольно холодно), онъ быстро пересѣлъ ко мнѣ и обратился съ какимъ-то вопросомъ на Польскомъ языкѣ. Жена моя, сидѣвшая противъ меня, зная ненависть Поляковъ къ Русскимъ офицерамъ, заподозрила его въ какомъ-нибудь дурномъ намѣреніи и со страхомъ на него смотрѣла. Я отвѣчалъ ему по-французски, что я не знаю Польскаго языка; тогда онъ сталъ разсказывать по-нѣмецки что-то о Варшавѣ, въ которой онъ жилъ долгое время и о Русскихъ офицерахъ, съ которыми былъ знако́мъ. Жена, слѣдившая за нимъ все время, замѣтила, что онъ во время разсказа порывисто опустилъ руку въ боковой карманъ, вынулъ оттуда что-то и поднесъ ко мнѣ. Убѣжденная, что это былъ револьверъ, она вскрикнула и вскочила съ своего мѣста; Француженка, не зная въ чемъ дѣло, тоже закричала; а учитель и сынъ его, удивленно посматривая на всѣхъ, встали, чтобы оказать помощь, но кому и въ чемъ—не знали. Сцена вышла очень комичная. Оказалось, что ксендзъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ любезность: онъ вынулъ изъ кармана табатерку и предложилъ мнѣ понюхать изъ нея. Во время этого переполоха поѣздъ подошелъ къ станціи; жена заявила оберъ-кондуктору, что у насъ сидитъ пьяный ксендзъ; его взяли въ другой вагонъ, а къ намъ посадили какого-то очень порядочнаго молодаго человѣка, съ которымъ я вскорѣ разговорился: это былъ Познанскій помѣщикъ, владѣвшій имѣніемъ на границѣ съ Россіей. Онъ разсказывалъ, что Польскій народный ржондъ, засѣдающій въ Варшавѣ,

обложилъ налогомъ всѣхъ Познанскихъ помѣщиковъ и посылаетъ своихъ агентовъ для сбора его; помѣщики не рѣшаются отказывать въ платежѣ, такъ какъ былъ случай, что одинъ помѣщикъ, не заплатившій налога и арестовавшій агента, былъ найденъ въ полѣ убитымъ съ плакатомъ на груди, на которомъ было написано «*измѣнникъ*». По его словамъ Польское возстаніе въ Россіи пользуется въ Познани сочувствіемъ только одной шляхты; помѣщики же и крестьяне не только относятся къ нему холодно, но даже тяготятся имъ и очень радуются, когда Прусскія войска обезоруживаютъ повстанцевъ, переходящихъ изъ Россіи въ Прусскія владѣнія. Польша, прибавилъ онъ, должна искать свое спасеніе не въ физической, а въ нравственной силѣ, передъ которой безсильны штыки; Россія можетъ быть и готова была бы возстановить Варшавское герцогство, но ей не дозволятъ этого сдѣлать Австрія и Пруссія; бороться же съ тремя сильнѣйшими военными государствами въ мірѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, Польша, конечно, не можетъ; но подчинить ихъ своему нравственному вліянію, при ея народномъ геніѣ, для нея не только возможно, но составляетъ не болѣе какъ вопросъ времени. Согласиться съ такимъ высокимъ мнѣніемъ о Польшѣ Польскаго помѣщика конечно нельзя было; по крайней мѣрѣ исторія Польши его не подтверждаетъ.

Во Франкфутъ на Одерѣ мы пріѣхали вечеромъ. Чтобы можно было ночью спокойно заснуть, я просилъ кондуктора помѣстить меня съ женой въ отдѣльный купе, что̀ тотъ и исполнилъ, получивъ за это талеръ. Подъ утро, когда мы спали самымъ сладкимъ сномъ, мы почувствовали такой толчекъ, отъ котораго я чуть не свалился съ дивана; послѣ толчка поѣздъ уменьшилъ ходъ и вскорѣ остановился. Оказалось, что какая-то веселая компанія Нѣмцевъ возвращалась съ увеселительной прогулки въ большой фурѣ; всѣ дремали; дорога, по которой они ѣхали, пересѣкала рельсовый путь; шлагбаумъ не былъ опущенъ и въ то время когда они въѣхали на полотно дороги, на нихъ наскочилъ нашъ поѣздъ, разбилъ въ дребезги фуру и разбросалъ людей. Кондукторъ мнѣ сказалъ, что убитыхъ было пять человѣкъ; но, по пріѣздѣ нашемъ въ Берлинъ, тотъ же самый кондукторъ, разсказывая при мнѣ какому-то желѣзнодорожному служащему объ этомъ случаѣ, увѣрялъ, что убито было 10 человѣкъ, между тѣмъ какъ фура была запряжена въ одну лошадь и едва ли въ ней могло помѣститься болѣе шести человѣкъ. Видно, стремленіе преувеличивать кроется въ человѣческой натурѣ независимо отъ національности. Нѣмецъ, какъ Русскій, Французъ, какъ Англичанинъ,—всѣ способны говорить неправду, не ради какой либо цѣли, а такъ... чтобы произвести, вѣро-

ятно, болѣе сильное впечатлѣніе на слушающаго. На другой день, въ Берлинскихъ газетахъ было напечатано, что убитъ былъ одинъ человѣкъ, а двое получили увѣчья, лошадь же осталась цѣла.

Въ Берлинѣ мы пробыли три дня. Здѣсь я встрѣтилъ Ольгу С..., о которой говорилъ въ моихъ Воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ: «*Двѣнадцать лѣтъ молодости*». Она мнѣ сказала, что окончательно разошлась съ своимъ мужемъ и просила, по возвращеніи въ Россію, взять въ мое завѣдываніе ея имѣніе Ярославской губерніи и, если можно, то его продать. Я обѣщалъ исполнить ея просьбу.

Изъ Берлина мы отправились въ Карлсбадъ, гдѣ были уже Якимахъ и г-жа К... Выше я описалъ исторію, которая между ними разыгралась. Въ бытность нашу въ Карлсбадѣ, туда пріѣхалъ Прусскій король (впослѣдствіи Германскій императоръ) Вильгельмъ I-й съ своимъ министромъ Бисмаркомъ. Помню, что, на другой день послѣ ихъ пріѣзда, мы пошли съ женой, какъ дѣлали это каждый день, пить утренній чай въ Hôtel de Saxe и сѣли за столикъ въ паркѣ противъ этого ресторана; публики было немного. Видимъ мы, что идутъ два очень высокіе ростомъ господина, одинъ сѣдой съ военной осанкой, въ круглой черной шляпѣ, а другой въ сѣрой шляпѣ; проходя мимо насъ, сѣдой господинъ очень вѣжливо приподнялъ шляпу и намъ поклонился, а его спутникъ, не кланяясь, бросилъ на меня строгій взглядъ; на поклонъ я отвѣчалъ, конечно, поклономъ и увидалъ, что всѣ пившіе чай и кофе, при приближеніи ихъ, вставали и снимали шляпы; это были король Вильгельмъ I-й и Бисмаркъ, которыхъ до этого времени я никогда не видалъ.

Въ Карлсбадъ съѣхалось очень много Поляковъ, и нашъ Французскій посланникъ герцогъ Грамонъ, который почти ежедневно сходился съ Поляками въ одномъ ресторанѣ въ горахъ и велъ разговоры о дипломатическомъ заступничествѣ Наполеона III-го за Польшу; тутъ разсказывались разныя небылицы о страданіяхъ, которымъ Россія будто бы подвергаетъ Поляковъ, и Грамонъ, придавая имъ вѣру, выражалъ свое сочувствіе и обѣщалъ (не знаю, по собственной ли иниціативѣ, или по порученію своего правительства), что дипломатическое заступничество Наполеона III-го будетъ поддержано Французскимъ оружіемъ. Такъ можетъ быть и случилось бы, если бы Англія не отказалась слѣдовать за Наполеономъ. Совѣщанія Поляковъ съ Грамономъ въ ресторанѣ происходили обыкновенно поздно вечеромъ; Русскіе, бывшіе въ Карлсбадѣ, не ходили въ этотъ ресторанъ.

Изъ Карлсбада мы поѣхали въ Франценбадъ, а изъ Франценбада моя жена, по совѣту докторовъ, должна была ѣхать на морскія купанья, но куда именно?—вопросъ этотъ мы оставили нерѣшеннымъ до Парижа. Въ Парижѣ мы встрѣтили извѣстнаго Московскаго доктора Варвинскаго со всѣмъ его семействомъ, состоявшимъ изъ жены и двухъ дочерей, и по совѣту его отправились всѣ вмѣстѣ въ Нормандію въ небольшой городокъ *Luc sur mer*, находившійся на берегу Атлантическаго океана. Сначала время шло довольно пріятно; наше общество въ особенности оживляла Варвинская молодая и веселая женщина, жившая нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и воспитывавшая тамъ своихъ дочерей. Кромѣ насъ никого Русскихъ не было; мы садились обыкновенно обѣдать за отдѣльный столъ, и смѣхъ, возбуждаемый разными разсказами Варвинской, не прекращался ни на минуту. Французы, сидѣвшіе за общимъ столомъ, обратили, наконецъ, на насъ вниманіе и были такъ деликатны, что, браня Русское правительство за притѣсненіе Поляковъ, они старались говорить въ полголоса, такъ чтобы мы не слыхали. Вскорѣ я познакомился и очень сошелся съ однимъ Французомъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ, по профессіи адвокатомъ; фамилія его была *Courcy*. Встрѣчаясь съ нимъ почти ежедневно на берегу океана во время морскихъ купаній, я не рѣдко бесѣдовалъ съ нимъ о политикѣ, которая меня очень интересовала. Говоря о положеніи, въ которомъ находилась въ то время Франція, Курси увѣрялъ, что вся Наполеоновская администрація составлена изъ лакеевъ, лично ему служащихъ, но мало заботящихся о благѣ государства, что деморализація охватила всю страну, что подкупъ и казнокрадство получили общее распространеніе, вслѣдствіе чего всѣ честные люди вынуждены молчать и держаться въ сторонѣ, чтобы избѣжать административныхъ преслѣдованій. При такой системѣ, по мнѣнію Курси, Наполеонъ не могъ долго держаться; ему должны вырыть яму не тѣ, которыхъ онъ преслѣдовалъ, а тѣ, которыхъ онъ считалъ своими друзьями. Для уясненія этой развращающей системы, онъ мнѣ разсказалъ случай, бывшій въ Тулузѣ, гдѣ онъ постоянно живетъ. Одинъ богатый помѣщикъ, пользовавшійся нѣкоторымъ вліяніемъ на жителей той мѣстности, гдѣ было его имѣніе, поѣхалъ въ Парижъ и явился въ какомъ-то общественномъ собраніи съ красной ленточкой Почетнаго Легіона въ петличкѣ, между тѣмъ какъ онъ вовсе не имѣлъ этого ордена. Тулузскій префектъ узналъ объ этомъ и, по возвращеніи помѣщика изъ Парижа, пригласилъ его къ себѣ и объявилъ, что онъ подлежитъ суду за ношеніе ордена, котораго не имѣетъ, но что онъ, префектъ, готовъ не возбуждать противъ него дѣла, если онъ примкнетъ въ Законодательномъ Корпусѣ (Corps Législ-

latif) къ правительственной партіи и откажется отъ своей опозиціи Наполеону; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, префектъ обѣщалъ даже дать ему орденъ Почетнаго Легіона, чтобы онъ могъ носить его не самовольно, а по праву. Помѣщикъ подумалъ и изъ легитимиста сдѣлался бонапартистомъ. Выборы въ Законодательный Корпусъ, въ которомъ было въ то время всего девять депутатовъ, принадлежавшихъ къ опозиціи, представляли комедію очень искусно разыгрываемую префектами и ихъ агентами. Не было ухищреній, къ которымъ не прибѣгала бы администрація, чтобы дать перевѣсъ на выборахъ правительственнымъ кандидатамъ; употреблялись и подкупы, и застращиванія, а иногда возбуждались судебныя преслѣдованія противъ опозиціонныхъ кандидатовъ, чтобы уронить ихъ во мнѣніи избирателей и лишить электоральныхъ правъ; такъ одинъ опозиціонный депутатъ былъ преданъ суду за подлогъ векселя, выданнаго ему другимъ лицемъ, между тѣмъ какъ подлогъ сдѣлалъ не депутатъ, а лицо, которое выдало вексель и которое было агентомъ полиціи. Вообще, не было такихъ безнравственныхъ дѣйствій, къ которымъ не прибѣгала бы администрація, чтобы угодить Наполеону и поддержать его *régime*. Если такая правительственная система держалась во Франціи довольно долго, то съ одной стороны потому, что блескъ военной славы и первенствующій голосъ Франціи въ Европейской дипломатіи льстили Французскому тщеславію, а съ другой стороны потому, что Наполеонъ умѣлъ къ себѣ привлечь симпатіи низшихъ сословій, давая имъ громадные заработки; одна перестройка Гаусманомъ Парижа стóила около миліарда; затѣмъ шоссированіе всѣхъ проселочныхъ дорогъ поглотило вѣроятно еще бóльшую сумму. Но по законамъ, которыми управляется вселенная, никакое зло не можетъ вести къ благу; послѣдовалъ Седанскій погромъ, и Франціи пришлось дорого заплатить за мишурный блескъ Наполеоновскаго царствованія.

Luc sur mer находится въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города Канъ, который былъ столицей Нормандіи во время владычества Англичанъ; но въ настоящее время главнымъ городомъ Нормандіи считается Руанъ. Нормандцы славятся съ одной стороны честностью, а съ другой—грубостью. Относительно первой я ничего не могу сказать въ подтвержденіе; чтó относится же до грубости Нормандской прислуги въ Luc sur mer, я могу привести разительные примѣры. Въ одной гостинницѣ съ нами жила очень болѣзненная Француженка; у ея окна висѣлъ колоколъ, звономъ въ который собирали всѣхъ къ завтраку и къ обѣду. При ея разстроенныхъ нервахъ, неожиданно раздававшійся звонъ колокола у ея окна производилъ на нее потрясающее дѣйствіе;

иногда у нея дѣлался сильный нервный припадокъ; она умоляла хозяина гостинницы, или перевести ее въ другой номеръ подалѣе отъ колокола, или приказать прислугѣ предупреждать ее передъ тѣмъ, какъ начнутъ звонить. Оказалось, что другаго номера не было, но просьба ея объ извѣщеніи о звонѣ въ колоколъ была исполнена хозяиномъ; прислуга каждый разъ предупреждала ее о часахъ завтрака и обѣда, въ которые звонятъ, но въ тоже время она находила особенное удовольствіе ударять въ колоколъ въ другіе часы дня. Больная конечно вздрагивала, иногда вскрикивала, а у окна ея раздавался громкій хохотъ прислуги. Кончилось тѣмъ, что эта несчастная женщина вскорѣ совсѣмъ уѣхала изъ Luc sur mer, такъ какъ другой сколько нибудь порядочной гостинницы не было. У моей жены было также столкновеніе съ прислугой; произошло это слѣдующимъ образомъ. Помѣстившись въ гостинницѣ, жена условилась съ хозяиномъ, что вмѣсто завтрака за общимъ столомъ въ 10 часовъ, ей должны приносить каждый день въ 12 часовъ въ ея номеръ чашку говяжаго бульона. Сначала горничная приносила аккуратно условленный бульонъ, но потомъ она стала опаздывать, и мнѣ приходилось ей напоминать; наконецъ, въ одинъ прекрасный день, она принесла сквернѣйшій бульонъ изъ баранины, отъ котораго жена заболѣла. Я пошелъ къ хозяину гостинницы и объяснилъ ему, что если онъ не приметъ мѣръ, чтобы жена моя аккуратно получала обѣщанный ей говяжій бульонъ, то мы выпуждены будемъ уѣхать изъ его гостинницы. Онъ очень извинялся и обѣщалъ, что случая этого не повторится. На другой день послѣ этого разговора, горничная приноситъ женѣ чашу бульона. Жена спрашиваетъ, какой это бульонъ? Горничная съ насмѣшкой на лицѣ отвѣчаетъ, что бульонъ приготовленъ изъ баранины. При этомъ отвѣтѣ я страшно разсердился и снова пошелъ къ хозяину гостинницы, но тотъ далъ мнѣ честное слово, что въ этотъ день въ гостинницѣ вовсе нѣтъ бараньяго мяса и чтобы убѣдиться въ этомъ просилъ меня пойти съ нимъ въ кухню. На вопросъ мой повару, какой бульонъ онъ послалъ моей женѣ, онъ отвѣчалъ—*говяжій*. Я просилъ хозяина позвать горничную и спросить ее, отчего она сказала моей женѣ, что бульонъ былъ изъ баранины, тогда какъ онъ изъ говядины. Горничная, при этомъ вопросѣ, расхохоталась и очень наивно отвѣчала: «J'ai voulu fâcher un peu madame» (Я хотѣла немного посердить барыню). Разскажу еще случай. На берегу океана былъ построенъ сарай, въ которомъ хранились стулья, которыя раздавала въ наемъ молодая 16-ти лѣтняя дѣвушка лицамъ, желавшимъ сидѣть на берегу моря. Я и жена абонировали себѣ два стула по 2 франка въ недѣлю. Когда мы сидѣли одинъ разъ на этихъ стульяхъ, къ намъ подошла Варвинская; я всталъ

и уступилъ ей мое мѣсто. Только что хранительница стульевъ увидала, что на моемъ мѣстѣ сидитъ Варвинская, она подбѣжала, схватила рукой за спинку стула и грубо сказала Варвинской, чтобы она встала, такъ какъ она не имѣетъ права сидѣть на стулѣ, абонированномъ другимъ лицемъ; если же хочетъ сидѣть, то можетъ сама себѣ нанять стулъ; при этомъ начала тащить его изъ подъ нея. Такая дерзкая выходка и много другихъ подобныхъ ей побудили меня, Курси и нѣкоторыхъ другихъ пріѣхавшихъ на морскія купанья, заявить колективную жалобу антрепренеру, завѣдывавшему купаньями, прося его перемѣнить составъ прислуги, ради спокойствія больныхъ, пріѣхавшихъ лѣчиться; но антрепренеръ ничего не сдѣлалъ и откровенно намъ сказалъ, что во всей Нормандіи нѣтъ людей лучше тѣхъ, которые имъ наняты. Въ паралель съ грубостью прислуги, я долженъ отмѣтить и такой фактъ, который говоритъ въ ея пользу: горничная, которая хотѣла посердить мою жену, какъ она сама выразилась, провожала насъ со слезами и на прощанье принесла женѣ букетъ цвѣтовъ.

Варвинская не долго осталась въ Luc sur mer; она поѣхала въ Трувиль, самое веселое мѣсто для морскихъ купаній, куда, въ то время, съѣзжался весь Парижъ, ищущій удовольствія и весь Парижскій полусвѣтъ. Мы же прожили въ Luc sur mer около мѣсяца и уѣхали въ Парижъ, а изъ Парижа направились въ обратный путь черезъ Вѣну. Вѣна мнѣ чрезвычайно понравилась; нигдѣ я не видалъ столько хорошенькихъ женщинъ, какъ въ Вѣнѣ; по оживленію и характеру жителей она похожа болѣе на Парижъ, чѣмъ какой либо другой городъ. Бывши въ Вѣнѣ, мы поѣхали съ женой въ какой-то балетъ, о которомъ прокричали всѣ журналы. Дѣйствительно обстановка и декораціи были великолѣпныя, но меня болѣе всего поразилъ коръ-де-балетъ, въ которомъ не было ни одной танцовщицы, которую можно было назвать хорошенькой: всѣ были красавицы въ полной мѣрѣ. Пробывъ въ Вѣнѣ около недѣли, мы вернулись въ Петербургъ.

VII.

Черезъ два года по назначеніи меня по особымъ порученіямъ при Артилерійскомъ Департаментѣ, этотъ послѣдній соединили съ штабомъ генералъ-фельдцейхмейстера въ одно учрежденіе, подъ названіемъ *Главное Артилерійское Управленіе*, при чемъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ, состоящихъ по особымъ порученіямъ при департаментѣ, долженъ былъ остаться за штатомъ. Я думалъ, что найдутъ лишнимъ меня, такъ какъ я всегда держалъ себя далеко отъ начальства и никогда и

ни въ чемъ ему не угождалъ; но оказалось, что оставленъ былъ за штатомъ другой штабъ-офицеръ Безсоновъ, а я былъ назначенъ по особымъ порученіямъ при Главномъ Артилерійскомъ Управленіи. Здѣсь характеръ порученій, которыя мнѣ давали, былъ совершенно другой.

На первый случай меня назначили въ экзаменаціонную коммиссію, въ которой держали экзаменъ фейерверкеры, производимые въ офицеры. Затѣмъ, по приказанію военнаго министра, я былъ назначенъ членомъ двухъ комитетовъ: одного по преобразованію училищъ военнаго вѣдомства подъ предсѣдательствомъ начальника военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютанта Исакова; а другаго—по пересмотру постановленій о правахъ и преимуществахъ нестроевыхъ унтеръ-офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ директора Канцеляріи Военнаго Министерства, генералъ-адъютанта Кауфмана. Занятія мои въ этихъ комитетахъ продолжались довольно долго и имѣли для меня немалый интересъ. Чтобы сознательно обсуждать всѣ возбуждаемые въ комитетахъ вопросы, я къ нимъ готовился, знакомясь со всѣми существующими положеніями и статистическими данными; но особенное стараніе я приложилъ къ изученію педагогическихъ вопросовъ, которыхъ касался комитетъ подъ предсѣдательствомъ генерала Исакова. Я читалъ все что̀ писалось въ то время по части воспитанія, полюбилъ его, и мнѣ казалось, что нѣтъ почтеннѣе и благороднѣе дѣятельности, какъ дѣятельность воспитательная. Знакомясь болѣе и болѣе со взглядами и направленіемъ генерала Исакова и другихъ членовъ комитета, служившихъ большею частію въ военноучебномъ вѣдомствѣ, я невольно пришелъ къ мысли оставить службу въ артилеріи и перейти въ Военно-учебныя заведенія. Желаніе мое вскорѣ исполнилось; но прежде чѣмъ говорить о томъ, я скажу нѣсколько словъ о дѣятельности помянутыхъ комитетовъ.

Училища военнаго вѣдомства, въ которыя принимались дѣти лицъ всѣхъ сословій, имѣли своимъ назначеніемъ выпускать своихъ воспитанниковъ, по окончаніи ими курса, писарями въ войска, съ обязательствомъ прослужить 12 лѣтъ до производства въ офицерскій или классный чинъ. Училища состояли изъ четырехъ классовъ. Курсъ въ нихъ былъ такъ великъ, что только наиболѣе способные мальчики могли окончить его съ успѣхомъ; громадное же большинство, учась многому, знало очень немного (такъ всегда бываетъ), вслѣдствіе чего въ войскахъ были недовольны писарями; а писаря, изъ которыхъ большая часть принадлежала къ дворянскому сословію, были еще менѣе довольны служить въ этой должности 12 лѣтъ безъ права производства и безъ права отставки. До какой степени развитые воспитанники старшаго класса

были недовольны ожидавшей ихъ писарской карьерой, можно видѣть изъ случая, бывшаго въ С.-Петербургскомъ училищѣ военнаго вѣдомства и разсказаннаго мнѣ начальникомъ его, полковникомъ Носовичемъ. Одинъ изъ лучшихъ по поведенію и успѣхамъ воспитанниковъ пришелъ къ нему, предъ окончаніемъ курса, и просилъ уволить его изъ заведенія по его личной просьбѣ; (родителей же, которые бы могли объ этомъ просить, у него не было) если же, сказалъ онъ, просьба его не можетъ быть исполнена, то онъ сдѣлаетъ такой проступокъ, за который должны будутъ выгнать его изъ заведенія. И дѣйствительно, на другой же день онъ сдѣлалъ дерзость учителю, ушелъ изъ заведенія, пропадалъ два дня и достигъ своей цѣли—исключенія изъ училища, которое онъ счелъ за высшую себѣ награду. Точно также дѣйствовали и многіе другіе воспитанники, имѣвшіе родителей: они умоляли этихъ послѣднихъ не оставлять ихъ въ училищахъ до окончанія курса и, переходя въ послѣдній классъ, бросали учиться. Такое ненормальное положеніе училищъ не могло не обратить на себя вниманія военнаго министра; онъ ихъ передалъ въ вѣдѣніе начальника военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютанта Исакова, подъ предсѣдательствомъ котораго составленъ былъ комитетъ для ихъ преобразованія. Одновременно съ преобразованіемъ училищъ, необходимо было улучшить положеніе писарей, и съ этой цѣлью учрежденъ былъ другой комитетъ, о которомъ я уже говорилъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Кауфмана. Въ первыхъ же засѣданіяхъ обоихъ Комитетовъ мной сдѣланы были предложенія, изложенныя письменно: въ комитетѣ Кауфмана я указалъ, что 12-ти лѣтній срокъ службы въ писарской должности за полученное образованіе въ училищахъ военнаго вѣдомства слишкомъ продолжителенъ; что справедливость требуетъ значительно его сократить и, опираясь на цифры стоимости этого образованія и стоимости содержанія казеннаго писаря, я старался доказать, что за одинъ годъ воспитанія въ училищѣ слѣдуетъ назначить никакъ не болѣе 1½ года обязательной службы въ войскахъ. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ комитетъ согласился. Въ комитетѣ Исакова я также сдѣлалъ предложеніе, но согласія на него комитета не послѣдовало. Текстъ моего предложенія былъ слѣдующій.

«Настоящее положеніе училищъ военнаго вѣдомства неудовлетворительно: писаря, выпускаемые въ войска, не только безграмотны, но и въ нравственномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже писарей, формируемыхъ войсками; кондукторы, чертежники, топографы, фельдшера получаютъ въ училищахъ самую слабую подготовку къ прохожденію своихъ спеціальныхъ предметовъ; педагогическая часть находится въ рукахъ лицъ, не только мало свѣдущихъ, но и не имѣющихъ никакого

спеціальнаго по этой части образованія. Всѣ эти недостатки требуютъ, по мнѣнію вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, кореннаго преобразованія училищъ, или ихъ уничтоженія.

Комитетъ, учрежденный въ прошломъ году для улучшенія положенія нестроевыхъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскаго званія, обсуживая служебное положеніе писарей, положилъ оставить на обязанности училищъ военнаго вѣдомства комплектованіе писарями только штабовъ и управленій Военнаго Министерства; войскамъ же предоставилъ формировать себѣ писарей изъ нижнихъ чиновъ строеваго состава. На предъявленное мною и другимъ членомъ комитета мнѣніе замѣнить обязанныхъ писарей наемными, комитетъ, не отрицая достоинствъ наемныхъ писарей, выразилъ однакожъ опасеніе, чтобы, при маломъ распространеніи у насъ грамотности въ низшихъ слояхъ общества, не встрѣтился недостатокъ въ лицахъ, желающихъ занять мѣста писарей и подходящихъ подъ бюджетныя условія Военнаго Министерства; а потому онъ съ мнѣніемъ нашимъ не согласился и положилъ писарей, выпускаемыхъ изъ училищъ военнаго вѣдомства, обязать 6-ти лѣтней службой за воспитаніе, которое они получаютъ въ четырехъ классахъ училищъ.

Такое постановленіе комитета имѣетъ чрезмѣрную важность для училищъ военнаго вѣдомства; оно обусловливаетъ ихъ существованіе и опредѣляетъ рамки, въ которыя училища должны быть замкнуты. Но какъ постановленіе это не утверждено еще высочайшей властью, то оно не должно имѣть для насъ обязательнаго значенія; оно можетъ быть взято только въ соображеніе, а никакъ не въ руководство для основанія сужденій о необходимости существованія училищъ военнаго вѣдомства.

Училища военнаго вѣдомства имѣютъ въ настоящее время по штату 6950 воспитанниковъ, на воспитаніе и содержаніе которыхъ расходуется ежегодно милліонъ рублей, не считая въ томъ числѣ даровыхъ помѣщеній, которыя имѣютъ училища въ казенныхъ зданіяхъ. Какъ ни громадна эта цифра, она оказывается однакожъ недостаточной, такъ что дурное состояніе училищъ приписывается, какъ видно изъ отчета начальника военно-учебныхъ заведеній, ограниченности денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе училищъ. Хотя при предположенномъ назначеніи училищъ—комплектовать писарями только штабы и управленія, штатъ воспитанниковъ долженъ уменьшиться до 4000 или 4500 мальчиковъ; но, имѣя въ виду необходимость увеличить содержаніе служащихъ въ училищахъ и улучшить какъ учебную, такъ и педагогическую обстановку, а также въ виду признанной недостаточности средствъ при прежнемъ положеніи, расходы на училища едва ли уменьшатся, а если уменьшатся, то на весьма незначительную цифру. И такъ, за милліонъ рублей государство будетъ имѣть, по преобразованіи училищъ военнаго вѣдомства, ежегодно до 700 грамотныхъ людей, способныхъ занять мѣста писарей. Но писарь, по своему положенію, не есть спеціалистъ; умѣть читать, писать, знать Грамматику,

Ариѳметику, Географію, Исторію, составляетъ предметъ реальнаго образованія, которое дается во всѣхъ начальныхъ школахъ, входящихъ въ составъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Училища же военнаго вѣдомства, находясь въ вѣдѣніи Военнаго Министерства и имѣя единственное назначеніе образовать писарей, не могутъ назваться спеціальными заведеніями, а потому легко могутъ быть замѣнены уѣздными народными, приходскими, городскими школами, въ которыхъ уровень образованія стоитъ, нѣтъ сомнѣнія, не ниже современныхъ требованій науки и общества, и по всей вѣроятности онъ будетъ всегда стоять выше, чѣмъ въ заведеніяхъ, входящихъ въ составъ Военнаго Министерства. Для этого послѣдняго образовательная часть составляетъ предметъ второстепенной важности; для Министерства же Народнаго Просвѣщенія всестороннее изученіе какъ педагогической, такъ и учебной части составляетъ насущную потребность и единственную цѣль, къ которой оно должно стремиться и которою обусловливается самое существованіе министерства. Вотъ первая причина, по которой я полагаю полезнымъ передать училища военнаго вѣдомства въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы они были переформированы на тѣхъ основаніяхъ, которыя приняты для двухъ или трехъклассныхъ школъ этого министерства. Есть еще другая причина, самая важная—финансовая. Статистическія данныя, которыя я представляю, взяты мной изъ оффиціальныхъ источниковъ. Восемнадцать училищъ Военнаго Вѣдомства съ 6950 воспитанниками стоятъ государству милліонъ рублей, между тѣмъ какъ 1714 начальныхъ школъ различныхъ наименованій съ 85193 учащимися обходятся Министерству Народнаго Просвѣщенія всего 1.195.089 р. 81¼ к.; то-есть сумма, потребная для воспитанія одного ученика въ училищахъ военнаго вѣдомства, достаточна для образованія десяти въ начальныхъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Цифры эти такъ ясно говорятъ за себя, что не требуютъ никакихъ поясненій.

Основываясь на всемъ вышеизложенномъ, передача училищъ военнаго вѣдомства въ Министерство Народнаго Просвѣщенія можетъ дать слѣдующіе результаты, польза которыхъ, съ государственной точки зрѣнія, очевидна:

1) Средства для образованія въ начальныхъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія почти удвоятся.

2) Число грамотныхъ увеличится, и устранится опасеніе въ недостаткѣ лицъ, желающихъ занять мѣста писарей.

3) Возможно будетъ замѣнить обязательныхъ писарей наемными, которыхъ превосходство, какъ показалъ опытъ Морскаго Министерства, несомнѣнно.

4) Наемная плата вольнымъ писарямъ, вслѣдствіе увеличившагося числа грамотныхъ, уменьшится и, можетъ быть, совпадетъ даже съ стоимостью казеннаго писаря.

Результаты эти получатся, конечно, только въ будущемъ, хотя и не въ далекомъ; въ настоящемъ же переходъ къ наемнымъ писарямъ

можетъ представить денежныя или другія затрудненія, устранить которыя, мнѣ кажется, нетрудно. Можно совершить этотъ переходъ, по моему мнѣнію, или постепенно, передавая училища военнаго вѣдомства въ Министерство Народнаго Просвѣщенія по мѣрѣ возможности, или, передавъ ихъ одновременно, поставить условіемъ, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія давало ежегодно, въ теченіе извѣстнаго времени, опредѣленное число лицъ, обязанныхъ служить писарями» [1]).

Одновременно съ учрежденіемъ комитетовъ, въ которые я былъ назначенъ членомъ по приказанію военнаго министра, оканчивалъ свои занятія комитетъ по преобразованію Кадетскихъ Корпусовъ въ Военныя Гимназіи. Многіе изъ членовъ этого послѣдняго комитета были членами комитета по преобразованію училищъ военнаго вѣдомства, а потому, встрѣчаясь съ ними, я зналъ отъ нихъ, въ какомъ печальномъ положеніи находились Корпуса и какъ шло дѣло по ихъ преобразованію. Они говорили, что военному министру очень хорошо была извѣстна несостоятельность Корпусовъ въ дѣлѣ воспитанія; но, не приступая къ ихъ преобразованію, онъ, ради осторожности, спросилъ прежде мнѣнія о Корпусахъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и разныхъ другихъ ему извѣстныхъ лицъ. Всѣ полученные отзывы, которыхъ было до 400, не сказали ни одного слова въ пользу Корпусовъ, а согласны были въ томъ, что эти заведенія требуютъ немедленной реформы. Тогда только былъ учрежденъ комитетъ для ихъ преобразованія. Въ составъ комитета вошли членами лица съ выдающимися педагогическими способностями, какъ напримѣръ генералъ-адъютантъ Даниловичъ, состоящій въ настоящее время при Его Императорскомъ Высочествѣ Наслѣдникѣ-Цесаревичѣ. Если взять во вниманіе, что военный министръ Милютинъ, обладая недюжиннымъ умомъ, образованіемъ и способностями, заботился исключительно о пользѣ дѣла и что онъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ не угожденія его взглядамъ, а откровеннаго выраженія мнѣній, къ которымъ, какія бы они ни были, онъ всегда относился съ уваженіемъ и вниманіемъ: то вѣрность отзывовъ, данныхъ спрошенными лицами, изъ которыхъ большая часть сами получили воспитаніе въ Корпусахъ, не можетъ подлежать сомнѣнію [2]).

---

[1]) Хотя мое предложеніе не было принято комитетомъ, но въ послѣдствіи изъ училищъ военнаго вѣдомства были сформированы Военныя Прогимназіи, которыхъ назначеніе было выпускать своихъ воспитанниковъ не писарями, а вольноопредѣляющимися въ полки. Писарей же въ настоящее время готовятъ себѣ сами войска.

[2]) Въ Воспоминаніяхъ моихъ подъ заглавіемъ: *Двѣнадцать лѣтъ молодости*, въ „Русскомъ Архивѣ" 1890 года, я привелъ много фактовъ изъ жизни Корпусовъ, которые наилучшимъ образомъ подтверждаютъ вѣрность отзывовъ.

По возвращеніи нашемъ изъ за границы, здоровье жены моей не улучшилось: врачи единогласно объявили, что для нея вреденъ Петербургскій климатъ и что мы должны уѣхать въ центральныя губерніи Россіи. Почувствовавъ въ то время особый интересъ къ воспитательному дѣлу и изучивъ его, сколько могъ, теоритически (чему немало способствовали мои занятія въ комитетѣ по преобразованію училищъ военнаго вѣдомства) я рѣшился поѣхать къ генералу Исакову и просить его дать мнѣ мѣсто въ военно-учебномъ вѣдомствѣ. Его превосходительство предложилъ назначить меня начальникомъ Воронежскаго училища военнаго вѣдомства. Я согласился и черезъ два мѣсяца, не окончивъ моихъ занятій въ комитетахъ, уѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Воронежъ.

VIII.

Приступая къ описанію моей педагогической дѣятельности, я долженъ сказать, что, не бывши никогда преподавателемъ, ни воспитателемъ, я не имѣлъ никакой опытности въ дѣлѣ воспитанія; но теоритически я успѣлъ съ нимъ ознакомиться по лучшимъ въ то время педагогическимъ сочиненіямъ. Я зналъ, что лица, съ которыми мнѣ придется служить въ училищѣ военнаго вѣдомства, не имѣютъ никакого понятія о воспитаніи и что мнѣ предстоитъ упорная борьба съ рутиной и кантонистскими преданіями; но, обладая достаточной энергіей, я боялся не борьбы, а не имѣлъ увѣренности въ себѣ. Докторъ Комбъ сказалъ: «Если хочешь воспитывать, то сдѣлайся прежде самъ тѣмъ, чѣмъ желаешь сдѣлать своего питомца». Песталоцци всю жизнь свою посвятилъ дѣлу воспитанія, и на памятникѣ, ему воздвигнутомъ въ Ивердюнѣ и открытомъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, для лучшей его характеристики, сдѣлана надпись: «Всё для другихъ, ничего для себя». Если только при этихъ условіяхъ, думалъ я, можно ожидать успѣха въ дѣлѣ воспитанія, то въ состояніи ли я буду его имѣть? Мысль эта меня немало тревожила; но я старался успокоить себя тѣмъ, что отъ меня всегда зависитъ выйти въ отставку и уступить свое мѣсто болѣе меня способному. Многіе не совѣтовали мнѣ оставлять службу въ артилеріи, гдѣ я прослужилъ около 25 лѣтъ; а генералъ Баранцевъ сказалъ мнѣ, что онъ очень сожалѣетъ, что я ухожу отъ него; но судьба моя была рѣшена: я чувствовалъ неодолимое желаніе испытать себя на педагогическомъ поприщѣ и уѣхалъ изъ Петербурга безъ всякаго о немъ сожалѣнія.

По пріѣздѣ моемъ въ Воронежъ я принялъ училище и нашелъ его въ такомъ ужасномъ положеніи, котораго не ожидалъ даже. Оно занимало три дома. Въ двухъ казенныхъ домахъ, находившихся на горѣ, въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, помѣщены были роты; а третій домъ, подъ горой, нанимавшійся для классныхъ помѣщеній, отстоялъ отъ ротныхъ домовъ болѣе чѣмъ на полверсты. Такимъ образомъ воспитанники должны были ежедневно и во всякую погоду ходить въ классы за полверсты и возвращаться назадъ; мостовой въ то время не было; нерѣдко случалось, что грязь была чуть не по колѣна и воспитанники, придя въ классы, сидѣли все время съ мокрыми ногами. Если прибавить къ этому, что классный домъ находился въ болотистой мѣстности, гдѣ постоянно свирѣпствовали лихорадки, то станетъ понятно, отчего лазаретъ былъ всегда полонъ больными воспитанниками. Но умирать въ лазаретѣ имъ воспрещалось: приказано было всѣхъ больныхъ отправлять въ городскую больницу, гдѣ они находились безъ всякаго надзора и гдѣ подчасъ, выздоравливая отъ одной болѣзни, заражались другою *). Училище состояло изъ 300 воспитанниковъ, раздѣленныхъ на двѣ роты, которыми завѣдывали ротные командиры; кромѣ ротныхъ командировъ въ каждой ротѣ было по одному офицеру. Въ то время, когда я принялъ училище, болѣе $^1/_3$ воспитанниковъ были изъ дворянъ, большею частію выгнанныхъ изъ разныхъ учебныхъ заведеній; изъ числа же не-дворянъ было немало семинаристовъ, исключенныхъ изъ семинарій. При той неблестящей карьерѣ, которую давали училища военнаго вѣдомства, конечно, нельзя было ожидать лучшаго состава воспитанниковъ. Учителями были бывшіе воспитанники училищъ, окончившіе курсъ въ учительскихъ классахъ и считавшіеся въ унтеръ-офицерскомъ званіи; они получали въ мѣсяцъ по пяти рублей жалованья, нѣкоторые изъ нихъ были женатые; по прослуженіи въ должности учителя опредѣленнаго числа лѣтъ (какого?— не помню) ихъ производили въ классные чины, и тогда жалованье имъ увеличивалось. Въ то время, когда я принялъ училище, изъ 12 учителей было только три чиновника, изъ которыхъ двумъ было около 70 лѣтъ. На пищу воспитанниковъ, кромѣ солдатскаго пайка, состоявшаго изъ муки и крупы, отпускалось по 5 копѣекъ въ день на каж-

---

*) Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Воронежъ, у одного воспитанника открылась рана на ногѣ; его отправили въ больницу и положили въ камеру больныхъ сифилисомъ, отъ которыхъ онъ заразился этой болѣзнью. Случай этотъ такъ меня возмутилъ, что я самъ сталъ ѣздить въ больницу, чтобы слѣдить за лѣченіемъ воспитанниковъ и кромѣ того посылалъ туда почти ежедневно казначея училища Турскаго, человѣка очень добраго и исполнительнаго, который сообщалъ мнѣ всѣ сдѣланныя имъ замѣчанія о положеніи воспитанниковъ въ больницѣ.

даго. На освѣщеніе зданій ничего не отпускалось, но приказано было освѣщать ихъ изъ экономіи отъ дровъ, которыя получались натурою отъ земства. Требованіе освѣщать зданія изъ экономіи отъ дровъ было ужасной нелѣпостью; оно заставляло училище торговать дровами; а между тѣмъ земство заявило, что оно обязано отпускать дрова не по положенію (одну однополѣнную сажень на печку), а по дѣйствительному расходу, и требовало ежемѣсячно сообщать Управѣ о дѣйствительномъ расходѣ дровъ; такимъ образомъ приходилось или лгать земству, увеличивая цифру расхода дровъ, или оставлять зданіе безъ освѣщенія. Вообще все положеніе объ училищахъ военнаго вѣдомства, учрежденныхъ по закрытіи кантонистскихъ школъ, было составлено такъ, что точное и добросовѣстное его исполненіе было невозможно. Бывшій при мнѣ инспекторъ классовъ Буйновскій говорилъ мнѣ, что такое положеніе создано было не случайно, а намѣренно, съ тою цѣлью чтобы начальниковъ училищъ, которые не будутъ давать взятокъ управленію училищъ, держать подъ страхомъ преданія суду за неисполненіе правилъ высочайше утвержденнаго положенія. На расходы по классной части, то есть на покупку учебниковъ, бумаги, чернилъ, перьевъ, грифельныхъ досокъ и пр., отпускалось около 1 р. 50 к. въ годъ на каждаго воспитанника, вслѣдствіе чего учебниковъ покупалось очень мало и давалось по одному на 10 учениковъ.

Изъ прошлой жизни училищъ, до передачи ихъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, Буйновскій разсказывалъ мнѣ много курьезныхъ случаевъ. Приведу здѣсь одинъ изъ нихъ. Училища составляли отдѣльное вѣдомство, котораго начальникъ пользовался огромными правами: его всѣ боялись и не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы ему угодить. Объѣзжая училища, онъ громилъ начальниковъ училищъ, называя ихъ чуть не дураками, говорилъ имъ *ты*, заставлялъ зимою ходить съ нимъ по всѣмъ помѣщеніямъ, находящимся на дворѣ въ однихъ мундирахъ и т. п. Вообще онъ былъ грозою своихъ подчиненныхъ; но менѣе всего онъ обращалъ вниманіе на учебную часть. Чтобы уяснить, до чего доходило раболѣпство передъ нимъ служащихъ, Буйновскій разсказалъ мнѣ такой эпизодъ. Накапунѣ своего пріѣзда въ Воронежъ, онъ далъ знать, что будетъ смотрѣть училище на другой день. Встревоженные этимъ извѣстіемъ и не зная, въ которомъ часу онъ пріѣдетъ, такъ какъ желѣзныхъ дорогъ въ то время не было, всѣ принялись за самыя спѣшныя приготовленія къ его пріему; между прочимъ вымыли полы и, боясь, что они не успѣютъ высохнуть до его пріѣзда, начальникъ училища приказалъ раздѣть голыми воспитанниковъ и положить ихъ на сырые полы, полагая, что отъ животной

теплоты они скорѣе просохнутъ. Трудно повѣрить подобному безобразію; но разсказъ Буйновскаго мнѣ подтвердили нѣкоторые учителя, бывшіе свидѣтелями этого распоряженія.

По пріемѣ училища я обратилъ вниманіе прежде всего на воспитательную и учебную части. Все воспитаніе, какъ оказалось, основано было на розгахъ, другихъ наказаній не было; изъ приказной книги я узналъ, что сѣкли почти каждый день, о чемъ отдавалось въ приказахъ по училищу. Учебная часть была ниже всякой критики; изъ учителей я нашелъ только четыре человѣка нѣсколько развитыхъ и съ нравственной стороны весьма хорошихъ; остальные ничего не знали и не понимали. Такъ напримѣръ, въ классѣ Географіи одинъ учитель при мнѣ объяснялъ воспитанникамъ, что въ Австріи господствующая религія Лютеранская. Когда я ему замѣтилъ, что это объясненіе не вѣрно, онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ: «Австрія входитъ въ составъ Германской Имперіи, а всѣ Нѣмцы—Лютеране; такъ какая же можетъ быть религія въ Австріи, какъ не Лютеранская?» Въ классѣ Русскаго языка, учитель, поправляя диктантъ воспитанника, написалъ *свѣдѣніе* съ буквою *е* послѣ д.; когда я ему сказалъ, что слѣдуетъ писать *ѣ*, а не *е*, онъ мнѣ возразилъ, что *паденіе* пишется съ буквою *е*, слѣдовательно и свѣдѣніе должно писаться съ тою же буквой. Подъ диктовку воспитанники писали обыкновенно не на бумагѣ, которой давалось очень мало, а на грифельныхъ доскахъ; чистописаніе, на которое бы слѣдовало обратить особенное вниманіе въ школахъ, готовящихъ писарей, было весьма плохо; грифельныя доски портили почеркъ воспитанниковъ, а на бумагѣ они писали рѣдко въ виду ея сбереженія. Когда я пожелалъ видѣть учебники, которыхъ давалось по одному на 10 человѣкъ, то нѣкоторыхъ не нашли, а другіе были съ вырванными листами. Вообще впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ перваго знакомства съ училищемъ, было весьма тяжелое. Хозяйственная часть была не лучше учебной и воспитательной. Мундировъ у воспитанниковъ было по пяти, изъ которыхъ два совершенно новые лежали въ цейхгаузѣ; сапогъ же было по двѣ пары, изъ которыхъ одну они носили въ заплатахъ. Столъ былъ весьма плохъ, чаю вовсе не давали; экономіи отъ муки, отпускавшейся по солдатскому положенію, было весьма мало, а безъ этой экономіи, при отпускѣ по 5 коп. въ день на воспитанника, невозможно было улучшить пищу воспитанниковъ. Экономіи отъ муки было мало, потому что всѣ служащіе въ училищѣ получали хлѣбъ съ кухни воспитанниковъ; а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ ротные каптенармусы, откармливали имъ своихъ свиней.

Уяснивъ себѣ въ подробности грустное положеніе училища, я рѣшился, не ожидая предстоящаго преобразованія, принять мѣры къ улучшенію воспитательной и учебной частей заведенія, о чемъ предупредилъ инспектора классовъ, прося его помочь мнѣ въ этомъ. Инспекторъ классовъ былъ человѣкъ развитой, но лѣнивый и болѣзненный; вся его помощь мнѣ выразилась въ полномъ одобреніи моихъ взглядовъ и въ обѣщаніи не противодѣйствовать мнѣ; вліянія же на служащихъ онъ никакого не имѣлъ.

Составляя планъ моихъ будущихъ дѣйствій, я совершенно неожиданно получилъ оффиціальное извѣщеніе, что въ скоромъ времени пріѣдетъ, для ревизіи училища, бывшій начальникъ училищъ военнаго вѣдомства, генералъ-лейтенантъ Р....., который въ то время занималъ должность инспектора военно-учебныхъ заведеній и состоялъ при военномъ министрѣ. Зная по разсказамъ Буйновскаго, до какой степени Р..... бывалъ грубъ и дерзокъ съ начальниками училищъ, я боялся, что не въ состояніи буду себя сдержать и стану отвѣчать такими же дерзостями, которыя могутъ повести меня къ преданію суду. Я ожидалъ со страхомъ его пріѣзда и былъ, наконецъ, извѣщенъ, что онъ пріѣхалъ, остановился въ гостинницѣ и желаетъ меня видѣть. Я надѣлъ полную форму и тотчасъ же поѣхалъ къ нему съ рапортомъ. Входя въ волненіи въ его номеръ и обдумывая, какъ я долженъ поступить, если онъ мнѣ скажетъ ты, я рѣшился отвѣчать ему тѣмъ же; но немало было мое удивленіе, когда, увидавъ меня, онъ протянулъ мнѣ руку и самымъ любезнымъ образомъ выразилъ мнѣ удовольствіе со мной познакомиться и свое сожалѣніе, что я не хотѣлъ къ нему заѣхать въ Петербургѣ, когда былъ назначенъ начальникомъ Воронежскаго училища; затѣмъ онъ просилъ меня прислать къ нему для письменныхъ занятій адъютанта училища и назначилъ смотръ училищу на другой день въ 9 часовъ утра. За часъ до его пріѣзда я былъ уже въ 1-й ротѣ, гдѣ были построены всѣ воспитанники въ новыхъ мундирахъ. Буйновскій мнѣ говорилъ, что бывшіе начальники училищъ встрѣчали Р....го обыкновенно у воротъ; но въ виду сильнаго холода въ этотъ день и за неимѣніемъ въ законѣ никакого указанія, гдѣ я долженъ былъ его встрѣчать, я остался въ ротѣ и встрѣтилъ его при входѣ въ комнату у дверей; онъ снова подалъ мнѣ руку, поздоровался съ воспитанниками и велѣлъ имъ раздѣться голыми. По исполненіи его приказанія, онъ велѣлъ ихъ снова построить и, подходя по очереди къ каждому, осматривалъ внимательно все тѣло и затѣмъ заставлялъ открывать рты и оскаливать зубы. Обойдя всѣхъ воспитанниковъ и осмотрѣвъ ихъ рты, онъ спросилъ меня: чистятъ ли они зубы поро-

шкомъ? Вопросъ этотъ поставилъ меня въ тупикъ. Я ему сказалъ, что, принявъ недавно училище, я не успѣлъ еще обратить вниманіе на чистку зубъ и не знаю, какъ они ихъ чистятъ. Тогда онъ съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ командиру первой роты; этотъ отвѣчалъ ему, что да. Приказавъ воспитанникамъ одѣваться, онъ подозвалъ къ себѣ дядьку и сказалъ ему, чтобы онъ принесъ ему порошокъ. Дядька, вытянувшись въ струнку, выпучилъ глаза и спросилъ: «какой прикажете, ваше превосходительство?» Тотъ, которымъ воспитанники чистятъ зубы, отвѣчалъ Р... ой. «Такого у насъ нѣтъ, ваше превосходительство». Эти слова дядьки вызвали потокъ брани ротному командиру, такъ что я рѣшился, наконецъ, за него заступиться и объяснилъ Р. ...му, что я виноватъ не менѣе ротнаго командира тѣмъ, что не сдѣлалъ никакого распоряженія о покупкѣ порошка для чистки зубъ. Генералъ смягчился и сказалъ мнѣ, что онъ давно знаетъ этого ротнаго командира и что если бы онъ остался начальникомъ училищъ военнаго вѣдомства, то непремѣнно его выгналъ бы изъ училища.

Не буду описывать дальнѣйшихъ подробностей осмотра генерала Р....го; скажу только, что, кромѣ этого случая, онъ всѣхъ хвалилъ, всѣмъ оставался доволенъ и заѣхалъ даже ко мнѣ съ визитомъ, говоря, что онъ пріѣхалъ меня поблагодарить за отличное состояніе училища и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ моей женой, отца которой, сенатора Мороза, онъ очень хорошо зналъ. Я его пригласилъ къ себѣ обѣдать, и мы разстались друзьями. Передъ его отъѣздомъ, онъ мнѣ прислалъ копію съ его отчета военному министру объ осмотрѣ училища. Въ отчетѣ было столько мнѣ похвалъ, что я не понимаю, какимъ образомъ онъ могъ найти что либо хорошее въ училищѣ, когда въ немъ было все дурно; а еще болѣе меня удивило, что все найденное имъ хорошее онъ приписалъ мнѣ, тогда какъ я принялъ училище не болѣе двухъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Впослѣдствіи, когда я былъ директоромъ Орловской Военной Гимназіи, онъ былъ проѣздомъ въ Орлѣ и заѣхалъ ко мнѣ, увѣряя, что онъ очень меня любитъ. Затѣмъ я его видѣлъ еще одинъ разъ въ Петербургѣ, въ пріемной военнаго министра, когда, бывши уже въ отставкѣ, я былъ избранъ Калужскимъ дворянствомъ для ходатайства объ открытіи въ г. Калугѣ Военной Гимназіи, и тутъ онъ меня встрѣтилъ съ распростертыми объятіями. Престранный былъ этотъ человѣкъ! Если бы онъ былъ женщиной, то на немъ исполнились бы стихи Пушкина:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей.

Особенное вниманіе и благосклонность ко мнѣ генерала Р.....го значительно возвысили мой авторитетъ въ глазахъ служащихъ въ училищѣ; они предположили во мнѣ такую силу, которой противостоять невозможно и отъ которой зависитъ ихъ судьба. Воспользовавшись такимъ настроеніемъ моихъ подчиненныхъ, я пригласилъ ихъ въ педагогическій комитетъ и объяснилъ, что я хорошо знакомъ съ тѣми реформами, которыя ожидаютъ училища военнаго вѣдомства, но въ виду печальнаго положенія Воронежскаго училища я считаю необходимымъ ввести нѣкоторые изъ этихъ реформъ прежде ихъ узаконенія. Затѣмъ я объяснилъ, что я долженъ обратить ихъ вниманіе главнымъ образомъ на тѣлесныя наказанія, которыя, по моему мнѣнію, не только не исправляютъ нравственности воспитанниковъ, но портятъ ее. Человѣкъ, сказалъ я, живетъ не однимъ тѣломъ; онъ живетъ тѣломъ и духомъ, и главное вниманіе воспитателя должно быть обращено на развитіе душевныхъ силъ. Можетъ ли же розга развивать эти силы? Розга можетъ только возбудить страхъ и тѣмъ заставить воспитанника не дѣлать того, что̀ запрещено; но уничтожить въ немъ стремленіе къ запрещенному и возбудить желаніе его не дѣлать она не въ силахъ; нравственность же заключается именно въ томъ, чтобы человѣкъ былъ хорошъ не изъ боязни къ палкѣ, а изъ отвращенія ко всему дурному; если же въ немъ нѣтъ этого отвращенія, то палка можетъ сдѣлать его іезуитомъ, но никакъ не честнымъ человѣкомъ. Нельзя назвать не-воромъ того человѣка, который не крадетъ, потому что не имѣетъ возможности воровать, а того, кто гнушается воровства и кто ставитъ уваженіе къ себѣ выше всѣхъ благъ міра. Развивъ болѣе подробно высказанныя мной мысли, я вывелъ заключеніе, что тѣлесныя наказанія составляютъ зло, которое должно быть уничтожено въ училищѣ; прибѣгать къ нему, по моему мнѣнію, можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда неразвитость мальчика вслѣдствіе его возраста или другихъ причинъ исключаетъ возможность примѣнить къ нему другія воспитательныя средства. Инспекторъ классовъ поддержалъ мой взглядъ и нѣсколько сказанныхъ имъ словъ окончилъ такъ: «Русская пословица говоритъ: за битаго двухъ небитыхъ даютъ; но ее надобно понимать въ томъ же смыслѣ, который имѣютъ и нѣкоторыя другія Русскія пословицы, какъ напримѣръ: что̀ за честь, когда нечего ѣсть, или: изъ чести шубы не сошьешь и т. п.» По окончаніи засѣданія комитета, въ которомъ никто не возражалъ ни мнѣ, ни инспектору классовъ, я замѣтилъ, что одинъ изъ ротныхъ командировъ остался очень недоволенъ моимъ рѣшеніемъ прекратить сѣченіе розгами. На другой день онъ явился ко мнѣ и объявилъ, что 25 воспитанниковъ ушли безъ спроса изъ училища и неизвѣстно, гдѣ находятся. Я спро-

силъ его: какая можетъ быть причина такого страшнаго явленія? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что они дозволили себѣ сдѣлать это своеволіе, потому что узнали о моемъ рѣшеніи уничтожить тѣлесныя наказанія. Изъ этихъ словъ я понялъ, что уходъ воспитанниковъ былъ демонстраціей противъ меня, можетъ быть, имъ же подготовленною, и потому сказалъ ему, что ротнаго командира, который не можетъ справиться съ своей ротой безъ помощи розги, я считаю неспособнымъ командовать ротой, о чемъ и донесу начальству, если подобный проступокъ воспитанниковъ повторится въ другой разъ. Ознакомившись ближе съ всѣми ротными командирами, я убѣдился, что они, за исключеніемъ командира 2-й роты, неспособны быть воспитателями и будутъ служить мнѣ тормазами въ дальнѣйшемъ развитіи придуманныхъ мной мѣръ улучшенія, вслѣдствіе чего я рѣшился расширить кругъ дѣятельности учителей, поручивъ имъ воспитательскія обязанности; ротнымъ же командирамъ я предоставилъ только строевыя занятія.

Выбравъ изъ учителей восемь наиболѣе развитыхъ и порядочныхъ молодыхъ людей, я раздѣлилъ обѣ роты на восемь отдѣленій и каждому изъ нихъ поручилъ по отдѣленію.

Воспитанники ходили въ домъ, гдѣ находились классы, только по утру; послѣ же обѣда они проводили все время въ ротахъ, гдѣ не было отдѣлено помѣщеній для приготовленія ими уроковъ и гдѣ, находясь безъ всякаго надзора, они шумѣли, кричали, прыгали и тѣмъ лишали возможности даже самыхъ прилежныхъ изъ нихъ заняться своими уроками; если же прибавить къ этому, что учебники, раздаваемые на 10 человѣкъ по одному, нерѣдко совсѣмъ изчезали или приходили въ негодность, то станетъ понятнымъ, отчего учебная часть не могла идти хорошо; выпускаемые писаря не только подчасъ плохо писали, но нѣкоторые съ трудомъ даже могли читать.

Раздѣливъ роты на отдѣленія, отъ 35 до 45 человѣкъ въ каждомъ, я назначилъ отдѣльныя комнаты въ ротныхъ домахъ для приготовленія уроковъ и обязалъ учителей являться каждое послѣ-обѣда въ свое отдѣленіе и, въ теченіе не менѣе двухъ часовъ, заниматься съ воспитанниками приготовленіемъ уроковъ, требуя въ это время полной тишины.

Учителя, какъ я выше сказалъ, получали въ мѣсяцъ жалованья всего по пяти рублей; конечно они не могли жить на эти деньги и, чтобы пополнить свой расходный бюджетъ, давали въ городѣ уроки, По собраннымъ мной свѣдѣніямъ оказалось, что только одинъ изъ нихъ

получалъ за частные уроки около 15 рублей въ мѣсяцъ *); остальные же не выручали и 10 рублей. Возложивъ на учителей лишнія обязанности и необязательный для нихъ трудъ, я этимъ лишалъ ихъ чуть не куска хлѣба, который они зарабатывали частными уроками. Въ виду этого, я имъ назначилъ по 10 рублей въ мѣсяцъ добавочнаго жалованья изъ суммъ училища, которыя, я надѣялся, останутся въ экономіи по нѣкоторымъ статьямъ расходной смѣты; при этомъ я обѣщалъ значительно его увеличить тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ съ наибольшимъ успѣхомъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Учителя были въ восторгѣ отъ моего распоряженія, имѣя возможность, не бѣгая по городу для розыска частныхъ уроковъ, получать въ опредѣленное время ту сумму, которую они считали maximum своего заработка. Ротные же командиры были мной недовольны, потому что, расширивъ дѣятельность учителей, я этимъ выразилъ болѣе довѣрія къ этимъ послѣднимъ, чѣмъ къ нимъ; но еще болѣе они вознегодовали, когда надзоръ за занятіями учителей, которыхъ они считали ротными унтеръофицерами имъ подчиненными, я поручилъ не имъ, а инспектору классовъ. Для пользы дѣла, я не могъ поступить иначе. Командиръ 2-й роты Соколовскій, молодой человѣкъ, переведенный въ училище изъ Петербурга, понялъ это и отнесся ко мнѣ съ сочувствіемъ, но два субалтернъ-офицера вскорѣ оставили службу въ училищѣ. Я не нашелъ нужнымъ представлять другихъ лицъ къ замѣщенію ихъ должностей въ виду ожидаемаго въ скоромъ времени преобразованія училищъ, при которомъ военный строй заведеній долженъ былъ значительно измѣниться. Для дальнѣйшихъ улучшеній учебной части необходимо было увеличить отпускъ бумаги для занятій и купить учебники въ такомъ количествѣ, чтобы каждый воспитанникъ имѣлъ свою книгу. Наконецъ, я нашелъ нужнымъ улучшить и хозяйственную часть и началъ съ того, что приказалъ давать воспитанникамъ ежедневно чай по утру и вечеромъ.

Всѣ сдѣланныя мной улучшенія потребовали конечно немало денегъ. Разсматривая бюджетъ училища, я полагалъ возможнымъ сберечь нужную сумму для этихъ расходовъ изъ слѣдующихъ статей: 1) У воспитанниковъ, какъ я говорилъ, было по пяти мундировъ, изъ которыхъ два лежали новые въ цейхгаузѣ, слѣдовательно шить имъ еще мундиръ въ этомъ году не представлялось никакой надобности; сбереженіе это должно было составить около двухъ тысячъ рублей.

*) Калашниковъ, дававшій уроки въ домѣ губернскаго акцизнаго начальника Сафонова.

2) Выходъ двухъ офицеровъ изъ училища и незамѣщеніе ихъ другими офицерами долженъ былъ образовать остатокъ отъ личнаго состава около 1000 рублей. 3) Я получалъ въ безотчетное распоряженіе, на мелкій ремонтъ зданій, 1200 рублей въ годъ, а считалъ возможнымъ израсходовать не болѣе 500 рублей. Кромѣ этихъ статей могли быть остатки и отъ дровъ, и отъ холста, котораго отпускали воспитанникамъ для шитья бѣлья болѣе чѣмъ нужно было, и отъ найма прислуги, которая въ Воронежѣ была очень дешева въ то время. Сообразивъ предстоящіе расходы и экономію, которая могла быть сдѣлана, я нашелъ, что ея будетъ совершенно достаточно для предположенныхъ мной улучшеній и даже можетъ быть остатокъ, который я рѣшилъ употребить на награды лучшимъ воспитанникамъ. Но всѣ мои соображенія остановлены были препятствіемъ, о которомъ я забылъ и котораго не принялъ во вниманіе. По положенію училищъ я не имѣлъ права переводить расходы изъ одной статьи смѣты въ другую; власть эта принадлежала Управленію Военно-учебныхъ Заведеній. Хотя я былъ почти увѣренъ, что мнѣ не откажутъ въ санкціи сдѣланныхъ мной распоряженій, такъ какъ они клонились исключительно къ пользѣ заведенія, но тѣмъ не менѣе я рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы лично объяснить необходимость предположенныхъ мной мѣръ.

По упраздненіи Управленія Училищъ Военнаго-Вѣдомства, всѣ дѣла были переданы въ Управленіе Военно-учебныхъ заведеній. Во главѣ этихъ дѣлъ стоялъ какой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ, переведенный изъ Управленія училищъ и привыкшій смотрѣть на начальниковъ училищъ свысока. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я узналъ, что генерала Исакова въ Петербургѣ нѣтъ, и явился къ его помощнику генералу Корсакову, который, выслушавъ мои объясненія, послалъ меня для переговоровъ къ вышесказанному дѣйствительному статскому совѣтнику. Этотъ господинъ, прочитавъ мой рапортъ, въ которомъ я просилъ о переводѣ по смѣтѣ расхода изъ одной статьи въ другую, очень важно замѣтилъ, что начальники училищъ, въ особенности тѣ, которые только что назначены, не должны умничать. Я ему отвѣчалъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ начальниковъ училищъ, которые считаютъ своимъ долгомъ заботиться о пользѣ заведенія, имъ ввѣреннаго и если онъ такія заботы называетъ умничаньемъ и тѣмъ лишаетъ меня возможности исполнить мой долгъ, то я на такой службѣ оставаться не могу. Сказавъ это, я ушелъ отъ него и рѣшился подать въ отставку; но, увидавъ полковника Лалаева, который состоялъ при генералѣ Исаковѣ и завѣдывалъ училищами, я перемѣнилъ мое намѣреніе, такъ какъ въ теченіе трехъ дней все мной просимое было исполнено. Передъ

отъѣздомъ изъ Петербурга, я накупилъ массу учебниковъ, которые привезъ въ Воронежъ на радость инспектора классовъ и учителей.

Ободренный первымъ успѣхомъ въ моей педагогической дѣятельности, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, по возвращеніи въ Воронежъ, что всѣ сдѣланныя мной реформы даютъ хорошіе результаты. Уничтоженіе тѣлеснаго наказанія не только не увеличило числа проступковъ, но значительно ихъ уменьшило; учителя занимаются съ воспитанниками безупречно хорошо; родители же воспитанниковъ не знаютъ какъ меня благодарить за улучшеніе содержанія ихъ дѣтей. Только командиръ 1-й роты смотритъ на меня угрюмо и сердито; но воспитанники его роты не уходятъ болѣе безъ спроса.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Говоря одинъ разъ съ инспекторомъ классовъ, я узналъ, что нѣкоторые учителя очень интересуются изученіемъ педагогики и хотятъ просить меня дать имъ для прочтенія какое-нибудь педагогическое сочиненіе по моему выбору. Такая любознательность учителей меня очень порадовала и внушила мнѣ мысль самому бесѣдовать съ ними о воспитаніи и изложить главныя основанія Педагогики. Инспекторъ классовъ одобрилъ мою мысль; я назначилъ для моихъ бесѣдъ одинъ вечеръ въ недѣлю, по Субботамъ, и предложилъ всѣмъ желающимъ приходить меня слушать въ назначенное мной для этого помѣщеніе. Бесѣды мои продолжались около трехъ мѣсяцевъ; я изложилъ въ нихъ главныя основанія Педагогики и далъ общія понятія о Дидактикѣ. Приноравливаясь къ тогдашнимъ понятіямъ о воспитаніи, я старался указать въ моихъ бесѣдахъ, что наказывать и награждать значитъ дресировать, а не воспитывать, что воспитаніе разумныхъ существъ требуетъ иныхъ мѣръ, иныхъ средствъ, дресировка же безъ помощи этихъ мѣръ губитъ нравственно дѣтей. Передъ началомъ моихъ бесѣдъ, я просилъ моихъ слушателей останавливать меня, если имъ покажется что либо мной сказанное непонятнымъ, и затѣмъ предлагать мнѣ вопросы и дѣлать возраженія. Желаніе мое было исполнено. Помню, что на одной изъ бесѣдъ, учитель Ѳедоровъ, только что переведенный изъ Сибирскаго училища, спросилъ меня: можетъ ли и долженъ ли сынъ уважать отца, который не заслуживаетъ уваженія? Затѣмъ тотъ же Ѳедоровъ предложилъ мнѣ такой вопросъ: какъ долженъ поступить воспитатель, если воспитанникъ не сознáется въ своемъ проступкѣ и если нѣтъ явныхъ уликъ, что онъ его сдѣлалъ? Вопросы эти были весьма важны; категорическаго отвѣта на нихъ нельзя было дать, вслѣдствіе этого возбудились пренія, въ которыхъ приняли участіе и другіе учителя. Я былъ очень доволенъ слушать эти

пренія, такъ какъ я могъ изъ нихъ уяснить себѣ взгляды и степень развитія говорившихъ. Желая придать моимъ бесѣдамъ съ учителями семейный характеръ, я приказалъ подавать чай и просилъ всѣхъ курить.

Впослѣдствіи, когда я вышелъ въ отставку, читанныя мной *Бесѣды о воспитаніи* были напечатаны отдѣльной книжкою. Состоя членомъ и одно время предсѣдателемъ Мещевскаго Училищнаго Совѣта, я пожертвовалъ всѣ напечатанные экземпляры въ пользу народныхъ школъ этого уѣзда и передалъ ихъ бывшему въ то время Мещевскому предводителю дворянства Николаю Васильевичу Рагозину.

IX.

Скажу нѣсколько словъ о Воронежскомъ обществѣ того времени. Губернаторомъ былъ князь Трубецкой, котораго всѣ любили за его любезность и за общительный, всегда веселый характеръ. Жена его, урожденная Пещурова, была женщина умная, но довольно болѣзненная и рѣдко посѣщавшая общество. Они жили очень тихо и скромно. Затѣмъ была въ Воронежѣ очень богатая особа (кажется вдова, не имѣвшая дѣтей) А. И. Шеле, которая поставила себѣ задачей соединять, угощать и веселить все общество. У нея почти ежедневно бывали вечера или обѣды. Радушіе и гостепріимство, съ которыми она всѣхъ принимала, пріобрѣли ей общія симпатіи. Какъ женщина вполнѣ добрая, она желала сдѣлать всѣмъ пріятное; такъ напримѣръ, приглашая на свои маленькіе вечерà нѣсколько семействъ, она непремѣнно выбирала тѣ, которыя были между собой короче знакомы. Если пріѣзжало въ Воронежъ новое лице, она дѣлала тотчасъ большой вечеръ и знакомила это лице со всѣмъ Воронежскимъ обществомъ. Конечно, у нея были нѣкоторыя странности, какъ напримѣръ, зная довольно плохо по французски, она любила писать Французскія записки, и написала однiъ разъ моей женѣ приглашеніе *на чашку чая* такимъ образомъ: «Venez chez moi *pour une tasse de thé*». Разсказывали также, что, дѣлая большіе обѣды, она сажала за столъ по чинамъ, и передъ тѣми лицами, которыя сидѣли выше, ставились вина болѣе дорогія, чѣмъ въ концѣ стола. Но какъ бы то ни было, этой добрѣйшей женщинѣ Воронежъ былъ обязанъ веселой и пріятной жизнью, которой въ другихъ губернскихъ городахъ не было.—Другія лица, съ которыми я болѣе коротко познакомился были: жандармскій полковникъ Кавалинскій, добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, котораго любилъ весь Воронежъ за то добро, которое онъ дѣлалъ; къ нему обращались со всевозможными просьбами, и не было случая, когда бы онъ отказалъ принять просьбу; по надоб-

но сказать, что, пользуясь его добротой, ему предъявлялись иногда престранныя просьбы. Такъ напримѣръ, при мнѣ пришли къ нему нѣсколько крестьянъ пригородной слободы и объяснили, что священникъ не хочетъ вѣнчать свадьбы, требуя 10 рублей, а они не могутъ дать болѣе 5 рублей, между тѣмъ женихъ убилъ уже барана, и они боятся, чтобы отъ долгаго лежанія баранъ не испортился. Кавалинскій тотчасъ поѣхалъ къ архіерею, и свадьба состоялась въ тотъ же день. Въ другой разъ, къ нему является жена одного чиновника и проситъ развести ее съ мужемъ, говоря, что мужъ согласенъ на разводъ. Кавалинскій, какъ онъ мнѣ говорилъ, зналъ, что причина просьбы о разводѣ была самая пустая, а потому, желая помирить мужа съ женой, онъ объяснилъ ей, что разводъ возможенъ, но съ тѣмъ, чтобы она уѣхала въ Архангельскъ, а мужъ въ Иркутскъ; если же они на это не согласны, то должны при немъ помириться. Конечно миръ состоялся въ тотъ же день.—Затѣмъ, въ числѣ нашихъ знакомыхъ, съ которыми мы видались очень часто, были семейства комисаріатскаго полковника Штакельберга, уѣзднаго предводителя дворянства Сапрунова, предсѣдателя губернской Земской Управы Астафьева, помѣщиковъ Бедряги, Муравьева и, наконецъ, директора Воронежской Военной Гимназіи Винклера.

Разскажу нѣкоторые эпизоды изъ Воронежской жизни, которые остались у меня въ памяти.

У насъ былъ вечеръ, на который собрался весь нашъ кружокъ. Муравьевъ, будучи спиритомъ, съ паѳосомъ разсказывалъ, какъ онъ вызвалъ Пальмерстона, который въ то время только что умеръ, и объяснялъ намъ, что́ именно онъ говорилъ съ нимъ. Въ концѣ разговора вошелъ Штакельбергъ. Когда Муравьевъ окончилъ свой разсказъ, Штакельбе́ргъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Я зналъ, что Потаповъ былъ проѣздомъ въ Воронежѣ, но о томъ, что Пальмерстонъ посѣтилъ нашъ городъ я ни отъ кого не слыхалъ». Всѣ расхохотались.

Кавалинскій былъ большой шутникъ, а подчасъ и насмѣшникъ. Познакомившись у А. И. Шеле съ женой чиновника Д.., только что назначеннаго по особымъ порученіямъ къ губернатору, онъ замѣтилъ, что у нея былъ огромный носъ, такой же какъ у него. Дѣлая на другой день визиты, онъ заѣхалъ къ намъ и объявилъ, что онъ очень опечаленъ. «До сихъ поръ, сказалъ онъ, въ Воронежѣ не было соперника моему носу, но, увидавъ вчера г-жу Д...., я долженъ сознаться, что ея носъ перещеголялъ мой.» Разсказъ этотъ разошелся по городу и былъ

причиною, что между супругами Д........ и Кавалинскимъ установились холодныя отношенія.

Со мной и архіереемъ былъ такой случай. Преосвященный Серафимъ имѣлъ обыкновеніе не давать цѣловать свою руку лицамъ, которымъ онъ хотѣлъ выказать свое вниманіе: обыкновенно онъ ихъ цѣловалъ въ губы. Въ Воронежѣ было въ то время четыре полковника, всѣ довольно старые и сѣдые, мнѣ же былъ 41 годъ, и я казался моложе этихъ лѣтъ. Всѣ полковники пользовались привилегіей цѣловать архіерея въ губы, мнѣ же онъ подносилъ свою руку прямо къ губамъ; кромѣ того всѣмъ полковникамъ онъ дѣлалъ визиты и приглашалъ къ себѣ на завтраки, которые онъ устраивалъ во всѣ большіе праздники, меня же приглашать онъ посылалъ монаха. Такое неравенство отношеній архіерея ко мнѣ и къ другимъ полковникамъ мнѣ показалось страннымъ, и я пересталъ ѣздить къ нему на завтраки. Прошло около двухъ лѣтъ какъ совершенно неожиданно я получилъ телеграмму о производствѣ меня въ генералъ-маіоры. Слухъ объ этомъ распространился по городу тотчасъ же, а на другой день, къ удивленію моему, я увидалъ у моего подъѣзда карету архіерея. Онъ вошелъ ко мнѣ, держа икону въ рукахъ, благословилъ ею, поздравилъ съ производствомъ и напечатлѣлъ на моихъ губахъ очень крѣпкій поцѣлуй. Тутъ я понялъ, какъ пріятно быть генераломъ.

Въ Воронежѣ былъ кружекъ спиритовъ, во главѣ котораго стоялъ корпусный командиръ генералъ Безобразовъ; но въ то время когда мы пріѣхали, Безобразова уже не было, нѣкоторые другіе члены также разъѣхались; остался только Муравьевъ, который, для пополненія своего кружка, знакомился со всѣми новопріѣзжими и употреблялъ всѣ усилія, чтобы увлечь ихъ въ спиритизмъ. По пріѣздѣ нашемъ онъ сталъ къ намъ ѣздить почти каждый день, привозилъ толстыя тетради и читалъ то что̀ ему говорили разные покойники. Въ то время у насъ гостила моя сестра, пріѣхавшая изъ Москвы. Замѣтивъ, что она кашляетъ, онъ предложилъ ей вызвать какаго-то знаменитаго доктора, не за долго передъ тѣмъ умершаго и спросить, какое онъ посовѣтуетъ ей лѣкарство. Она согласилась. Онъ пріѣхалъ на другой день и объявилъ, что вызванный имъ докторъ совѣтуетъ ей пить ежедневно по чашкѣ липоваго цвѣту, но не горячаго, а холоднаго. Она его поблагодарила и разсмѣялась. Въ тоже время онъ бывалъ часто у одного помѣщика Нечаева, жившаго въ Воронежѣ и только что женившагося на молодой 18-ти лѣтней дѣвушкѣ, на которую разсказы Муравьева производили сильное впечатлѣніе. Мужъ, боясь, чтобы она не увлеклась спиритиче-

скими бреднями, предложилъ ей испытать правдивость Муравьева. Увидавъ его, она притворилась очень огорченною письмомъ, увѣдомлявшимъ ее о смерти одной подруги, которую она очень любила; при этомъ она описала Муравьеву эту подругу, какъ дѣвушку серьозную, удалявшуюся отъ свѣтскихъ удовольствій и занимавшуюся спиритизмомъ. На самомъ же дѣлѣ, эта дѣвушка была была очень веселаго характера, любила свѣтъ, надъ спиритизмомъ смѣялась и вовсе не думала умирать. Выслушавъ Нечаеву, Муравьевъ уѣхалъ домой и въ тотъ же день пріѣхалъ снова и объяснилъ Нечаевой, что онъ вызывалъ ея подругу, говорилъ съ ней очень много и между прочимъ, она просила передать своей милой Annette (такъ звали Нечаеву), что она была очень счастлива въ жизни, и этимъ счастьемъ обязана была тому, что занималась спиритизмомъ, вслѣдствіе чего она умоляетъ Annette, которую любила и любитъ всей душой, послѣдовать ея примѣру. При этихъ словахъ мужъ Нечаевой вошелъ въ комнату и подалъ женѣ письмо отъ подруги, которую она считала умершей, но о смерти которой ее извѣстили ошибочно. Муравьевъ сконфузился, уѣхалъ и, кажется, прекратилъ свои визиты Нечаевымъ.

На званыхъ вечерахъ въ Воронежѣ пили обыкновенно очень много вина; случалось, что и высшіе губернскіе сановники уѣзжали домой въ весьма веселомъ расположеніи духа. Съ однимъ изъ этихъ сановниковъ былъ такой случай. Уѣзжая съ вечера, онъ сѣлъ въ свою карету, задремалъ и, когда карета остановилась у его подъѣзда, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Кучеръ, бывшій въ свою очередь на веселѣ, постоялъ нѣсколько секундъ у подъѣзда и, думая, что его баринъ вышелъ, въѣхалъ на дворъ, вдвинулъ карету въ сарай и, заперевъ его, ушелъ спать. Каково же было удивленіе сановника, когда онъ проснулся къ утру и увидалъ себя запертымъ въ своемъ собственномъ сараѣ! Этотъ случай составилъ на долго тему для городскихъ пересудовъ.

Въ Воронежѣ жилъ богатый помѣщикъ Вигель. У него была огромная коллекція фотографическихъ карточекъ всѣхъ сколько нибудь извѣстныхъ людей и всѣхъ дамъ полусвѣта во всевозможныхъ видахъ и позахъ. Коллекцію эту онъ составилъ за границей и продолжалъ ее пополнять въ Россіи. Вскорѣ послѣ Каракозовскаго покушенія, Бедряга долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ. Вигель просилъ его достать ему непремѣнно карточку Каракозова. Бедряга обѣщалъ, но карточки не досталъ и, по возвращеніи, ради шутки, далъ ему свою карточку, увѣряя, что это карточка Каракозова. Вигель очень обрадовался и, вглядываясь въ карточку, съ злобой сказалъ: «Какое звѣрское лице;

такъ и видно, что злодѣй!» Всѣ расхохотались. Вигелю шутка эта не понравилась; но онъ вполнѣ успокоился, когда Бедряга подарилъ ему карточку очень декольтированной женщины, на которой было написано: Diane de Poitier.

Каракозовское покушеніе произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ Воронежскихъ жителей. Какъ только извѣстіе объ этомъ злодѣйскомъ умыслѣ распространилось по городу, всѣ церкви наполнились молящимися, служились благодарственныя молебствія, на всѣхъ улицахъ толпился народъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышались звуки народнаго гимна и крики: Ура! Нѣкоторымъ лицамъ изъ нашего кружка пришла въ голову мысль отпраздновать чудесное спасеніе царя-освободителя народнымъ праздникомъ. Тотчасъ же предложена была подписка, выбраны были распорядители и составлена программа праздника. По подпискѣ собрано было, сколько я помню, около трехъ тысячъ рублей; распорядителями избрали Сафонова (губернскаго акцизнаго начальника), Сапрунова (уѣзднаго предводителя дворянства), Астафьева (предсѣдателя губернской Земской Управы), Бедрягу, меня и еще кого-то. Рѣшено было устроить праздникъ на плацу близъ Кадетскаго Корпуса. Въ три или четыре дня всѣ приготовленія были окончены: на плацу поставлены столы съ пирогами и мясными закусками, привезены бочки съ водкой, врыты столбы для призовъ, наняты два оркестра музыки, которые должны были играть цѣлый день, устроенъ театръ съ маріонетками и съ какимъ-то фокусникомъ; для интеллигентной же публики разбита была большая палатка, взятая въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ которой былъ приготовленъ завтракъ и Шампанское. Праздникъ назначенъ былъ въ Воскресенье; собрались толпы народа не только изъ городскихъ жителей, но и изъ сосѣднихъ деревень. Ура! гремѣло цѣлый день; водки выпито было огромное количество, но особенно пьяныхъ не было: распорядители оставались на плацу до вечера и слѣдили за порядкомъ; народъ съ пѣснями сталъ расходиться только тогда, когда на̀чало темнѣть. Я пріѣхалъ домой разбитый отъ усталости; праздникъ продолжался отъ 10 часовъ утра до 7 часовъ вечера. За завтракомъ было выпито много Шампанскаго, и передъ каждымъ тостомъ произносились спичи; мнѣ пришлось сказать спичъ и предложить тостъ за здоровье Государя Наслѣдника Цесаревича.

X.

Принимая мѣры къ улучшенію положенія училища, я имѣлъ много занятій; но эти занятія не мѣшали мнѣ поддерживать связи знакомства съ Воронежскимъ обществомъ. Мой день распредѣлялся обыкновенно такимъ образомъ: въ 10 часовъ утра я шелъ въ канцелярію, гдѣ адъютантъ дѣлалъ мнѣ докладъ; послѣ доклада я собиралъ довольно часто хозяйственный комитетъ для обсужденія хозяйственныхъ дѣлъ; изъ комитета я ходилъ въ классы и къ тремъ часамъ возвращался домой. Въ это время къ намъ пріѣзжали знакомые, или я уѣзжалъ дѣлать визиты. Послѣобѣденное время было совершенно свободное; я посвящалъ его чтенію газетъ, журналовъ и семейнымъ дѣламъ. Вечеромъ, если мы съ женой не были куда-нибудь приглашены и если у насъ никого не было, я заѣзжалъ на полчаса на занятія учителей съ воспитанниками, или въ больницу, если тамъ были больные воспитанники, и затѣмъ отправлялся въ клубъ, гдѣ я былъ выбранъ старшиной-распорядителемъ. Изъ клуба я возвращался не позднѣе 12 часовъ и до 2-хъ часовъ занимался чтеніемъ серьозныхъ книгъ или писалъ мои Бесѣды о воспитаніи. Такая дѣятельная жизнь была вполнѣ по моему характеру; я былъ ею доволенъ какъ потому, что сознавалъ пользу мной приносимую, такъ и потому, что не только служащіе въ Училищѣ, но и все Воронежское общество относилось ко мнѣ съ сочувствіемъ и съ расположеніемъ.

Воронежскій Статистическій Комитетъ избралъ меня своимъ членомъ и прислалъ мнѣ дипломъ. Чтобы отблагодарить комитетъ за честь, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, я взялъ на себя очень трудную и сложную работу, о которой будетъ сказано ниже.

15 Августа 1866 года въ Воронежѣ открылась сильная холера и продолжалась ровно два мѣсяца до 15 Октября. Бывало, до 10 и болѣе похоронъ сталкивались на перекресткахъ улицъ. Городъ впалъ въ уныніе, доктора потеряли голову; въ особенности поразила всѣхъ смерть молодой женщины 20 лѣтъ, только что вышедшей за мужъ за прокурора, котораго фамиліи не припомню. Въ восьмомъ часу вечера она гуляла здоровая и веселая въ Ботаническомъ саду, окруженная большимъ обществомъ, которое пригласила къ себѣ пить чай; во время чая почувствовала боли въ желудкѣ, а въ 11 часовъ ея уже не было на свѣтѣ. Въ то время говорили, что многихъ воспитанниковъ Военной Гимназіи вылѣчили отъ холеры Шампанскимъ; какъ только заболѣла молодая женщина, ее стали поить этимъ виномъ, но оно не по-

могло, и послѣ ея смерти увѣряли, что она умерла отъ того, что выпила много Шампанскаго. Похоронныя процессіи, встрѣчаемыя ежедневно на всѣхъ улицахъ, возбудили такой страхъ передъ холерой, что нѣкоторые съ убѣжденіемъ говорили, будто половина городскихъ жителей сдѣлалась ея жертвой. Говоря объ этихъ преувеличенныхъ толкахъ съ губернаторомъ и замѣтивъ его желаніе опредѣлить точнымъ образомъ число умершихъ отъ холеры, я предложилъ ему, какъ членъ Статистическаго Комитета, взять этотъ трудъ на себя. Два мѣсяца я собиралъ свѣдѣнія о всѣхъ умершихъ. Прежде всего я обратился ко всѣмъ священникамъ приходскихъ церквей и просилъ ихъ дозволить моему писарю сдѣлать выписку изъ ихъ книгъ о скончавшихся отъ холеры. Писарь составилъ мнѣ имянной списокъ, который я провѣрилъ по книгамъ кладбищенской церкви; затѣмъ я просилъ всѣ правительственныя учрежденія, учебныя заведенія, монастыри, больницы, военныя части и полицію доставить мнѣ списки умершихъ отъ холеры; наконецъ, я объявилъ, что тотъ дворникъ дома, который явится ко мнѣ и сообщитъ, кто въ его домѣ умеръ холерой, тотъ получитъ отъ меня отъ 20 до 40 коп., смотря по разстоянію дома отъ моей квартиры. Получивъ такимъ образомъ массу именныхъ списковъ (въ которыхъ нѣкоторые покойники были записаны не одинъ разъ), я просидѣлъ около мѣсяца надъ ихъ провѣркой и распредѣлилъ ихъ въ категоріи по полу, возврасту и сословіямъ. Оказалось, сколько я помню, умершихъ отъ холеры, нѣсколько болѣе 2000 человѣкъ, что при 40 тысячномъ населеніи города составляетъ 5%. Губернаторъ остался очень доволенъ и выразилъ мнѣ благодарность отъ имени Статистическаго Комитета.

Въ концѣ зимы 1866 года меня извѣстили изъ Петербурга, что новое положеніе объ училищахъ военнаго вѣдомства, которыя предположено было назвать Военными Начальными Школами, уже составлено и въ скоромъ времени послѣдуетъ распоряженіе о введеніи его въ дѣйствіе. Ожидая съ нетерпѣніемъ этого распоряженія, я былъ, какъ громомъ пораженъ, получивъ изъ Управленія Военно-учебныхъ Заведеній увѣдомленіе, что Воронежское училище должно быть въ скоромъ времени закрыто, а воспитанники его будутъ переведены въ другія заведенія того же типа. Причинами закрытія училища выставлялись невозможность оставить его въ тѣхъ неудобныхъ зданіяхъ, которыя оно занимало и неимѣніе денегъ для постройки новаго дома; ротные же дома училища рѣшено было отдать Министерству Юстиціи, для устройства въ нихъ помѣщенія для Окружнаго Суда, который долженъ былъ открыться черезъ годъ. Извѣстіе о закрытіи училища мнѣ было не-

пріятно не потому, что мнѣ предстояло остаться безъ мѣста (я былъ уже не разъ въ такомъ положеніи и никогда о томъ не горевалъ), но потому что, видя въ училищѣ (въ томъ видѣ какъ оно было) созданіе моего труда, мнѣ было горько съ нимъ разстаться; горько было думать что всѣ мои заботы и хлопоты о немъ должны безслѣдно пропасть; наконецъ, мнѣ жаль было разстаться съ воспитанниками и служащими, которыхъ довѣріемъ и расположеніемъ я пользовался и для дальнѣйшей судьбы которыхъ я ничѣмъ не могъ быть полезенъ. Вскорѣ изъ Управленія Военно-учебныхъ Заведеній я получилъ другую бумагу съ подробнымъ объясненіемъ распоряженій, которыя должны быть сдѣланы по поводу закрытія училища. Нѣкоторое имущество воспитанниковъ, какъ желѣзныя кровати, предписано было передать въ Воронежскую Военную Гимназію, а другое ихъ имущество должно быть продано по оцѣнкѣ, сдѣланной городскими оцѣнщиками; канцелярію же со всѣми дѣлами и архивомъ велѣно было сдать въ управленіе губернскаго воинскаго начальника. Воспитанники подлежали переводу въ другія училища, преимущественно въ Псковское, куда я долженъ былъ ихъ отправить въ концѣ лѣта партіями; партіи съ дядьками и всѣми вещами воспитанниковъ должны были ѣхать на подводахъ въ сопровожденіи учителей или офицеровъ по моему назначенію.

Всѣ эти распоряженія сдѣланы были Управленіемъ Военно-учебныхъ Заведеній, (которое въ это время было переименовано въ Главное Управленіе Военно-учебныхъ Заведеній) въ началѣ лѣта 1866 года. Въ это время воспитанники находились въ лагерѣ, а я жилъ на дачѣ въ Ботаническомъ саду, рядомъ съ лагеремъ. Служащіе были очень опечалены предстоявшимъ закрытіемъ училища, такъ какъ они должны были остаться за штатомъ на общемъ основаніи, а родители воспитанниковъ были въ отчаяніи растаться съ своими сыновьями, не зная что̀ ихъ ожидаетъ; нѣкоторые изъ нихъ приходили ко мнѣ и со слезами просили, чтобы я не оставлялъ ихъ дѣтей. Но что̀ же я могъ для нихъ сдѣлать? Я конечно утѣшалъ родителей, а самому было очень грустно.

Въ одно Воскресенье я сидѣлъ въ саду у себя на дачѣ. Вижу, идетъ ко мнѣ мужикъ съ окровавленной головой. Я спросилъ что̀ ему нужно? Ваши воспитанники меня убили, отвѣчалъ онъ грубымъ и пьянымъ голосомъ. Изъ распросовъ оказалось, что онъ былъ караульщикомъ орѣшника, принадлежавшаго городу и прилегавшаго одной стороной къ лагерю. Три воспитанника, по его словамъ, забрались въ орѣшникъ и когда онъ на нихъ закричалъ, они бросились на него и палкой проломили голову. Я тотчасъ же пошелъ въ лагерь; дежурный учитель

сидѣлъ въ своей палаткѣ и ничего не зналъ о случившемся. Приказавъ построить роты, я сдѣлалъ перекличку; оказалось, что всѣ были на лицѣ. Зная, какъ трудно добиться сознанія виновныхъ, когда они могутъ скрыться за массой, я тѣмъ не менѣе рѣшился поговорить съ воспитанниками и, подойдя къ нимъ, сказалъ, что, завѣдуя училищемъ болѣе $1^1/_3$ года, я сдѣлалъ все что́ могъ, чтобы улучшить ихъ положеніе и облагородить ихъ сердца; теперь отъ нихъ зависитъ доказать, что они поняли меня и что мои попеченія о нихъ не остались безслѣдны. Затѣмъ я объяснилъ имъ, что не только малолѣтніе, но и взрослые бываютъ подвержены слабостямъ и увлеченіямъ, но что обязанность каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы сознаваться въ этихъ слабостяхъ и увлеченіяхъ; а потому я выразилъ надежду, что, прощаясь со мной, они не захотятъ меня огорчить и не откажутся сказать, кто билъ сторожа? Говоря это, я былъ такъ взволнованъ, что голосъ мой дрожалъ и слезы навертывались на глаза. Едва я кончилъ говорить, какъ три воспитанника, плача навзрыдъ, подошли ко мнѣ и объявили, что они были въ орѣшникѣ, что пьяный сторожъ схватилъ одного изъ нихъ и сталъ бить; тогда, они желая отнять у сторожа своего товарища, ударили его палкой по головѣ. Это сознаніе меня такъ обрадовало, что я готовъ былъ расцѣловать сознавшихся; но, руководствуясь, принципомъ, что сознаніе должно имѣть смыслъ раскаянія, а не расчета на безнаказанность, я ихъ отправилъ подъ арестъ, но впослѣдствіи отъ души ихъ поблагодарилъ за то удовольствіе, которое они мнѣ сдѣлали своимъ сознаніемъ. Итакъ, если въ теченіе $1^1/_3$ года, я достигъ въ дѣлѣ воспитанія такихъ блестящихъ результатовъ, то, по моему убѣжденію, я былъ обязанъ этимъ уничтоженію постыднаго тѣлеснаго наказанія и развитію въ сердцахъ воспитанниковъ того благороднаго самолюбія, которое служитъ наилучшимъ средствомъ для нравственнаго развитія.

Наканунѣ отбытія воспитанниковъ въ другія училища, я сдѣлалъ имъ и служащимъ обѣдъ и пригласилъ нѣкоторыхъ моихъ городскихъ знакомыхъ, какъ напримѣръ Кавалинскаго, Бедрягу и другихъ. Обѣдъ былъ самый задушевный; я былъ глубоко тронутъ расположеніемъ, которое мнѣ выражено было служащими и воспитанниками; эти послѣдніе донесли меня на рукахъ изъ лагеря, гдѣ былъ обѣдъ, до моей дачи. Наконецъ училище опустѣло, все имущество было продано, и я остался безъ всякаго дѣла, ожидать приказа объ оставленіи меня за штатомъ.

Въ это время въ Воронежской губерніи вводились мировыя учрежденія. Губернскій предводитель дворянства Сомовъ и нѣкоторые влія-

тельные земцы выразили мнѣ желаніе, чтобы я остался въ Воронежѣ и обѣщали полное свое содѣйствіе къ избранію меня участковымъ мировымъ судьей.

Эта новая предстоящая мнѣ дѣятельность была для меня не непріятна. Разсчитывая на обѣщанное мнѣ избраніе, я нанялъ домъ, въ нижнемъ этажѣ котораго предположилъ сдѣлать камеру судьи, а въ верхнемъ этажѣ помѣстился съ семействомъ; затѣмъ, купивъ Судебные Уставы, началъ ихъ изучать.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Въ Воронежъ пріѣхалъ, для осмотра Воронежской Военной Гимназіи, генералъ Исаковъ, пригласилъ меня къ себѣ и спросилъ: что̀ я имѣю въ виду дѣлать по оставленіи меня за штатомъ? Я ему высказалъ откровенно мои намѣренія и просилъ его, если возможно, произвести меня въ генералъ-маіоры, передъ увольненіемъ въ отставку. Онъ мнѣ отвѣчалъ уклончиво. По отъѣздѣ его, я вскорѣ заболѣлъ корью, а жена моя коклюшемъ. (Престранное дѣло, что у меня и у жены приключились болѣзни, которыя бываютъ только въ дѣтскомъ возрастѣ). Едва оправившись, я получилъ совершенно неожиданно телеграмму, что я произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ скоромъ послѣ того времени, ко мнѣ заѣхалъ губернаторъ князь Трубецкой и передалъ мнѣ письмо ко мнѣ отъ генерала Исакова. Привожу это письмо дословно.

«3-го Января 1867 года. Милостивый государь Григорій Дмитріевичъ! Директоръ Орловской Военной Гимназіи генералъ-маіоръ Бушенъ получаетъ другое назначеніе. Заведеніе доведено имъ до такого состоянія, что я бы желалъ его ввѣрить, съ особой осторожностью, лицу вполнѣ и искренне привязанному къ дѣлу воспитанія юношества и раздѣляющему мое воззрѣніе на цѣль нашей работы. Я предлагаю это мѣсто вамъ; если вы согласны, прошу мнѣ телеграфировать вашъ отвѣтъ.

«Самое замѣщеніе должно совершиться въ концѣ Января; вамъ нужно будетъ, не теряя времени, отправиться частнымъ образомъ въ Орелъ, пожить тамъ дней 10 и ознакомиться хорошенько съ внутренней жизнью заведенія. Генералъ-маіоръ Бушенъ теперь здѣсь и черезъ 10 дней будетъ въ Орлѣ и, зная о предположеніи моемъ, натурально все вамъ объяснитъ въ подробности и со всѣми познакомитъ. Оттуда вы проѣдете чрезъ Москву, гдѣ ознакомитесь подробно со 2-й Московской Военной Гимназіей, генералъ-маіоръ Мезенцовъ вамъ вполнѣ будетъ содѣйствовать; осмотрѣвъ также и 1-ю гимназію, пріѣдете въ Пе-

тербургъ, гдѣ нужно будетъ ознакомиться со здѣшними заведеніями и переговорить со мной. Все вы сдѣлаете какъ частное лицо, и конечно съ такимъ характеромъ вы не встрѣтите нигдѣ препятствій.

«Ожидая телеграфическаго извѣщенія отъ васъ, каково бы ни было ваше рѣшеніе на мое предложеніе, прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности. Н. Исаковъ».

Письмо генерала Исакова меня очень обрадовало, какъ потому, что я видѣлъ изъ него, что мои труды были оцѣнены, такъ и потому, что, любя дѣло воспитанія, я имѣлъ возможность продолжать мою педагогическую дѣятельность. Изъявивъ телеграммой согласіе на сдѣланное мнѣ предложеніе и исполнивъ все, что̀ мнѣ было указано въ письмѣ генерала Исакова, я уѣхалъ изъ Воронежа въ Орелъ со всѣмъ моимъ семействомъ въ концѣ Февраля 1867 года.

XI.

Описаніе моей дѣятельности, какъ директора Орловской Бахтина Военной Гимназіи представляетъ для меня нелегкую задачу. Хвалить все что̀ было я не могу по совѣсти, а выражать неодобреніе нѣкоторымъ существовавшимъ порядкамъ и лицамъ, которыя большею частію живы, должно неминуемо возбудить ихъ неудовольствіе; тѣмъ не менѣе я рѣшился выполнить эту задачу съ той правдивостью и искренностью, которыя свойственны моему характеру, и пусть будутъ мной недовольны, но никто меня не упрекнетъ въ отступленіи отъ истины.

Трудно было найти человѣка съ болѣе честнымъ и благороднымъ направленіемъ, какъ Николай Васильевичъ Исаковъ, поставленный во главѣ Военно-учебныхъ Заведеній. Онъ имѣлъ самыя благія намѣренія и хорошо понималъ, что учебныя заведенія, въ которыхъ царствуютъ ложь и обманъ снизу до верху, не могли развивать въ сердцахъ юношей тѣ благородныя чувства, которыми долженъ быть преисполненъ каждый честный гражданинъ и офицеръ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на выборъ лицъ, которымъ должно быть ввѣрено воспитаніе молодаго поколѣнія. Учредивъ должности воспитателей, онъ дѣлалъ все, что̀ могъ для улучшенія ихъ персонала; начальниками же учебныхъ заведеній онъ старался назначать лицъ, сочувствовавшихъ его направленію и любившихъ дѣло воспитанія. Но къ сожалѣнію вы-

боръ лицъ, служившихъ въ его центральномъ управленіи, былъ не совсѣмъ удаченъ; между ними были такія личности, которыя не только не сочувствовали взглядамъ Николая Васильевича, но и критиковали его дѣйствія и своимъ пассивнымъ отношеніемъ къ дѣлу тормозили самыя благія его начинанія. Одно изъ этихъ лицъ говорило мнѣ съ досадою, что генералъ Исаковъ видитъ въ немъ не больше какъ старшаго писаря и вслѣдствіе этого дѣлаетъ престранныя распоряженія. Другія лица, хотя и выражали сочувствіе взглядамъ главнаго начальника В. У. З.; но сочувствіе это крылось не въ ихъ убѣжденіяхъ, а въ желаніи угодить начальнику. Отъ этого происходило не разъ явное противорѣчіе между словами генерала Исакова и требованіями его Главнаго Управленія. Всѣ относились съ полнымъ уваженіемъ къ Николаю Васильевичу Исакову, но никто не любилъ его Главнаго Управленія. Директоръ одной изъ Московскихъ военныхъ гимназій заболѣлъ довольно серьезно; всякое волненіе считали для него опаснымъ, и потому, прежде всего ему запретили читать бумаги, получаемыя изъ Главнаго Управленія.

Нельзя также отнестись съ похвалами и къ нѣкоторымъ лицамъ, пріѣзжавшимъ инспектировать Военныя Гимназіи. Они высказывали не рѣдко самыя противоположныя мнѣнія; такъ напримѣръ одинъ изъ ревизоровъ расхвалилъ до небесъ въ Орловской Военной Гимназіи учителя Русскаго языка Жижина, а другой нашелъ его никуда негоднымъ; одному ревизору не понравилось, что воспитанники даютъ театральныя представленія, а другой одобрилъ этотъ родъ развлеченій. Былъ случай, что одинъ ревизоръ, желая ближе ознакомиться съ дѣятельностью директора, разспрашивалъ о немъ его подчиненныхъ, говоря съ каждымъ по секрету; а другой, сказавъ директору, что онъ служитъ 28 лѣтъ и не видалъ заведенія, въ которомъ была бы лучше поставлена воспитательная часть, какъ въ томъ которымъ онъ завѣдуетъ, по возвращеніи въ Петербургъ, перемѣнилъ свое мнѣніе и говорилъ другое. Если бы ревизоры, инспектируя Военныя Гимназіи, выражали одни и тѣже взгляды и предъявляли одинаковыя требованія, то инспекціи ихъ были бы очень полезны для заведеній: директоры могли бы сообразоваться съ сдѣланными замѣчаніями и исправлять все дурное и ошибочное; кромѣ того правильныя и безпристрастныя инспекціи могли бы уединобразить прохожденіе курса въ разныхъ гимназіяхъ, а то выходило, что въ каждой гимназіи было свое распредѣленіе курса по классамъ, и воспитанникъ, переведенный изъ одной гимназіи въ другую, не имѣлъ въ томъ же классѣ знаній, требуемыхъ въ этой послѣдней гимназіи. Въ особенности рѣзко выражалось раз-

личіе программъ въ преподаваніи естественныхъ наукъ. Въ одной гимназіи Ботаника и Зоологія преподавались параллельно въ одномъ и томъ жъ классѣ; а въ другой гимназіи Ботаника преподавалась въ одномъ классѣ, а Зоологія въ другомъ. Вообще, учебное дѣло въ Военныхъ Гимназіяхъ было поставлено такъ, что заставляло многаго желать. Скажу по этому поводу еще нѣсколько словъ.

Программы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какими были Военныя Гимназіи, должны быть составлены, по моему мнѣнію, такъ, чтобы проходимый въ нихъ курсъ былъ по силамъ мальчикамъ съ средними способностями. Если же предоставить оканчивать курсъ только самымъ способнымъ, а остальныхъ, которыхъ очень много, выбрасывать изъ заведеній, то отъ этого былъ бы вредъ и для Военнаго Министерства, которое, затрачивая огромныя деньги, получало бы мало офицеровъ, и для исключаемыхъ мальчиковъ, которые, будучи возвращаемы родителямъ, не по ихъ винѣ, составили бы бремя, какъ для этихъ послѣднихъ, такъ отчасти и для государства. Предположимъ даже, что нѣкоторые юноши, не обладающіе большими способностями, но особенно прилежные, могли бы кое-какъ слѣдить за курсомъ и дотянуть до офицерскаго чина; но это было бы въ въ ущербъ ихъ здоровью, и изъ нихъ вышли бы офицеры, неспособные къ физическому труду, который требуется отъ военнослужащихъ. Казалось бы, что такая истина не можетъ подлежать спору; между тѣмъ для Военныхъ Гимназій составлены были программы, расширенныя сравнительно съ программами кадетскихъ корпусовъ, и для прохожденія всего курса назначено было шесть лѣтъ. Конечно невозможность пройти такой громадный курсъ обнаружилась очень скоро. Главное Управленіе, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же прибавить одинъ классъ, или уменьшить курсъ, стало дѣлать опыты для исправленія своихъ ошибочныхъ программъ. Сначала предложено было Военнымъ Гимназіямъ учредить два третьихъ класса, одинъ для болѣе способныхъ учениковъ, а другой для безуспѣшныхъ; затѣмъ дозволено было открыть приготовительный классъ. Распоряженія эти не имѣли обязательнаго характера, а предоставлялись усмотрѣнію гимназій, отъ этого явилась еще бо̀льшая рознь въ прохожденіи курса въ разныхъ гимназіяхъ. Наконецъ, главное управленіе дѣлало иногда такія перемѣны въ классныхъ программахъ, которыя не могли не отразиться вредно на преподаваніи. Такъ напримѣръ оно перенесло, не предупредивъ гимназіи, прохожденіе одной части Географіи изъ высшаго класса въ нижній; отъ этого произошло, что воспитанники, перешедшіе въ этомъ году изъ низшаго класса въ верхній, не могли пройти этой части Географіи ни въ томъ классѣ, изъ кото-

раго были переведены, ни въ томъ классѣ, въ который перешли. Такая неустойчивость и шаткость во взглядахъ Главнаго Управленія на учебное дѣло немало вредили успѣхамъ преподаванія, и прискорбно было то, что, только послѣ 8-ми лѣтнихъ опытовъ, сдѣлано было наконецъ то, съ чего слѣдовало бы начать а именно: изъ 6-ти классныхъ Военныя Гимназіи обращены были въ 7-ми классныя. Много еще указаній я могъ бы сдѣлать на причины, тормозившія учебное дѣло, но приведу два, изъ которыхъ объ одномъ я заявлялъ лицу, инспектировавшему Орловскую Военную Гимназію, а о другомъ представлялъ Главному Управленію Военно-учебныхъ Заведеній. Первое заключалось въ слѣдующемъ. Преподаватели Военныхъ Гимназій получали плату по числу уроковъ, а потому стремились взять какъ можно болѣе уроковъ; большинство изъ нихъ имѣли по 30 часовъ въ недѣлю, то есть по пяти въ день. Хотя нѣкоторые изъ нихъ сохраняли достаточно физическихъ и умственныхъ силъ, чтобы не утомляться и вести преподаваніе съ такой же энергіей на пятомъ урокѣ, какъ на первомъ, но его были исключенія; вообще же я замѣчалъ на пятомъ урокѣ такую вялость преподаванія, которая не могла не отразиться вредно на успѣхахъ учащихся. Въ Орловской Военной Гимназіи одинъ учитель такъ утомлялся, что, войдя въ классъ на пятомъ урокѣ, черезъ десять минутъ уходилъ въ лазаретъ и возвращался въ классъ передъ самымъ звонкомъ, служившимъ сигналомъ окончанія занятій. Другой учитель, читая воспитанникамъ вслухъ на пятомъ урокѣ, зѣвалъ и не обращалъ вниманія, что никто его не слушаетъ. Это утомленіе и постоянное смотрѣніе на часы учителей передавались невольно ученикамъ и наводили на нихъ не только скуку, но подчасъ и сонъ. Наблюденія эти я дѣлалъ, не сидя въ классѣ, такъ какъ учитель не могъ бы, въ присутствіи директора, вести вяло преподаваніе, а наблюдая затѣмъ, что̀ дѣлается въ классахъ въ стеклянныя двери, выходившія въ корридоръ. Другое замѣчаніе, мной сдѣланное, относилось до переутомленія *) мальчиковъ. Въ Орловской Военной Гимназіи, а вѣроятно и въ другихъ Военныхъ Гимназіяхъ, по росписанію назначено было пять часовъ классныхъ занятій поутру и три часа послѣ обѣда для приготовленія уроковъ (изъ этихъ трехъ часовъ часть времени удѣлялась танцамъ, гимнастикѣ и строевымъ занятіямъ); такимъ образомъ воспитанники должны были сидѣть ежедневно на одномъ мѣстѣ 7—8 часовъ; большая же часть сидѣла гораздо долѣе, такъ какъ не успѣвала въ положенные часы приготовлять заданныхъ уроковъ. При подвижности дѣтской натуры, такое долгое си-

---

*) Въ то время, когда я завѣдывалъ Орловской Военной Гимназіей, терминъ этотъ не существовалъ; но былъ фактъ, на который никто не обращалъ вниманія.

дѣніе не могло не отразиться вредно на здоровьѣ воспитанниковъ, въ чемъ я убѣдился, разсматривая лазаретныя вѣдомости за все время существованія Кадетскаго Корпуса и Военной Гимназіи: оказалось, что смертныхъ случаевъ и заболѣваній нѣкоторыми болѣзнями, сравнительно, было болѣе въ Гимназіи, чѣмъ въ Корпусѣ. Обстоятельство это мнѣ показалось весьма важнымъ и, приписывая его переутомленію дѣтей, я предложилъ педагогическому комитету обсудить мѣры, которыя слѣдуетъ принять. Комитетъ, согласившись со мной, что одной изъ причинъ этого явленія была продолжительность умственной работы воспитанниковъ, призналъ весьма полезнымъ уменьшить для 1-го и 2-го классовъ число уроковъ съ 5 на 4. Уменьшеніе же классныхъ занятій и числа часовъ, назначенныхъ для приготовленія уроковъ въ верхнихъ классахъ, было невозможно вслѣдствіе громадности курса. Журналъ рѣшеній педагогическаго комитета былъ мной отправленъ въ Главное Управленіе, но никакихъ послѣдствій онъ не имѣлъ.

Указывая на недостатки учебной части, справедливость требуетъ сказать, что воспитательная часть Военныхъ Гимназій была поставлена очень высоко.

Громадная заслуга генерала Исакова заключалась въ томъ, что онъ обратилъ самое серьезное вниманіе на дѣло воспитанія въ Военныхъ Гимназіяхъ. Во время его управленія тысячи юношей, окончившихъ курсъ въ Военныхъ Гимназіяхъ, обязаны были ему, что они вступили въ самостоятельную жизнь съ самыми честными и благородными стремленіями, усвоенными ими въ заведеніи ихъ воспитавшемъ. Зная, что, въ нравственномъ воспитаніи, хорошій примѣръ служитъ наилучшимъ средствомъ воспитанія, онъ старался уничтожить въ средѣ, окружающей воспитанниковъ, всякую ложь и обманъ, требуя отъ директоровъ полной съ нимъ откровенности и сознанія тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлались и которыхъ онъ никогда не ставилъ въ вину, понимая, что всякое дѣло рукъ человѣческихъ не можетъ быть совершенно. Дѣлая осмотры гимназіямъ и желая видѣть не показную, а вседнevную жизнь заведеній, онъ не придавалъ своимъ посѣщеніямъ никакой оффиціальности, ходилъ по классамъ, разспрашивалъ о нуждахъ заведенія, интересовался самыми мельчайшими подробностями, относящимися къ дѣлу воспитанія, но не обращалъ вниманія на внѣшнюю форму. Такъ, напримѣръ, по вступленіи моемъ въ должность директора Орловской Военной Гимназіи, я разрѣшилъ дежурнымъ воспитанникамъ быть въ сюртукахъ и не надѣвать оружія; его превосходительство не сказалъ мнѣ ни слова объ этомъ нововведеніи, которое я сдѣлалъ, можетъ

быть, не имѣя на то права. Во всѣхъ дѣйствіяхъ генерала Исакова было видно благородство чувствъ и честное отношеніе къ дѣлу. Конечно, его примѣру не могли не слѣдовать директоры военно-учебныхъ заведеній, и если между ними были лица, которыя не могли отрѣшиться отъ традиціонныхъ порядковъ прежняго времени, то во всякомъ случаѣ не могло быть и рѣчи о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя дѣлались въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ. Недавно мнѣ разсказывали, что у одного начальника воспитательнаго заведенія жена живетъ въ одномъ этажѣ занимаемаго имъ казеннаго дома, а любовница въ другомъ этажѣ. Подобный фактъ былъ бы невозможенъ при Исаковѣ. При немъ былъ случай, что одинъ директоръ вступилъ въ связь съ невинной молодой дѣвушкой, и онъ былъ тотчасъ же смѣненъ. Невозможенъ былъ бы и отвѣтъ воспитанника, на вопросъ, который я ему сдѣлалъ: доволенъ ли онъ и его товарищи своимъ директоромъ? «Да, сказалъ онъ, мы очень довольны: онъ никогда почти къ намъ не приходитъ». Воспитанники Военныхъ Гимназій не радовались, а печалились, если не видятъ своего директора. Такъ было при директорахъ: Бушенѣ, Мезенцовѣ, Слуцкомъ, Симашкѣ, Носовичѣ и другихъ.

Высказавъ мой общій взглядъ на положеніе Военныхъ Гимназій, перейду къ описанію моей дѣятельности въ Орловской Военной Гимназіи.

Пріѣхавъ въ Орелъ, я съ первыхъ же дней убѣдился, что мнѣ труднѣе будетъ вести дѣло въ Орловской Военной Гимназіи, чѣмъ я велъ его въ Воронежскомъ училищѣ. Въ гимназіи всѣ служащіе были люди развитые, съ установившимися взглядами и не менѣе меня опытные въ дѣлѣ воспитанія. Желая исключительно пользы заведенія, я не хотѣлъ дѣйствовать начальническими пріемами на тѣхъ изъ нихъ, которые уклоняются отъ моихъ взглядовъ, но не желалъ также поступаться моими убѣжденіями. Весь штатъ воспитателей и преподавателей былъ сформированъ моимъ предмѣстникомъ Бушеномъ, который, будучи назначенъ директоромъ Пажескаго Корпуса, обѣщалъ нѣкоторымъ изъ нихъ перевести ихъ въ свой корпусъ; слѣдовательно служба въ Гимназіи ихъ нисколько не интересовала. Другіе, зная, какимъ высокимъ мнѣніемъ пользуется Бушенъ у генерала Исакова, дорожили болѣе своими хорошими отношеніями къ бывшему ихъ начальнику, чѣмъ ко мнѣ — ихъ настоящему директору, и думали, что въ словахъ: «такъ было при Бушенѣ» должна была заключаться обязательная для меня сила. Къ довершенію моего неудовольствія, инспекторъ классовъ, который могъ бы быть наилучшимъ посредникомъ между мною и служащими, расходился со мною во многихъ взглядахъ

и сталъ ко мнѣ въ опозицію. Поставленный такимъ образомъ въ весьма трудное положеніе, я не разъ сожалѣлъ, что не остался въ Воронежѣ между людьми, ко мнѣ расположенными, а взялъ на себя обязанности директора Гимназіи, гдѣ, какъ я ясно видѣлъ, меня хотятъ заставить плясать по чужой дудкѣ; но я такъ былъ убѣжденъ въ вѣрности моихъ педагогическихъ принциповъ, что твердо рѣшился провести ихъ въ жизнь заведенія, или... выйти въ отставку.

Въ подтвержденіе всего сказаннаго приведу слѣдующіе факты.

Первый мѣсяцъ моего завѣдыванія Гимназіей я проводилъ большую часть дня въ Гимназіи, слѣдилъ за всѣмъ что́ дѣлается, читалъ штрафные журналы, разспрашивалъ воспитателей о характерѣ ихъ воспитанниковъ, сидѣлъ на лекціяхъ, говорилъ съ учителями, но ни во что́ не вмѣшивался и ни на кого не производилъ никакого давленія: я желалъ только ближе ознакомиться съ жизнью заведенія и съ характеромъ лицъ, руководившихъ воспитанниками. Придя, одинъ разъ, въ классъ воспитателя, котораго Бушенъ мнѣ отрекомендовалъ съ отличной стороны, я узналъ, что въ классѣ было накурено. Докладывая мнѣ объ этомъ, воспитатель сказалъ, что, въ виду того, что никто изъ воспитанниковъ не сознался въ куреніи, онъ отправилъ въ карцеръ того воспитанника, у котораго были наиболѣе дурныя отмѣтки въ поведеніи и объявилъ ему, что онъ будетъ сидѣть въ карцерѣ до тѣхъ поръ, покуда не скажетъ кто курилъ, если курилъ не онъ, и откуда взяты папиросы. Я сказалъ воспитателю, что мѣру имъ принятую я считаю непедагогичною, но не вмѣшиваюсь въ его распоряженіе, интересуясь знать, какой получится результатъ. Прошло десять дней, воспитанникъ сидѣлъ въ карцерѣ и не сознавался; наконецъ, воспитатель пошелъ къ нему и узналъ отъ него, что онъ курилъ окурокъ, который онъ нашелъ въ коридорѣ. Конечно это было не сознаніе, а ложь, къ которой мальчикъ прибѣгнулъ, чтобы не выдать кого-либо изъ своихъ товарищей. Итакъ, мѣра, принятая воспитателемъ, не только не послужила къ исправленію воспитанника, но, заставивъ его прибѣгнуть къ обману, внесла нравственную порчу въ его сердце.

Для обсужденія серьезныхъ педагогическихъ вопросовъ и для постановки воспитанникамъ баловъ изъ поведенія, а также для назначенія наказаній за крупные проступки, въ Гимназіи существовалъ педагогическій комитетъ, состоявшій изъ всѣхъ воспитателей, преподавателей и врачей; но кромѣ этого комитета, каждый Понедѣльникъ собирались воспитатели, которые, по предложенію директора, обсуживали мелкіе проступки воспитанниковъ, совершенные въ теченіи недѣли,

8

разсматривали мѣры, принятыя воспитателями и составляли общія правила, для руководства ими какъ воспитателей, такъ и воспитанниковъ. Эти еженедѣльныя совѣщанія, которымъ не велось журналовъ, имѣли частный характеръ и назывались воспитательскими комитетами. Въ одномъ изъ этихъ комитетовъ я предложилъ обсудить, правильна ли мѣра воспитателя, требовавшаго отъ воспитанника, чтобы онъ указалъ своего товарища, виновнаго въ куреніи? При этомъ я объяснилъ, что, по моему мнѣнію, мы должны не уничтожать, а развивать товарищеское чувство въ воспитанникахъ, такъ какъ исправленіе дурныхъ мальчиковъ можетъ совершиться гораздо вѣрнѣе подъ вліяніемъ ихъ товарищей, чѣмъ какими либо другими мѣрами; вслѣдствіе чего я полагалъ, что главная наша забота должна заключаться въ томъ, чтобы дать массѣ хорошее направленіе, достигнуть же этого мы могли только, требуя отъ нея того, что́ честно и благородно, а не выдачи своего товарища. Относительно же мальчика, посаженнаго въ карцеръ, я указалъ, что мѣру, принятую воспитателемъ, я считаю въ высшей мѣрѣ не педагогическою; его подвергли истязанію (десятидневное одиночное заключеніе я не могу назвать иначе) не за какое либо преступленіе, а за то, что онъ не хотѣлъ выдать своего товарища; я нахожу, что за такое дѣйствіе ему скорѣе нужно прибавить балъ изъ поведенія, а не сбавить его, какъ желаетъ воспитатель. Первымъ мнѣ возражалъ инспекторъ классовъ. Онъ указалъ, что въ настоящее время вводятся новые суды, которымъ сочувствуетъ вся Россія, что эти суды требуютъ отъ каждаго честнаго человѣка не скрывать преступленій, а обнаруживать ихъ, а потому мы должны внушать эти понятія ввѣреннымъ намъ воспитанникамъ. Я ему объяснилъ, что между преступленіемъ и проступкомъ, не затрогивающимъ чести человѣка, а выражающимъ только его легкомысліе, есть большая разница; что если честный человѣкъ не долженъ скрывать вора, то едва ли можно считать его обязаннымъ доносить на товарища, которому случайно попала въ руки запрещенная книга; вообще понятія объ укрывательствѣ и отказѣ отъ показанія на товарища никакъ не совмѣстимы; даже и суды не требуютъ свидѣтельскихъ показаній отъ лицъ, близкихъ къ подсудимому. Нѣкоторые воспитатели приняли сторону инспектора классовъ. Я прекратилъ преніе, довольствуясь тѣмъ, что я узналъ лицъ, которыхъ взгляды были несогласны съ моими убѣжденіями.

Въ слѣдующій Понедѣльникъ я прочелъ въ комитетѣ записку, въ которой изложилъ всѣ сдѣланныя мной замѣчанія относительно дѣйствій воспитателей въ теченіи недѣли и подвергъ эти дѣйствія критическому разбору. Записка эта вызвала бурныя пренія и вынудила ме-

нія, вслѣдствіе неумѣстнаго заявленія одного воспитателя, закрыть засѣданіе комитета. Помню, что инспекторъ классовъ сказалъ мнѣ въ этомъ комитетѣ въ видѣ упрека: «Вы управляете Гимназіей уже нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ ни одного воспитанника не посадили подъ арестъ» (!?)....

Читая журналы педагогическихъ комитетовъ, я нашелъ въ нихъ одно постановленіе, обязывавшее воспитателей читать переписку воспитанниковъ съ ихъ родителями. Признавая подобное правило безнравственнымъ, я рѣшился предложить комитету отмѣнить его. Я объяснилъ, что если мы признаемъ, что въ нравственномъ воспитаніи примѣръ окружающей среды служитъ не только главнымъ, но почти единственнымъ средствомъ воспитанія, то мы всѣ должны строго держаться нравственныхъ принциповъ. Какимъ же образомъ воспитатель, читая письма воспитанниковъ, можетъ имъ внушать, что чтеніе чужихъ писемъ не честно? Нѣтъ сомнѣнія, что такой воспитатель, у котораго дѣло расходится съ словомъ, неминуемо потеряетъ уваженіе воспитанниковъ, а безъ уваженія успѣхъ въ дѣлѣ воспитанія невозможенъ. Возраженія, сдѣланныя мнѣ инспекторомъ классовъ и нѣкоторыми воспитателями, сводились къ слѣдующимъ тезисамъ. Для успѣха воспитанія, воспитатель долженъ знать хорошо характеръ своихъ воспитанниковъ, а лучшимъ средствомъ для этого можетъ служить чтеніе ихъ писемъ; и затѣмъ, что воспитатель долженъ стоять такъ близко къ своимъ воспитанникамъ, чтобы у этихъ послѣднихъ не было ни одной тайной мысли отъ него. Я замѣтилъ моимъ оппонентамъ, что если черезъ чтеніе писемъ воспитанниковъ они думаютъ знакомиться съ ихъ характерами, то цѣли этой они не достигнутъ, такъ какъ воспитанникамъ очень легко направить свою переписку не черезъ Гимназію, а черезъ своихъ товарищей, ходящихъ по праздникамъ въ отпускъ *); слѣдовательно воспитатели будутъ читать только тѣ письма, которыя имъ дадутъ сами воспитанники. Кромѣ того, одинъ воспитанникъ въ письмѣ къ своему отцу расхвалилъ своего воспитателя, зная, что онъ прочтетъ это письмо. Итакъ чтеніе писемъ воспитанниковъ не только не поведетъ воспитателей къ знакомству съ характерами воспитанниковъ, но можетъ развить въ сердцахъ этихъ послѣднихъ безнравственныя стремленія. Что̀ относится до близости воспитателя къ воспитанникамъ, то я полагаю, что воспитатель—не духовникъ, но что если онъ сумѣлъ поставить себя такъ близко къ воспитанникамъ, что они

*) Я зналъ одного воспитанника, который посылалъ и получалъ письма черезъ посредство своего товарища-экстерна.

ничего не скрываютъ отъ него, то и безъ существованія какого-либо правила, они могутъ давать ему читать свои письма. Послѣ трехъ-часовыхъ преній мое предложеніе было принято большинствомъ одного голоса.

Послѣ этого комитета, въ Орелъ пріѣхалъ состоявшій при генералѣ Исаковѣ и присланный имъ для осмотра Военной Гимназіи дѣйствительный статскій совѣтникъ В. В. Авиловъ, человѣкъ очень умный и образованный. Я счелъ себя обязаннымъ высказать ему мои взгляды и противодѣйствіе, которое я встрѣчаю въ инспекторѣ классовъ. В. В. Авиловъ горячо принялъ мою сторону и въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ доказалъ инспектору классовъ ошибочность его сужденій. Поддержка, оказанная мнѣ Авиловымъ, цѣлебно подѣйствовала на мое здоровье, которое начало разстраиваться отъ постоянныхъ нравственныхъ волненій; я удвоилъ энергію и, послѣ двухъ лѣтняго завѣдыванія Гимназіей, могъ съ увѣренностью сказать, что сдѣлался полнымъ хозяиномъ заведенія, не поступившись ни однимъ моимъ убѣжденіемъ. Къ удовольствію моему, въ этотъ промежутокъ времени вышли изъ Гимназіи нѣкоторые воспитатели, составлявшіе мнѣ опозицію, а впослѣдствіи и инспекторъ классовъ былъ переведенъ въ другую Гимназію. Вновь назначенные мной, на мѣсто выбывшихъ воспитателей, имѣли полное ко мнѣ довѣріе, и дѣло воспитанія пошло превосходно. Объ одномъ изъ новопоступившихъ воспитателей, Алексѣѣ Ивановичѣ Филатовѣ, я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Одно изъ отдѣленій 1-го класса было поручено мной воспитателю инженерному подполковнику Иванову, человѣку очень хорошему, окончившему курсъ въ Инженерной Академіи, но болѣзненному, раздражительному и не имѣвшему никакого призванія къ воспитательной дѣятельности. Отдѣленіе, ему порученное, состояло изъ только что поступившихъ въ Гимназію мальчиковъ, очень рѣзвыхъ, несдержанныхъ и неумѣвшихъ себя держать. Ивановъ ничего не могъ съ ними сдѣлать и былъ въ отчаяніи; щедро расточая наказанія, онъ думалъ ими исправить своихъ питомцевъ, но и наказанія не помогали. Приходя въ его классъ, я постоянно видѣлъ, что нѣсколько мальчиковъ стоятъ на штрафу; затѣмъ, нѣкоторыхъ онъ оставлялъ безъ обѣда. Когда я ему замѣтилъ, что я не могу одобрить его системы воспитанія, онъ меня умолялъ взять у него это отдѣленіе и дать ему другое болѣе взрослое *). Въ

*) Получивъ отдѣленіе болѣе взрослыхъ воспитанниковъ, Ивановъ едва могъ съ нимъ справляться, заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

это время, въ Гимназію поступилъ новый воспитатель Алексѣй Ивановичъ Филатовъ, который окончилъ курсъ въ Академіи Генеральнаго Штаба и служилъ воспитателемъ въ одной изъ Московскихъ военныхъ гимназій; будучи Орловскимъ помѣщикомъ, онъ просилъ меня ходатайствовать о переводѣ его въ Орелъ. На предложеніе мое Филатову взять отдѣленіе Иванова, онъ охотно согласился. Прошло не болѣе $1\frac{1}{2}$ года, отдѣленіе это стало лучшимъ во всей Гимназіи; преподаватели не знали, какъ нахвалиться прилежаніемъ и успѣхами воспитанниковъ; по 10 учениковъ изъ 28 имѣли въ среднемъ выводѣ 10 баловъ и получали ежегодно награды. Дежурные воспитатели были также очень довольны воспитанниками этого отдѣленія и, сколько я помню, ни одинъ изъ воспитанниковъ не былъ записанъ въ штрафную книгу. Достигъ Филатовъ такихъ блестящихъ результатовъ не наказаніями (въ теченіи 4-хъ лѣтъ, которыя Филатовъ пробылъ въ Гимназіи, онъ не наказалъ ни одного мальчика), а особенной любовью, которую умѣлъ внушить мальчикамъ. Проводя большую часть дня въ своемъ отдѣленіи, онъ постоянно былъ окруженъ своими питомцами, занималъ ихъ разными разсказами, принималъ участіе въ ихъ играхъ, читалъ имъ вслухъ, и всѣ слушали его съ особеннымъ вниманіемъ. Уѣхавъ одинъ разъ на три дня въ свою деревню, онъ меня просилъ не поручать его отдѣленія другому воспитателю, такъ какъ его воспитанники обѣщали, что они будутъ себя вести также хорошо въ его отсутствіи, какъ при немъ. По возвращеніи его, надо было видѣть радость всего отдѣленія. Одинъ только мальчикъ (сколько помню, Трубчаниновъ) былъ очень печаленъ при встрѣчѣ съ своимъ воспитателемъ; это потому, что въ его отсутствіи онъ не выдержалъ и ударилъ какого-то товарища. Филатовъ покачалъ только головой, и мальчикъ залился горькими слезами, прося прощенія. Въ отдѣленіи Филатова былъ мой сынъ, а потому я зналъ это отдѣленіе лучше другихъ. За такую выдающуюся полезную педагогическую дѣятельность, Филатовъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, получилъ, по моему представленію, Владимира 4-й степени.

Для указанія, какіе отличные результаты получились въ нравственномъ развитіи воспитанниковъ, позволю себѣ привести нѣсколько случаевъ изъ жизни Орловской Военной Гимназіи въ послѣдній годъ моего завѣдыванія ею.

Послѣ обѣда воспитанниковъ 1-го и 2-го возрастовъ (болѣе 200 человѣкъ) буфетчикъ собралъ серебряныя ложки и, когда ихъ стали мыть, онъ замѣтилъ, что одна изъ нихъ была надломана. Экономъ принесъ мнѣ эту ложку; я передалъ ее воспитателямъ и просилъ узнать,

кто изъ воспитанниковъ ее надломалъ. Воспитатели объявили воспитанникамъ о моемъ желаніи, и виновный тотчасъ же сознался, за что просидѣлъ нѣсколько часовъ подъ арестомъ.

Другой случай былъ слѣдующій.

Въ Гимназію пріѣхало для инспекціи одно лицо изъ Главнаго Управленія. Живя въ Орлѣ около двухъ недѣль, этотъ инспекторъ пріѣзжалъ въ Гимназію въ разные часы дня. Пріѣхавъ одинъ разъ послѣ обѣда, когда не было никакихъ занятій, онъ вошелъ во второй возрастъ и услыхалъ, что кто-то свистнулъ. Подозвавъ дежурнаго воспитателя, онъ приказалъ ему узнать, кто свистѣлъ; воспитатель объявилъ объ этомъ воспитанникамъ, и виновный тотчасъ же вышелъ. Воспитатель хотѣлъ послать его подъ арестъ, но инспекторъ простилъ его. Меня не было въ то время въ Гимназіи; когда я пришелъ, инспекторъ сказалъ мнѣ, что онъ служитъ 28 лѣтъ въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній и въ первый разъ видитъ заведеніе, въ которомъ такъ хорошо поставлено воспитаніе. Затѣмъ былъ и такой случай, который можетъ указать, что воспитанники умѣли дѣлать различіе между пустымъ проступкомъ своего товарища и его безнравственнымъ дѣйствіемъ, которое они считали себя обязанными не скрывать, а обнаружить.

Артистка Леонова давала въ Орлѣ, въ Дворянскомъ Собраніи, концертъ и прислала 50 входныхъ билетовъ для воспитанниковъ. Воспитанники, большею частію старшаго возраста, отправились въ концертъ съ воспитателемъ. Возрасты въ Гимназіи были совершенно отдѣлены одинъ отъ другаго, такъ что изъ одного возраста въ другой воспитанники ходили по отпускнымъ билетамъ. Воспитатели дежурили по возрастамъ и знали только воспитанниковъ того возраста, къ которому принадлежало ихъ отдѣленіе. Одинъ воспитатель младшаго возраста поѣхалъ въ концертъ и, подъѣзжая къ Дворянскому Собранію, увидалъ стоящаго у подъѣзда воспитанника съ папиросой во рту. Не зная въ лице этого воспитанника (такъ какъ онъ былъ старшаго возраста) онъ спросилъ его фамилію и приказалъ ему передать своему отдѣленному воспитателю, что онъ курилъ (у насъ былъ принятъ такой порядокъ). Воспитанникъ назвалъ себя Михайловымъ. Когда на другой день я пришелъ въ старшій возрастъ, дежурный воспитатель объяснилъ мнѣ, что въ старшемъ возрастѣ оказался воспитанникъ какой-то Михайловъ, котораго никто не знаетъ. Въ то время, какъ я говорилъ съ этимъ воспитателемъ, подошелъ другой и сказалъ, что воспитанники его отдѣленія просили мнѣ доложить о недостойномъ поступкѣ ихъ товарища, который позволилъ себѣ назваться чужой фа-

миліей, желая скрыть свой проступокъ. Оказалось, что этотъ псевдо-Михайловъ былъ сынъ какого-то полицейскаго чиновника, не задолго передъ тѣмъ поступившій въ Гимназію. Такое строгое къ нему отношеніе товарищей такъ на него подѣйствовало, что онъ заболѣлъ и отправленъ былъ въ лазаретъ.

Описаніемъ вышеизложенныхъ фактовъ я хотѣлъ еще разъ подтвердить вѣрность взгляда, что для нравственнаго развитія юношей требуются не кары, а нравственныя мѣропріятія и что молодыя сердца легко воспринимаютъ все честное и благородное; а розга не только не можетъ облагородить чувствъ, но, уничтожая самоуваженіе, губитъ нравственность. Что генералъ Исаковъ, какъ личность высоконравственная, понималъ это и раздѣлялъ мои гуманные взгляды, я имѣю на то нѣкоторыя указанія. Во первыхъ, посѣщая Орловскую Гимназію почти ежегодно, онъ никогда не высказывалъ мнѣ критики на систему воспитанія, которой я держался и которой онъ не могъ не знать, такъ какъ я никогда ничего отъ него нескрывалъ. Потомъ былъ такой случай. Въ послѣднемъ классѣ Гимназіи былъ воспитанникъ весьма грубый, неловкій, неуклюжій и притомъ страдавшій печенью; имѣя хорошія способности, онъ учился недурно, но по поведенію онъ проявлялъ иногда грубыя выходки, дѣлавшія его неудобнымъ для воспитанія и для воспитателей. Будучи врагомъ системы исключенія изъ заведенія неудобныхъ для воспитанія мальчиковъ и считая, что возвратъ родителямъ ихъ сыновей долженъ лежать на нравственной отвѣтственности заведенія, которое не умѣло ихъ исправить, я всегда его защищалъ въ педагогическихъ комитетахъ, и онъ кое-какъ дошелъ до старшаго класса. Тутъ онъ сдѣлалъ скверную выходку. Не любя танцевъ, онъ не хотѣлъ дѣлать какія-то па, которыхъ требовалъ отъ него танцмейстеръ. Воспитатель приказалъ ему исполнить требованіе танцмейстера, или отправиться въ карцеръ. Онъ предпочелъ послѣднее и, проходя мимо воспитателя, громко и при всѣхъ сказалъ ему: Чортъ! Для поддержанія дисциплины въ массѣ, къ такому проступку нельзя было отнестись снисходительно; я тотчасъ собралъ педагогическій комитетъ, который рѣшилъ отправить его вольноопредѣляющимся въ полкъ. Какъ мнѣ ни жаль было мальчика, которому оставалось нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса, но для пользы массы я согласился съ комитетомъ и сдѣлалъ представленіе о переводѣ его въ полкъ. Въ это время пріѣхалъ для осмотра Гимназіи генералъ Исаковъ. Воспитателю стало также жаль мальчика, который былъ въ отчаяніи. Онъ научилъ его, съ моего разрѣшенія, обратиться къ ген. Исакову съ просьбой о прощеніи и о приказаніи оставить его въ Гимназіи до окончанія курса. Маль-

чикъ послушался совѣта воспитателя, а я предупредилъ ген. Исакова о просьбѣ, съ которой къ нему обратится воспитанникъ. Его превосходительство согласился исполнить просьбу воспитанника только съ тѣмъ условіемъ, чтобы воспитатель поручился за его хорошее поведеніе до окончанія курса. Конечно, воспитатель поручился, воспитанникъ окончилъ курсъ, и изъ него вышелъ хорошій офицеръ; я слышалъ, что въ бывшую Болгарскую кампанію онъ получилъ Георгіевскій крестъ. Наконецъ, немалымъ доказательствомъ тому, что генералъ Исаковъ одобрялъ мою гуманную систему воспитанія, можетъ служить обиліе наградъ мной полученныхъ. Прослуживъ въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній семь лѣтъ, я получилъ пять наградъ: четыре ордена и чинъ генералъ-маіора.

Изо всего мной разсказаннаго видно, какую я велъ борьбу за мои педагогическіе взгляды по назначеніи меня директоромъ Орловской Военной Гимназіи. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что было бы проще и спокойнѣе, если бы я дѣйствовалъ на моихъ подчиненныхъ не убѣжденіемъ, а властью директора. Не могу съ этимъ согласиться, такъ какъ сила ведетъ всегда къ обману, а обманъ къ деморализаціи. Начальническіе пріемы способны вызвать въ средѣ подчиненныхъ не хорошія чувства, а дурныя, какъ напримѣръ: лесть, низкопоклонство, укрывательство и всякаго рода ложь. Проявленіе же такихъ чувствъ въ глазахъ воспитанниковъ можетъ повести ихъ къ нравственной порчѣ. По моему мнѣнію, только нравственная сила директора, основанная на уваженіи къ нему, можетъ держать воспитательное заведеніе на той высотѣ, которая необходима для успѣха воспитанія. Результаты моей дѣятельности доказали мнѣ вполнѣ вѣрность моихъ взглядовъ. Хотя я немало перенесъ нравственныхъ страданій, но вниманіе и расположеніе ко мнѣ не только служащихъ и воспитанниковъ, да и всего Орловскаго общества, вполнѣ вознаградили меня за тѣ дурныя минуты, которыя я испыталъ. Считаю долгомъ благодарить всѣхъ, въ особенности служившихъ со мной, за ихъ сочувствіе и за душевные проводы, которые они мнѣ сдѣлали при прощаніи со мной, а равно и за стипендію моего имени, которую они учредили. Приношу также мою искреннюю благодарность тѣмъ родителямъ воспитанниковъ, которые почтили меня своими сочувственными письмами съ выраженіемъ благодарности за попеченіе объ ихъ дѣтяхъ; нѣкоторымъ изъ нихъ я не могъ отвѣчать по незнанію ихъ адреса *).

---

*) Я не отвѣтилъ господамъ Исаевичу и Золотухину.

Прослуживъ около 35 лѣтъ и чувствуя, что послѣдняя моя служба директоромъ Орловской Военной Гимназіи значительно содѣйствовала къ разстройству моего здоровья, я рѣшился выйти въ отставку, чтобы отдохнуть и заняться моими собственными дѣлами, о которыхъ я забывалъ, посвящая все мое время службѣ. Приказъ объ увольненіи меня отъ службы послѣдовалъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1872 года.

XII.

Я ничего не говорилъ объ Орловскомъ обществѣ, потому что зналъ его очень мало: все мое время я проводилъ въ обществѣ служащихъ въ Гимназіи, въ которомъ было немало симпатичныхъ и образованныхъ людей. Въ гимнастическомъ залѣ Гимназіи, находившемся въ нижнемъ этажѣ и совершенно отдѣленномъ отъ помѣщеній воспитанниковъ, бывали каждую недѣлю по Субботамъ вечера̀, на которые собирались семейства служащихъ. Вечера̀ начинались чтеніемъ рефератовъ по какой либо отрасли воспитанія, составленныхъ желающими, при чемъ допускались пренія; затѣмъ одинъ преподаватель, слѣдившій за политическими событіями въ теченіи недѣли, разсказывалъ сжато всѣ прочтенныя имъ въ газетахъ новости изъ внѣшней и внутренней политики, что̀ имѣло особый интересъ для тѣхъ, которые, по недостатку времени, не могли слѣдить за газетами. Послѣ серьезнаго отдѣла вѐчера, нѣкоторые садились играть въ карты, а другіе разговаривали и, случалось, танцовали подъ фортепьяно, которое стояло въ залѣ; иногда же одинъ изъ учителей музыки игралъ на скрипкѣ. Вечеръ оканчивался самымъ скромнымъ ужиномъ, который дѣлался на складчину всѣхъ бывшихъ на вечерѣ. Вечера эти очень оживляли гимназическое общество и, кромѣ удовольствія, имѣли свою долю пользы. На первомъ вечерѣ я прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Матеріалы для инструкціи воспитателямъ». Вскорѣ, какъ дополненіе къ этому реферату, одинъ изъ преподавателей, не помню который, изложилъ свое мнѣніе о зависимости нравственнаго развитія отъ умственнаго. Серьозные вопросы, затронутые этими рефератами, дали немало пищи разговорамъ и сужденіямъ, касавшимся воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ. На одинъ изъ такихъ вечеровъ пріѣхалъ случайно бывшій въ Орлѣ, помощникъ генерала Исакова генералъ Корсаковъ; но рефератъ былъ уже прочтенъ: онъ засталъ только разсказъ преподавателя Химеца о текущихъ политическихъ событіяхъ. Кромѣ этихъ вечеровъ, для воспитанниковъ давались балы, на которые приглашались семейства воспитанниковъ; на балахъ игралъ лучшій въ городѣ

оркестръ музыки; танцы продолжались иногда до 2 часовъ ночи; танцовали обыкновенно 40 и болѣе паръ. На балахъ подавались фрукты, конфекты, аршадъ и лимонадъ, но ужиновъ не дѣлалось. Наконецъ, въ большомъ залѣ Гимназіи устраивались иногда музыкальные и литературные вечера въ пользу благотворительныхъ учрежденій г. Орла. На этихъ вечерахъ игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ воспитанниковъ; чтеніе производилось служащими; я прочелъ разъ мои воспоминанія о Кулибинѣ, по поводу пятидесятилѣтней годовщины послѣ его смерти. Вообще нельзя сказать, чтобы жизнь въ Гимназіи шла скучно и однообразно; дѣлалось все, что̀ можно было, чтобы ее оживить и соединить пріятное съ полезнымъ.

*

По выходѣ моемъ въ оставку, я поѣхалъ съ женой за границу для пользованія Эмскими минеральными водами и вмѣстѣ съ тѣмъ для содѣйствія моей тещѣ къ скорѣйшему окончанію судебныхъ процесовъ, которые у ней были въ Лозаннѣ и Парижѣ.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы я поселился въ Москвѣ. Первое время, беззаботная жизнь, которую я велъ, мнѣ была очень пріятна: я считалъ себя счастливымъ, что могу вставать нерано, ложиться спать поздно, читать и ѣздить когда и куда хочу. Но мало по малу мнѣ стало скучно отъ бездѣятельности. Прежде всего я рѣшился заняться хозяйствомъ, и затѣмъ принялъ участіе въ дѣлахъ земскаго самоуправленія Калужской губерніи, гдѣ я былъ помѣщикомъ. Имѣніе мое въ хозяйственномъ отношеніи я устроилъ вполнѣ удовлетворительно, въ земскихъ же дѣлахъ я принималъ участіе въ теченіи 15 лѣтъ, какъ уѣздный и губернскій гласный, какъ предводитель дворянства *), какъ членъ Губернскаго Училищнаго Совѣта и какъ почетный мировой судья.

Привычка къ дѣятельности была такъ сильна во мнѣ, что я находилъ особенное удовольствіе изучать земскіе вопросы и, работая надъ ними мѣсяцы и годы, являлся въ земскія собранія подготовленнымъ и съ установившимися взглядами, а не какъ пѣшка, которую можно двигать куда угодно. Трудясь для земства совершенно безкорыстно, такъ какъ я не занималъ ни одной платной должности, я узналъ его хорошо и могъ бы многое о немъ сказать, но не сдѣлаю этого; потому что описать голые факты я считаю недостаточнымъ, а привести къ нимъ мотивы и освѣтить ихъ мнѣ не позволяютъ многія независящія

---

*) Предводителемъ дворянства Мещовскаго уѣзда я былъ недолго, въ виду того что по моимъ семейнымъ обстоятельствамъ я не могъ жить постоянно въ деревнѣ.

отъ моей воли обстоятельства; къ тому же, время, которому я могъ бы сдѣлать оцѣнку, слишкомъ еще близко, чтобы можно было отнестись къ нему безстрастно, съ холоднымъ вниманіемъ историка. Все что я считаю возможнымъ сдѣлать, это высказать, въ нѣсколькихъ словахъ, мой общій взглядъ на земскія учрежденія, къ которымъ такъ неблаговолятъ всѣ ихъ не знающіе и всѣ ими забалотированные.

Всякое учрежденіе выборное или административное можетъ быть хорошо только въ томъ случаѣ, когда лица въ немъ служащія хороши; но если лица дурны, то какъ бы совершенно не было организовано учрежденіе, оно не дастъ хорошихъ результатовъ. Это—первая истина, которая по моему мнѣнію не можетъ подлежать спору. Вторая истина слѣдующая: чѣмъ почетнѣе и выше стоитъ въ общественномъ мнѣніи какая либо должность, тѣмъ бо̀льшее число людей честныхъ и достойныхъ желаютъ ее занять.*) Обѣ эти истины были приняты во вниманіе законодателемъ, давшимъ намъ земскія учрежденія. И дѣйствительно въ первое время земскія учрежденія были вполнѣ хороши; самые лучшіе люди въ уѣздахъ считали за честь быть избранными въ гласные и, сознавая свое самостоятельное положеніе, работали исключительно для пользы дѣла; въ то время не было растратъ земскихъ денегъ, не существовало выраженія: *«откушать земскаго пирога»*. Но когда часть нашего общества и нѣкоторые органы нашей печати начали свои наѣзды на земство, крича во всеуслышаніе, что всѣ земскіе дѣятели—нигилисты, что они преслѣдуютъ антиправительственныя цѣли и стремятся къ политическому самоуправленію, тогда составъ земства не могъ не измѣниться къ худшему: одни стали уходить изъ земства, понимая, что ихъ независимый образъ мыслей, какъ бы онъ ни былъ невиненъ, можетъ навлечь на нихъ подозрѣніе въ политической неблагонадежности; другіе начали уклоняться отъ выбора въ гласные, видя, что главнымъ основаніемъ всѣхъ выборныхъ интригъ служатъ не ихъ личныя

---

*) Въ подтвержденіе мной сказаннаго, укажу на слѣдующее обстоятельство. При освобожденіи крестьянъ, учреждены были мировые посредники, которые вынесли эту реформу на своихъ плечахъ и которымъ Россія была обязана тѣмъ, что реформа прошла тихо и спокойно. Эти же мировые посредники, которые послужили прототипомъ учрежденія въ настоящее время земскихъ начальниковъ, по истеченіи 12 лѣтъ, признаны были правительствомъ негодными и въ 1873 году замѣнены крестьянскими присутствіями. Такая рѣзкая перемѣна въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ перваго призыва и ихъ преемниковъ имѣла причиной ухудшеніе ихъ личнаго персонала. Первые мировые посредники были назначены съ особой разборчивостью и считали за честь занимать эту должность; по впослѣдствіи, когда губернаторы стали относиться къ мировымъ посредникамъ почти также какъ къ становымъ приставамъ, лучшіе люди не хотѣли служить въ этой должности, и пришлось назначать въ нее лицъ заботившихся болѣе о личномъ угожденіи губернатору, чѣмъ о пользѣ крестьянскаго населенія, которому призваны были служить, вслѣдствіе чего дѣятельность ихъ упала ниже всякой критики. Да послужитъ этотъ отвѣтъ прошлаго назиданіемъ для будущаго.

достоинства, а политика, о которой они вовсе не думаютъ; наконецъ, третьи впали въ апатію и махнули рукой на все, отчаявшись, чтобы ихъ честный голосъ могъ быть услышанъ искателями *земскаго пирога.* Я давно уже прекратилъ мою земскую дѣятельность и не знаю, каковъ теперь составъ земства; но думаю, что онъ долженъ быть очень дуренъ, если правительство, въ новомъ Земскомъ Положеніи, нашло нужнымъ ввести § 60, назначающій кары гласнымъ за неявку ихъ въ земскія собранія. Прежде, гласные, служа безвозмездно и по совѣсти, знали когда ихъ присутствіе нужно въ собраніи и когда нѣтъ *); они знали также, что гласный, пріѣзжающій въ собраніе не изъ интереса къ дѣлу, а боясь кары, не можетъ быть его полезнымъ членомъ, а потому не считали нужнымъ подвергать его карѣ, но не удостоивали его избранія въ гласные на слѣдующее трехлѣтіе. Прискорбно думать, что настало такое время, когда честность и добросовѣстность находятъ нужнымъ внушать страхомъ наказанія, но...... Въ Калужской губерніи два предсѣдателя земскихъ управъ растратили земскія деньги, а между тѣмъ не пропустили ни одного земскаго собранія во все время своей службы гласными!...

Описавъ съ полной откровенностью всю мою жизнь, я не могу не благодарить Бога за то, что Онъ помогъ мнѣ пройти мой жизненный путь не безъ пользы для другихъ и сохранить подъ старость вѣру въ тѣ идеалы, къ которымъ я стремился во дни моей молодости.

---

*) Вспоминая мою дѣятельность въ Калужскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, я долженъ сказать, что я не поѣхалъ одинъ разъ въ собраніе по особенной причинѣ, которую законъ конечно не можетъ признать уважительною. Дѣло было въ слѣдующемъ. Я предложилъ губернскому земскому собранію учредить въ Калужской губерніи земскую эмеритальную кассу для служащихъ. Собраніе приняло мое предложеніе и просило меня разработать главныя основанія кассы и составить уставъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ я собиралъ статистическія данныя, дѣлалъ вычисленія, знакомился съ уставами всѣхъ существующихъ кассъ и наконецъ, составивъ уставъ, предложилъ его собранію. Въ этотъ промежутокъ времени, собраніе измѣнилось въ своемъ составѣ; въ него вступило болѣе половины новыхъ губернскихъ гласныхъ, которые, не входя въ разсмотрѣніе представленнаго мной устава, рѣшили, что для Калужскаго земства вовсе не нужно пенсіонной кассы. Конечно, это постановленіе собранія мнѣ было непріятно, но не потому что пропали мои двухлѣтніе труды, а потому, что я былъ убѣжденъ въ пользѣ кассы для служащихъ и искренне желалъ ея учрежденія. Полагая, что состоявшееся постановленіе было слѣдствіемъ партійной борьбы, я не поѣхалъ, въ слѣдующемъ году, въ очередное губернское земское собраніе, думая, что мое отсутствіе будетъ замѣчено и что вопросъ о кассѣ будетъ вновь поставленъ на очередь. Не знаю, правъ ли я былъ такъ думать; но, живя въ Москвѣ, я получилъ изъ Калуги телеграмму отъ губернскаго предводителя дворянства слѣдующаго содержанія: „Калуга 9 Января 1882 года. Вопросъ объ эмеритурѣ, благодаря вашимъ трудамъ, прошелъ единогласно. Собраніе постановило принести вамъ телеграммой искреннюю благодарность. Предсѣдатель Е. фонъ-Розенбергъ.“ Этотъ фактъ по моему мнѣнію, можетъ служить указаніемъ, что отсутствіе гласныхъ изъ собранія не всегда должно быть наказуемо; бываютъ случаи, когда гласные не пріѣзжаютъ изъ желанія пользы дѣлу.

2007099090